

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

ЛАГОШИН Евгений Владимирович

**СМАРТ-КОНТРАКТ ПРИ РАСПОРЯЖЕНИИ
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМИ ПРАВАМИ НА РЕЗУЛЬТАТЫ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:

Иванова Татьяна Николаевна

кандидат юридических наук, доцент

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СМАРТ-КОНТРАКТА В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	24
§ 1.1. Понятие и сущность смарт-контракта, его правовой генезис в условиях цифровизации общества.....	24
§ 1.2. Юридическая природа и место смарт-контракта в системе гражданско-правовых отношений.....	46
§ 1.3. Специфика и принципы применения смарт-контракта.....	69
ГЛАВА 2. ЦИФРОВАЯ ОБЪЕКТИВИЗАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ СМАРТ-КОНТРАКТА.....	89
§ 2.1. Модели объективизации результатов интеллектуальной деятельности и исключительных прав на них в цифровой среде.....	89
§ 2.2. Учет объектов интеллектуальных прав в цифровой среде.....	114
ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СМАРТ-КОНТРАКТА.....	138
§ 3.1. Отчуждение и залог исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности.....	138
§ 3.2. Предоставление права использования результатов интеллектуальной деятельности по лицензионному смарт-контракту.....	157
§ 3.3. Применение смарт-контракта к иным договорным способам распоряжения исключительными правами.....	173
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	188
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	192

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования.

Социально-политический и экономический аспекты. В условиях поступательного развития современной экономики данных особую значимость и практическую ценность приобретают вопросы построения информационно-технологических экосистем на основе существующих интеллектуальных решений. Новые цифровые возможности из сферы футуристических гипотез перенеслись в реальные бизнес-процессы и общественные отношения. Как следствие, динамично нарастающее использование передовых сквозных технологий в деловой среде создало сущностный импульс для цифровизации динамики гражданских правоотношений участников рыночного оборота материальных и нематериальных ценностей.

Важно осознавать, что подобные количественные изменения в отношении юридических действий, инспирированные научно-технологическим прогрессом, на сегодняшний день уже трансформируются в качественно новый цифровой уклад хозяйствования субъектов гражданских прав, игнорирование основных преимуществ которого может негативно сказаться на темпах социально-экономического развития государства.

Ключевым инструментом цифрового гражданского оборота становятся автоматизированные соглашения или так называемые «смарт-контракты», предоставляющие участникам договорного правоотношения возможность гарантированного осуществления прав и надлежащего исполнения обязанностей. Указанные возможности достигаются посредством заложенного в смарт-контракты принципа их самоисполнимости, не требующего дополнительного волеизъявления сторон для наступления правовых последствий. Иными словами, договорная конструкция смарт-контракта позволяет довести до абсолютизма фундаментальный принцип гражданского права *pacta sunt servanda*, делегируя осуществление обязательственных действий информационным технологиям и программным средствам.

Векторным сигналом для отечественной цифровой индустрии послужило первое применение в Российской Федерации в 2016 году смарт-контрактов между структурами АО «Альфа-Банк» и S7 Airlines для обеспечения автоматического расчета с контрагентами авиакомпании¹. В дальнейшем технология смарт-контрактов использовалась при финансировании производственно-логистических операций, первичных размещениях и трансфере цифровых активов, кредитовании бизнеса, страховании рисков и в других хозяйственных операциях.

Особенно эффективен смарт-контракт в секторах экономики, где регулирование общественных отношений подчинено стандартизированным договорным формам с недвусмысленными условиями и повторяющимися транзакциями. Типичный пример - автоматизированный кредитный договор, обеспечивающий ежемесячное погашение долгового обязательства в последний день календарного месяца без дополнительного акцепта заемщика².

А законодательное введение с 01 августа 2023 года в Российской Федерации новой формы национальной валюты - цифрового рубля актуализировало повестку применения смарт-контрактов у ключевых игроков на рынке финансовых услуг (ПАО «Сбербанк России», АО «Газпромбанк», АО «ВТБ», АО «Альфа-Банк» и др.). По признанию Центрального Банка Российской Федерации, одним из основных преимуществ цифрового рубля для финансового рынка является создание инновационных финансовых продуктов и сервисов (на основе смарт-контрактов)³. Таким образом, новая цифровая валюта может стать единым экономическим базисом для всех транзакций, совершаемых в рамках исполнения смарт-контрактов, включая осуществление трансграничных расчетов без применения системы SWIFT⁴. В настоящий момент участвующие в апробации цифрового рубля банковские структуры стараются адаптировать имеющиеся

¹ S7 и Альфа-Банк впервые в РФ провели сделку с использованием blockchain [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/ekonomika/3895760> (дата обращения: 31.03.2024).

² Madir J. Smart Contracts: (How) Do They Fit Under Existing Legal Frameworks? [Электронный ресурс]. URL: <https://ssrn.com/abstract=3301463> (дата обращения: 31.03.2024).

³ Цифровой рубль [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. URL: <https://cbr.ru/fintech/dr> (дата обращения: 31.03.2024).

⁴ Интеграция цифровых валют реально может заменить SWIFT [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=16893> (дата обращения: 01.04.2024).

информационно-технологические системы, а также создать новые цифровые сервисы, способные обеспечить широкое распространение смарт-контрактов в гражданском обороте.

При этом наиболее востребованной и перспективной сферой применения смарт-контракта представляется гражданский оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности. Отмеченное в качестве стратегического ориентира в послании Президента Российской Федерации в 2024 году Федеральному Собранию России научно-технологическое развитие страны⁵ невозможно без создания конкурентных интеллектуальных продуктов и уникальных промышленных разработок. Уже сейчас значительная доля добавленной стоимости современных товаров, работ и услуг формируется за счет расходов на положенные в их основу объекты интеллектуальных прав.

Обладающие нематериальными свойствами результаты интеллектуальной деятельности, в том числе преобразованные в объекты цифрового предоставления, гармонично могут быть вовлечены в договорные отношения с использованием смарт-контракта. Складывается ощущение, что виртуальное распоряжение исключительными правами уже преобладает над классическими (аналоговыми) формами распорядительной активности творческих деятелей и инноваторов, что не должно остаться без адекватных правовых регуляторных ориентиров. Недаром, в рамках реализации утвержденной Правительством России Концепции токенизации активов реального сектора экономики приоритет пилотной апробации отдан цифровой объективизации исключительных прав⁶.

Еще одной ключевой предпосылкой для развития смарт-контракта применительно к обороту интеллектуальных прав является создание в нашей стране общественно-государственной блокчейн инфраструктуры «РЦИС.РФ». Указанная уникальная цифровая площадка позволяет обеспечить учет прав на

⁵ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 29.02.2024 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471111.

⁶ Утверждена Концепция токенизации активов реального сектора российской экономики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Минфина России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=40191 (дата обращения: 30.03.2026).

результаты творческой деятельности и осуществления в цифровой среде сделок по распоряжению исключительной привилегией (по состоянию на 01.09.2026 завершено более 156 тысяч распорядительных транзакций).

Правотворческий аспект. Невзирая на почти революционный характер смарт-контракта, отечественная правовая система до настоящего времени не предложила законодательного определения указанному правовому явлению. Первые нормативные предпосылки к формированию дефиниции смарт-контракта заложены законодателем в статью 309 Гражданского кодекса Российской Федерации с принятием Федерального закона от 18.03.2019 № 34-ФЗ⁷. Указанной новеллой установлена возможность автоматического исполнения условий сделки с применением информационных технологий. Однако с учетом прогрессирующей степени распространенности смарт-контрактов, в том числе в сфере интеллектуальной собственности, этого явно недостаточно.

В частности, в условиях неполноты правовой регламентации рассматриваемого явления не исключены системные сбои при заключении и исполнении таких «умных договоров» по поводу интеллектуальных прав, обусловленные сложностями применения к порождаемым ими отношениям сторон традиционных правовых институтов цивилистического свойства. Отсутствие нормативной позиции относительно юридической природы и места смарт-контракта в системе гражданско-правовых средств регулирования общественных отношений может формировать ошибочное убеждение об отсутствии в нем новизны и допускать некорректное смешение с иными правовыми категориями.

В этой связи распространение блокчейн-платформ и смарт-контрактов для целей гражданского оборота интеллектуальных прав не должно быть безразлично объективному праву, так как вся юридическая практика, основанная на применении

⁷ О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ: действ. ред. // Собрание законодательства Российской Федерации. 25.03.2019. № 12. Ст. 1224.

новых технологий, является катализатором для естественной трансформации правопорядка как эталона справедливости⁸.

Более того, длительная правовая неопределенность в отношении объективно складывающихся общественных отношений может способствовать инфляции права и его замещению иными социальными регуляторами, в том числе информационно-технологического происхождения. Между тем, подобная тенденция в долгосрочной перспективе не может в полной мере отвечать государственным целевым установкам, предполагающим построение эффективной системы нормативного регулирования ключевых цифровых технологий.

Доктринальный аспект. Не способствует постижению правовой природы смарт-контракта как гражданско-правового инструмента для распоряжения исключительными правами отсутствие понятийного единообразия в юридической доктрине. Выступая на стыке технических и гуманитарных наук, определение смарт-контракта исследователями выполняется посредством огромного спектра терминов, начиная от компьютерного кода и заканчивая классической договорной конструкцией. В большинстве своем научное познание в отношении смарт-контрактов формируется фрагментарно – без учета комплексной архитектуры его научно-теоретической модели и, тем более, влияния традиционных правил регулирования гражданского оборота прав на интеллектуальную собственность.

В частности, без фундаментального научного понимания остаются вопросы возможности применения смарт-контракта к классическим способам договорного распоряжения правами на результаты интеллектуальной деятельности, в том числе в их современном цифровом воплощении. Правовой режим автоматизированной цифровой передачи исключительных правомочий между субъектами гражданского права нуждается в устойчивой доктринальной основе, что обуславливает актуальность настоящего диссертационного исследования.

⁸ Интервью Председателя Верховного Суда РФ Игоря Краснова «Российской газете» и информационному агентству ТАСС [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/34833 (дата обращения: 12.12.2025).

Правоприменительный аспект. В настоящее время полноценное цифровое распоряжение интеллектуальными объектами, особенно посредством смарт-контракта, сопряжено с множеством практических вопросов: совершаемые цифровые сделки сейчас скорее представляют собой хрупкий компромисс между традиционными договорными формами и инновационными технологиями, нежели удовлетворяющие праву и общественным запросам автоматизированные распорядительные инструменты. Уровень зрелости современного права интеллектуальной собственности не соответствует возникающим потребностям и в цифровом трансграничном обороте прав на результаты интеллектуальной деятельности⁹.

Поэтому недостаточно только создавать прорывные интеллектуальные решения, стратегически важно эффективно их защищать и вовлекать в контур экономического оборота, что невозможно без адекватного правоприменительного воздействия. На текущий момент достижение целей полной автоматизации исполнения соответствующих гражданско-правовых сделок в прикладном плане несколько затруднено без выработки унифицированных правил передачи нематериальных активов с применением новых информационных технологий, позволяющих гарантировать надлежащее обязательственное поведение сторон. Решение такой задачи позволит сделать значимый шаг и на пути к оптимизации и совершенствованию реализации государственных полномочий в сфере регистрации результатов распорядительной деятельности участников рынка интеллектуальной собственности, заинтересованных в выборе цифровых форм хозяйственных операций.

Как следствие, восполнение отмеченной научной и правовой неопределенности в анализируемой сфере создаст дополнительные условия для инновационно-технологического прорыва в экономике данных и обеспечит качественную интенсификацию оборота исключительных прав, как основы

⁹ См.: Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие [Электронный ресурс] / под ред. И. И. Кучерова, С. А. Сеницына // СПС «КонсультантПлюс».

инвестиционного и экспортного потенциала, в ответ на текущие геополитические вызовы.

Степень научно-теоретической разработанности проблемы. Общим вопросам правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности посвящены труды В. И. Серебровского (Вопросы советского авторского права, г. Москва, 1956 г.), Г. Ф. Шершеневича (Авторское право на литературные произведения, г. Казань, 1891 г.), Я. А. Канторовича (Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения, г. Петроград, 1916 г.), А. Л. Маковского (О кодификации гражданского права (1922 - 2006), г. Москва, 2010 г.), А. А. Пиленко (Право изобретателя, г. Москва, 2001 г.) и иных ученых. Существенный научный вклад в комплексное исследование вопросов договорного распоряжения исключительными правами внесли правоведы В. А. Дозорцев (Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации/сборник статей, г. Москва, 2003 г.), О. А. Рузакова (Система договоров о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами, г. Москва, 2007 г.), другие цивилисты.

Различные аспекты смарт-контракта, в том числе его понятие, правовая природа, особенности имплементации для регулирования гражданско-правовых отношений, стали предметом исследования в рамках научных работ В. С. Белых, М. О. Болобоновой (Проблемы правового регулирования смарт-контрактов в России), Е. А. Березиной (Использование смарт-контракта как правовая технология: отечественная и зарубежная практика), Д. Е. Богданова (Несостоявшаяся технологическая революция в договорном праве: апологетика традиционалистской трактовки договора), Е. Е. Богдановой (Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом), В. А. Вайпана (Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе); Л. Г. Ефимовой, И. В. Михеевой, Д. В. Чуб (Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и в зарубежных странах), М. А. Рожковой (Смарт-контракт в договорной практике: программный

код и «цифровая надстройка» классического договора), А. И. Савельева (Договорное право 2.0: "умные" контракты как начало конца классического договорного права), Г. В. Цепова (К цивилистической теории смарт-контрактов), М. Ю. Юрасова, Д. А. Позднякова (Смарт-контракт и перспективы его правового регулирования в эпоху технологии блокчейн). Значительное влияние на теоретическое формирование гражданско-правовых подходов к концепции смарт-контракта оказали положения и результаты диссертационного исследования Е. В. Зайнутдиновой «Смарт-контракт в гражданском праве» (Новосибирск, 2022 г.), а также исследовательские выводы А. А. Волоса (Концепция правового регулирования отношений, осложненных использованием смарт-контрактов).

Вместе с тем, полноценные исследования, касающиеся использования смарт-контракта в гражданском обороте прав на результаты интеллектуальной деятельности, в том числе в их современном цифровом воплощении, в доктринальных источниках практически не встречаются - немногочисленно представленные работы по данному направлению не позволяют сформировать всестороннего теоретического взгляда на рассматриваемую сферу отношений.

В связи с этим выполненная диссертация должна стать одним из первых шагов к формированию комплексной архитектуры правового режима договорного распоряжения исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности посредством смарт-контракта.

Целью диссертационного исследования является формирование целостного научно-обоснованного и практико-ориентированного знания о смарт-контракте в системе договорного распоряжения исключительными правами, в том числе выявление и раскрытие особенностей правового режима его использования применительно к обороту прав на результаты интеллектуальной деятельности, для дальнейшего приращения теоретических знаний и формулирования практических рекомендаций по применению и совершенствованию законодательства.

Достижение заявленной цели следует осуществлять путем решения **следующих задач:**

1. Выявить и раскрыть сущностные признаки и понятийные характеристики смарт-контракта, особенности его правового генезиса в условиях цифровизации общества;

2. Разработать научные подходы к определению юридической природы и места смарт-контракта в системе гражданско-правовых отношений;

3. Выявить и конкретизировать отличительные закономерности и принципы применения смарт-контракта для регулирования общественных отношений;

4. Разработать и охарактеризовать варианты цифровой формализации результатов интеллектуальной деятельности и исключительных прав на них для их передачи в рамках смарт-контракта;

5. Обосновать возможность, условия и правовое значение цифрового регистрационного учета результатов интеллектуальной деятельности и прав на них для целей заключения и исполнения смарт-контракта;

6. Определить возможность структурирования правоотношений по отчуждению и залогу исключительных прав с использованием конструкции смарт-контракта;

7. Проанализировать и раскрыть ключевые характеристики основных элементов лицензионных правоотношений, опосредованных исполнением смарт-контракта;

8. Рассмотреть научно-теоретическую возможность применения модели смарт-контракта к иным договорным способам распоряжения исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности.

Объект исследования - общественные отношения в сфере договорного распоряжения исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности.

Предмет исследования - нормы российского законодательства, нормы международных и зарубежных правовых актов и юридических документов, акты ведомственного, судебного и доктринального толкования, материалы судебной и деловой практики в сфере использования смарт-контракта при распоряжении исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности.

Теоретико-методологическая основа исследования представлена системой философских, общенаучных и специально-юридических методов научного познания. В частности, теоретическое осмысление понятия и сущностных признаков смарт-контракта основывалось на принципах диалектики в ее онтологических и гносеологических аспектах. Метод моделирования позволил сформировать основные подходы к правовой природе смарт-контракта и его позиционированию в системе гражданских отношений. В рамках совместного использования принципов абстрагирования и конкретизации обоснованы специфические аспекты применения смарт-контракта как договорно-правового явления. Последовательным анализом динамики гражданских правоотношений при отчуждении исключительных прав, их лицензионном, концессионном или ином распоряжении и, как следствие, научным синтезом основных их элементов через призму выработанной модели смарт-контракта обеспечена идентификация его ключевых признаков и особенностей применительно к каждому из договорных способов трансфера имущественных интеллектуальных прав. Метод гипотезы во взаимосвязи с индуктивно-дедуктивным познанием способствовал правовой оценке возможности применения залога исключительных прав и дальнейшей реализации механизма обращения взысканий на них в рамках концепции смарт-контракта. Кроме того, сквозную научно-методологическую основу исследования составило перекрестное применение сравнительно-правового и специально-юридического методов познания, в том числе для постижения порядка цифровой объективизации и учета результатов интеллектуальной деятельности, равно как и прав на них, а также различных аспектов автоматизированных распорядительных сделок в отношении интеллектуальных прав.

Информационная база исследования.

Теоретическую основу исследования составляют доктринальные труды известных отечественных правоведов Ю. В. Александровского, С. С. Алексеева, И. А. Близнеца, Д. Е. Богданова, Е. Е. Богдановой, М. И. Брагинского, Е. В. Вавилина, В. А. Вайпана, Л. Ю. Василевской, А. А. Волоса, В. В. Витрянского, А. В. Габова, Э. П. Гаврилова, Ю. С. Гамбарова, Б. М. Гонгало, О. А. Городова,

Д. Д. Гримма, О.С. Гринь, В. А. Дозорцева, Л. Г. Ефимовой, Е. В. Зайнутдиновой, О. С. Иоффе, В. О. Калятина, Е. Е. Кирсановой, О. А. Красавчикова, О. В. Лутковой, А. Л. Маковского, Д. И. Мейера, И. А. Михайловой, В. Б. Нагородской, Л. А. Новосёловой, К. П. Победоносцева, И. А. Покровского, М. А. Рожковой, О. А. Рузаковой, А. А. Пиленко, А. И. Савельева, В. И. Серебровского, Е. А. Суханова, Е. А. Флейшиц, Ю.С. Харитоновой, А. Ю. Чурилова, Г. Ф. Шершеневича, Д. Ю. Шестакова, Н. В. Щербак и других.

Среди зарубежных исследований научную ценность для подготовки диссертации имеют работы следующих авторов: Д. Аллен (D. Allen), С. М. Х. Бамакан (S. M. H. Bamakan), О. Бодаги (O. Bodaghi), Л. Чен (L. Chen), М. Коладжанни (M. Colajanni), П. Кокьюру (P. Cuccuru), Т. Катс (T. Cutts), Т. В. Дерюгина (T. V. Deryugina), С. Деви (C. Dewi), З. Дуань (Z. Duan), А. Феррейра (A. Ferreira), Л. Форбс (L. Forbes), Ф. Годуси (F. Ghodoosi), М. Эль Харрак (M. El Harrak), Р. Хок (R. Hauck), М. Хекельман (M. Heckelmann), Б. Коксал (B. Köksal), О. Конашевич (O. Konashevych), Х. Коциоль (H. Koziol), А. Лейн (A. Lane), Л. Лейссиг (L. Lessig), С. Д. Леви (S. D. Levi), А. Б. Липтон (A. B. Lipton), Ф. Магнанини (F. Magnanini), Дж. Мба (G. Mbah), Н. Нежадсистани (N. Nezhadsistani), А. Нкечи (A. Nkechi), А. Ма (A. Ma), А. Папантониу (A. Papantoniou), М. Поблет (M. Poblet), И. Р. Поррес (E. R. Porras), Х. Патнэм (H. Putnam), Ц. Цью (Q. Qu), П. Радж (P. Raj), М. Раскин (M. Raskin), Р. Сэрел (R. Sarel), Дж. Склероф (J. Sklaroff), Н. Сабо (N. Szabo), Дж. Щербовски (J. Szczerbowski), Дж. Вэн (J. Wang), И. Йога (I. Yoga) и иных.

Нормативную основу исследования составили международные соглашения, Гражданский кодекс Российской Федерации¹⁰ (далее также – ГК РФ) и иные федеральные законы, подзаконные нормативные правовые акты, регулирующие отношения в сфере охраняемых интеллектуальных и цифровых прав.

Эмпирическая основа диссертационного исследования представлена материалами правоприменительной практики, отраженными в судебных актах

¹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, Суда по интеллектуальным правам, иных арбитражных судов, зарубежных судебных органов.

Научная новизна диссертации заключается в формировании комплексных теоретических основ понятия смарт-контракта, идентификации его обязательственно-правовой природы и критериев выделения в качестве самостоятельной договорной конструкции, а также определении особенностей правового регулирования отношений по распоряжению исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности в рамках смарт-контракта.

В рамках диссертации удалось системно выработать теоретико-правовые и прикладные подходы и принципы автоматизированного цифрового оборота исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, в том числе касающиеся:

- возникновения и особенностей цифровых объектов интеллектуальных прав, правомочия по абсолютному или ограниченному использованию которых передаются в рамках смарт-контрактов;
- электронного учета охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и прав на них в специализированных информационных системах;
- возможности заключения и исполнения классических сделок о распоряжении исключительными правами (отчуждение, залог, лицензионное дозволение и др.) в виде автоматизированных договоров.

По результатам исследования автором сформулированы и выносятся на защиту следующие положения:

1. Доказано, что одним из основополагающих проявлений сущности смарт-контракта выступает технологическая субституция доверия сторон правоотношения (замещение субъективного доверия к контрагенту объективным доверием к информационным технологиям) за счет программной автоматизации исполнения их гражданско-правовых обязательств. В основе такого исполнения выделен и обоснован принцип антропологической нейтральности (исполнение

обязательственных действий в момент их реализации полностью не зависит от воли участников сделки – осуществляется детерминированным программным алгоритмом), а также принцип симметрии автоматизации (взаимный характер обязательств сторон, преобразованных в исполняемый программный код).

Положение соответствует пунктам 7, 9 паспорта научной специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

2. Выделены и квалифицированы с точки зрения правовой природы два типа смарт-контракта: комплементарный и заместительный.

Правовая архитектура комплементарного типа смарт-контракта представлена фактическим составом в виде заключения сторонами конкретного гражданско-правового договора отдельного вида, достижения соглашения об автоматизированном исполнении всех или отдельных обязательств, а также построения и реализации на его основе не зависящих от воли сторон цифровых транзакций с применением информационных технологий. Само соглашение об автоматизированном исполнении обязательств как предназначенное для взаимной координации действий участников договорного правоотношения по программной алгоритмизации их обусловленного поведения в информационно-цифровой среде является организационным договором.

Смарт-контракт заместительного типа представляет собой не имеющий обязательного письменного аналога автоматизированный договор в его многоаспектном проявлении и может рассматриваться как сделка с особой формой выражения и реализации волеизъявления сторон, как правоотношение с присущей ему кардинально новой спецификой автоматизированного исполнения обязательств, а также как документ электронного вида, призванный формализовать договоренности сторон в информационной системе.

Положение соответствует пунктам 7, 8, 9 паспорта научной специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

3. Выявлены объективные и субъективные пределы использования смарт-контракта. Для определения контура объективных границ введен критерий транзакционной перспективы, суть которого заключается в допустимости

применения смарт-контракта для цифровой формализации только таких обязательственных действий, исполнение которых полностью протекает в информационной системе. В основу субъективных пределов - положен критерий семантической однозначности, исключающий выбор договорной конструкции смарт-контракта для структурирования оценочных и иных не предназначенных для программного кодирования обязательственных положений.

Положение соответствует пунктам 7, 9 паспорта научной специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

4. Доказано, что для заключения и исполнения смарт-контракта объективизация интеллектуальной собственности и имущественных прав в виртуальной среде осуществляется путем их цифровой репрезентации с использованием уникальных (невзаимозаменяемых) токенов. При этом учетной токенизации для дальнейшего автоматизированного распоряжения в сфере интеллектуальной собственности могут подлежать следующие объекты гражданских прав либо их комбинированная совокупность:

- права на материальные ценности, воплощающие в себе результаты интеллектуальной деятельности. В таких случаях токен будет удостоверять исключительно вещное право на материальный носитель или экземпляр отражения результатов творческого труда автора без цифровой объективизации интеллектуальных прав;

- права на цифровые экземпляры (в том числе оригиналы) результатов интеллектуальной деятельности, синтезированные, как правило, с помощью специальных информационно-технологических средств выражения творческих идей автора. Здесь токен является средством подтверждения имущественных прав только на цифровую интеллектуальную ценность;

- исключительное право или право пользования в отношении результатов интеллектуальной деятельности, выраженных как в вещественной (материальной), так и цифровой форме.

Положение соответствует пунктам 5, 30 паспорта научной специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки».

5. Обоснована теоретико-правовая возможность и практическая перспективность использования для целей автоматизированного гражданского оборота добровольной регистрации результатов интеллектуальной деятельности в виде их цифрового учетного депонирования в децентрализованных консорциумных информационных системах на базе общественно-государственной инфраструктуры верхнего уровня (сеть РЦИС.РФ). Такой подход позволит обеспечить прозрачный и достоверный консолидированный учет результатов интеллектуальной деятельности для установления презумпции авторства и документального подтверждения интеллектуальных прав, а также решить доктринальную и практическую проблему установления формального приоритета объектов авторских и смежных прав в условиях множественности репозитариев и учетных информационных сервисов.

Положение соответствует пунктам 5, 30 паспорта научной специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

6. Доказана возможность заключения и исполнения смарт-контракта на отчуждение исключительного права в отношении следующих объектов:

- результаты интеллектуальной деятельности, не подлежащие обязательной государственной регистрации либо добровольно не зарегистрированные в Роспатенте (преимущественно - объекты авторских и смежных прав, а также секреты производства),

- зарегистрированные в уполномоченном органе в обязательном или добровольном порядке результаты интеллектуальной деятельности (изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения, программы для ЭВМ, базы данных, топологии интегральных микросхем) - в случае наличия возможности автоматизированной передачи заявления в уполномоченный государственный орган для регистрации перехода исключительных правомочий либо направления одной из сторон смарт-контракта соответствующего заявления с приложением письменного экземпляра договора (в случае отказа какой-либо стороны в подаче совместного заявления).

Положение соответствует пунктам 7, 8 паспорта научной специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

7. Установлено, что договорная конструкция смарт-контракта может применяться для регулирования исключительно тех залоговых правоотношений, в рамках которых в случае неисполнения залогодателем обеспечиваемых обязательств обращение взыскания на исключительные права осуществляется во внесудебном порядке путем автоматизированного их перевода на залогодержателя в информационной системе (*lex commissoria*). Такой смарт-залог с автоматизированным исполнением условий *lex commissoria* существенно упрощает решение вопросов определения стоимости заложенного имущества, его соотнесения с размером неисполненных обязательств при обращении взыскания, а также проведение окончательных денежных расчетов между участниками автоматизированного залогового соглашения.

Положение соответствует пунктам 7, 8, 9 паспорта научной специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

8. По результатам сопоставления особенностей смарт-контракта и лицензионного договора обосновано введение в научный оборот термина «смарт-лицензия» для определения электронного соглашения между любыми субъектами гражданских прав, по которому осуществляется программно детерминированная автоматизированная передача удостоверенных уникальным токеном прав использования результатов интеллектуальной деятельности и цифровых экземпляров их воплощения (либо предоставления условий для электронного доступа к ним) в предусмотренных договором и токеном пределах.

Положение соответствует пунктам 7, 8 паспорта научной специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

На основе результатов исследования для расширения границ использования смарт-контракта, в том числе в отношении прав на результаты интеллектуальной деятельности, а также совершенствования правового регулирования отношений по автоматизированному распоряжению исключительными правами

сформулированы предложения по внесению изменений и дополнений в законодательство Российской Федерации:

1) Внести изменения в часть 2 статьи 309 Гражданского кодекса Российской Федерации, изложив ее в следующей редакции:

«Условиями договора может быть предусмотрено исполнение его сторонами возникающих из него обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями договора».

2) Дополнить главу 27 Гражданского кодекса Российской Федерации новой статьей в следующей редакции:

«Статья 429.5. Автоматизированный договор

1. Автоматизированным договором признается договор, по которому обусловленное сторонами взаимное исполнение обязательств осуществляется в автоматизированном (не требующим в момент исполнения отдельно выраженного дополнительного волеизъявления) порядке с использованием информационных технологий и/или программных средств.

2. Содержание и условия автоматизированного договора определяются в информационной системе способом, обеспечивающим их доступность для последующего использования, в том числе для воспроизведения в неизменном виде.

3. Требование об идентификации и аутентификации стороны автоматизированного договора считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю на заключение и автоматизированное исполнение договора.

4. Оператор информационной системы или иное уполномоченное сторонами по взаимному согласию лицо обеспечивает техническую возможность заключения автоматизированного договора, ознакомление с его содержанием, а также исполнения сторонами своих обязательств без отдельно выраженного дополнительного волеизъявления.».

3) В целях универсализации смарт-залога предлагается законодательно расширить сферу применения условия *lex commissoria* и исключить обязательное указание на предпринимательский статус залогодателя в пункте 2 статьи 350.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, изложив абзацы 1-3 указанного пункта в следующей редакции:

«Соглашением между залогодателем и залогодержателем может быть также предусмотрено, что реализация заложенного имущества осуществляется путем:

оставления залогодержателем предмета залога за собой, в том числе посредством поступления предмета залога в собственность залогодержателя, по цене и на иных условиях, которые определены указанным соглашением, но не ниже рыночной стоимости;

продажи предмета залога залогодержателем другому лицу по цене не ниже рыночной стоимости с удержанием из вырученных денег суммы обеспеченного залогом обязательства.».

Теоретическая значимость диссертационного исследования выражается в возможности использования положений и выводов диссертанта в совершенствовании и развитии доктринальных концепций в сфере цифрового распоряжения исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности в системе гражданского права; формировании базовой научно-теоретической основы для обоснования правового режима трансфера интеллектуальных прав и могут быть применены для дальнейших научных изысканий и исследований по вопросам автоматизированного оборота авторских или патентных правомочий.

Практическая значимость результатов исследования связана с перспективами их применения при заключении и исполнении сделок по автоматизированному распоряжению правами на интеллектуальную собственность, разрешении возникших между участниками цифровых договорных правоотношений разногласий и споров, в том числе в рамках судебного разбирательства. Кроме того, полученные в рамках исследования заключения могут служить научно-методологической базой при построении и

совершенствовании отечественной информационно-технологической инфраструктуры, обеспечивающей цифровой оборот прав на результаты творческой и инновационной деятельности, в том числе на базе платформы цифрового рубля, а также при разработке и внесении необходимых изменений в действующее законодательство в указанной сфере. Одновременно с этим, результаты исследования могут выступать источником знаний при формировании учебно-практических планов, лекционных и семинарских занятий по дисциплинам «Гражданское право», «Право интеллектуальной собственности», «Цифровое право», «Право цифровых технологий».

Обоснованность и достоверность результатов исследования подтверждается аргументацией и выводами автора, сделанными на основании полного и системного анализа многочисленных источников и материалов, составляющих теоретическую, нормативную и эмпирическую базу исследования, а также использованием совокупности философских, общенаучных и специально-юридических методов научного познания, направленных на достижение цели и выполнение задач исследования путем всестороннего изучения его предмета.

Апробация результатов исследования. Диссертационное исследование выполнено, обсуждено и рекомендовано к защите на кафедре гражданского права и процесса Юридического факультета им. М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Отдельные аспекты изучения темы исследования и ключевые теоретические положения явились предметом научных статей, опубликованных в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации в перечень изданий, рекомендованных для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание учёной степени кандидата наук, а именно:

1. В научно-практическом журнале «Право и экономика» № 7 (437), 2024 опубликована статья «Смарт-контракт как метафорическая форма человеческого

сознания в системе компьютерного функционализма». Работа посвящена исследованию философских оснований построения и использования участниками гражданского оборота смарт-контрактов в контексте ранних и поздних идей компьютерного функционализма.

2. В журнале «Юридический мир» № 11 (335), 2024 опубликована научная статья «Договорная концептуализация смарт-контракта в системе гражданско-правового регулирования». В рамках данной работы предпринята концептуальная попытка встроить смарт-контракт в действующий правовой ландшафт и традиционную типологию гражданско-правовых средств.

3. Статья «Цифровые сделки: угроза безопасности или фактор экономического развития?» включена в публикацию журнала «Право и экономика» № 1 (443), 2025. Работа представляет собой результат комплексного анализа цифровых сделок в контексте экономических преимуществ и рисков их применения.

4. В журнале «Актуальные проблемы российского права» № 2 (21), 2026 опубликована статья «Цифровая объективизация результатов интеллектуальной деятельности и исключительных прав на них». Автором на основе анализа различных научных подходов определены порядок и условия репрезентации объектов интеллектуальных прав в цифровой среде, а также предложена система возможных вариантов цифровой объективизации интеллектуальной собственности.

5. Научная статья «Смарт-залог исключительных прав: есть ли будущее у новой цифровой договорной конструкции?» опубликована в журнале «Право и экономика» № 8 (462), 2026. В рамках указанной работы выработаны условия и принципы реализации в информационно-программной среде залогового правоотношения по поводу исключительных прав в рамках исполнения смарт-контракта, а также сформулированы основные преимущества такого смарт-залога на рынке интеллектуальной собственности.

Помимо этого, в целях апробации научных гипотез, положенных в основу выводов и результатов диссертационного исследования, представлены доклады в

рамках X Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Сперанские чтения» (18 ноября 2024 года, г. Москва), IV Международного научно-практического форума «Роль права и экономики в обеспечении устойчивого будущего нации и развитии России» (07 декабря 2024 года, г. Москва), V Международного научно-практического форума «Научно-технический прогресс и национальная безопасность: правовые и экономические механизмы укрепления технологического суверенитета России» (04 декабря 2025 года, г. Москва) и других тематических конференциях.

Структура работы определена целями, задачами и совокупностью исследуемых вопросов. Диссертация структурно представлена введением, тремя главами, объединяющими восемь параграфов, заключением и библиографическим списком.

ГЛАВА 1. ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СМАРТ-КОНТРАКТА В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

§ 1.1. Понятие и сущность смарт-контракта, его правовой генезис в условиях цифровизации общества

Современный период социально-исторического развития, как в национальном, так и международном измерении, характеризуется тотальной цифровизацией различных сфер общественной жизни¹¹. Складывающиеся цифровые отношения по поводу использования электронных данных и инновационных сквозных технологий выступают объективными социально-экономическими закономерностями¹². В этих условиях ранее неизвестный практике коммерческого оборота англицизм «смарт-контракт» теперь достаточно прочно укрепляется в контуре обыденной и деловой среды.

Исторически принято считать, что Всемирный экономический форум, состоявшийся в Давосе в 2016 году, дал старт так называемой «Четвертой промышленной революции», послужившей точкой отсчета для дальнейшего комплексного использования и внедрения инновационных технологий¹³. В продолжение наметившейся тенденции новые технологические возможности выступили ключевыми факторами эффективности хозяйственной деятельности в системе цифровой экономики – термине, нашедшем свое содержательное отражение в национальных документах долгосрочного стратегического планирования многих государств.

Стремительное освоение технологий распределенных реестров (блокчейн), больших данных, облачных технологий, иных инноваций предоставило участникам гражданского оборота возможность качественной оптимизации

¹¹ Михайлова И. А., Романова И. Н. Проблемы наследования цифровых активов и возможные направления их решения // Нотариус. 2022. № 2. С. 20-25.

¹² Вайпан В. А. Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе // Право и экономика. 2024. № 1. С. 6.

¹³ Одинцов С. В., Наклескина Е. А. Смарт-контракты в предпринимательской деятельности: сравнительно-правовой анализ правового регулирования // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 10 (253). С. 53.

совершения и исполнения сделок. В частности, с использованием информационных технологий сократились сроки реализации контрактов, уменьшились издержки, связанные с привлечением финансовых и торговых посредников, а также с обеспечением выполнения сторонами своих обязательств.

Одновременно с этим, отмечается, что в современных условиях сложной геополитической и макроэкономической обстановки новая отечественная цифровая инфраструктура может стать основным драйвером экономического роста. Большие ставки на процесс цифровизации финансового рынка делает Центральный Банк Российской Федерации, рассматривая интеграцию национальных цифровых валют как полноценную замену системы SWIFT в трансграничных расчетах¹⁴.

Квинтэссенцией цифровой трансформации в обязательственной среде выступают смарт-контракты, являющиеся формой реализации цифровых правоотношений участников гражданского оборота. По последним аналитическим отчетам, только в 2024 году объем глобального рынка смарт-контрактов составил в абсолютных значениях более 2 млрд. долларов США с тенденцией к их экспоненциальному росту до 17 млрд. долларов США к 2035 году¹⁵.

В то же время абсолютно ошибочно полагать, что появление смарт-контракта полностью продиктовано передовой цифровизацией и активным внедрением сквозных технологий. Безусловно, научно-технический прогресс стал катализатором развития смарт-технологий, воплощая идеалистические ожидания основоположников смарт-контракта в конкретные прикладные инструменты, опосредующие товарно-денежные отношения в цифровом формате. Однако, сущностно-идейное зарождение указанного цифрового феномена связано с более глубинными предпосылками.

¹⁴ Интеграция цифровых валют реально может заменить SWIFT [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=16893> (дата обращения: 06.06.2024).

¹⁵ Smart Contracts Market Research Report Information – Market Forecast Till 2032 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.marketresearchfuture.com/reports/smart-contracts-market-4588> (дата обращения: 06.06.2024).

В доктрине устоялось мнение, что основоположником смарт-контракта является американский ученый в области информатики, криптографии и права Ник Сабо, который впервые ввел указанный термин в употребление в 1994 году¹⁶.

По его мнению, существует необходимость в упрощении рутинной реализации договорных положений с использованием аппаратного и программного обеспечения. Смарт-контракты должны выполнять роль договоров, а с помощью компьютерных технологий - снизить уровень затрат и ошибок, часто возникающих во время договорного процесса между сторонами. Таким образом, смарт-контракт может быть представлен в виде компьютерного протокола транзакции, который самостоятельно выполняет условия контракта, а также контролирует его исполнение¹⁷ либо как совокупность представленных в цифровой форме договоренностей сторон, исполнение которых осуществляется с использованием компьютерного протокола¹⁸, или в форме цифрового представления комплекса обязательств между сторонами, включающее в себя протокол их исполнения¹⁹.

Несмотря на приведенное терминологическое разнообразие, полагается, что общий подход к понятию смарт-контракта сконцентрирован в одной плоскости, координаты которой заданы одним из его ключевых признаков - обязательственным содержанием. Так, большинство отечественных и зарубежных авторов справедливо ассоциируют смарт-контракты непосредственно с возможностью исполнения гражданско-правовых обязательств сторон по передаче имущества, выполнению работ, оказанию услуг либо совершению иных действий.

В частности, приводятся свидетельства структурирования в виде смарт-контракта юридических обязательств в секторе логистики для управления цепочками поставок, в сфере финансовых услуг для оптимизации платежей, в

¹⁶ Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. Т. 16. № 3. С. 41.

¹⁷ Szabo N. Formalizing and securing relationships on public networks [Электронный ресурс] // First Monday. 1997. Vol. 2. № 9. URL: <https://journals.uic.edu/ojs/index.php/fm/article/view/548/469> (дата обращения: 04.06.2024).

¹⁸ Szabo N. Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets [Электронный ресурс] // URL: https://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart_contracts_2.html. (дата обращения: 05.06.2024).

¹⁹ Березина Е. А. Использование смарт-контракта как правовая технология: отечественная и зарубежная практика // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 1 (63). С. 99.

страховой отрасли для автоматизации финансовой реакции страховщика на наступившие страховые случаи, а также в иных сферах гражданского оборота²⁰.

Вместе с тем, в рамках сущностного анализа указанного признака требуется детализация понятия обязательств, составляющих наполнение смарт-контракта.

Так, римские юристы, такие как Цицерон и Гай, отмечали наличие особой моральной обязанности выполнять обещания и особую добродетель верности своим обещаниям – для формализации простых обязательств, к примеру, использовалась ссылка на особую процедуру (*stipulatio*)²¹.

Соответственно, первоосновой договоренностей сторон выступает обещание каждой из них совершить определенные действия или воздержаться от определенного действия, составляющие предмет морального обязательства. Далее моральное обязательство при определенных условиях может трансформироваться в обязательство юридическое. И, если стадия перехода обещания в моральное обязательство малозаметна и исследователями, указывающими на тождественность указанных явлений, как правило, пренебрегается²², то процесс зарождения правовой обязательственной связи требует большего внимания.

В частности, корифей отечественной цивилистики И. А. Покровский отмечал необходимость установления наличности юридической связи (*animus obligandi*), исходя из воли договаривающихся сторон придать их соглашению правовой характер. Отсутствие юридического намерения не может порождать обусловленные правом взаимоотношения сторон, даже в случаях высказывания обещаний имущественного характера²³. При этом отличительной особенностью обязательств, имеющих признаки *animus obligandi*, является обеспечение их исполнения мерами и гарантиями государственного принуждения. Как следствие, ненадлежащие действия контрагента могут послужить привычным поводом для защиты стороной прав и законных интересов в судебном порядке. Иными словами,

²⁰ Ma A. Blockchain-Enabled Smart Legal Contracts // Blockchain Applications – Transforming Industries, Enhancing Security, and Addressing Ethical Considerations. 2023. P. 1.

²¹ Habib A. Promises [Электронный ресурс] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/promises> (дата обращения: 25.05.2024).

²² Werbach K., Cornell N. Contracts Ex Machina // Duke Law Journal. 2017. Vol. 67:313. P. 354.

²³ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Москва : Статут. 1998. С. 137.

как закреплено еще в источниках римского права, обязательства представляют собой правовые оковы, в силу которых осуществляется принуждение к исполнению согласно законам государства²⁴.

В системе указанных рассуждений, очевидно, что смарт-контракт, обладающий техническими возможностями полной автоматизации достижения сторонами гражданско-правового эффекта, может нивелировать функцию правового принуждения и обеспечить возникновение и реализацию гражданских прав и обязанностей с помощью программно-аппаратных средств. Или, рассуждая в метафорических терминах римского права, смарт-контракт представляет собой информационно-технологические оковы, обеспечивающие надлежащее исполнение согласованных договоренностей.

При таких обстоятельствах справедливо заключить, что смарт-контракт не должен рассматриваться в функциональном отрыве от гражданско-правовых обязательств сторон, исполнение которых по сути своей является его высшей целью. Исходя из подобных тезисов, попытки спроецировать смарт-контракт на любые протоколы (скрипты) в системе блокчейн в отсутствие договорного или обязательственного контекста, приводят к выхолащиванию истинного предназначения указанной цифровой технологии.

Так, например, профессор М. А. Рожкова отмечает, что «сегодня смарт-контракты вовсе не обязательно связаны с выполнением условий классического договора (как это предполагал в свое время Н. Сабо), а предназначены для автоматического выполнения, контроля или документирования различных действий и событий в рамках различных приложений»²⁵. Смарт-контракты связывают с автоматизацией государственных услуг, проведением онлайн-голосований на выборах должностных лиц²⁶ и реализацией иных публичных

²⁴ Афанасьев М. В., Емельянов А. С. О понятии обязательства в публичном праве // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 3. С. 89.

²⁵ Рожкова М. А. Смарт-контракт в договорной практике: программный код и «цифровая надстройка» классического договора [Электронный ресурс] // Журнал суда по интеллектуальным правам. 2023. № 1 (39). URL: <https://ipsmagazine.ru/articles/1729328> (дата обращения: 09.06.2024).

²⁶ Трунцевский Ю. В., Севальнев В. В. Смарт-контракт: от определения к определенности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 138.

функций. В отдельных случаях смарт-контрактами нарекают программы для хранения чисел²⁷.

Однако, представляется, что подобное понимание не в полной мере соответствует идее смарт-контракта. В ситуациях построения цифровых социальных сервисов используется функционал технологии распределенных реестров (блокчейн), а не структура смарт-контракта. Кроме того, расширительное толкование смарт-контрактов как любых цифровых транзакций в распределенном реестре не способствует осмыслению рассматриваемого явления с точки зрения господствующей в отечественной цивилистике его договорно-правовой сущности.

Второй конститутивный признак смарт-контракта лежит в области субъективных ожиданий сторон. Вступление участников гражданского оборота в договорные правоотношения, как правило, связано с кризисом доверия - кредитор допускает возможность неисполнения или ненадлежащего исполнения контрагентом своих обязанностей. При этом нынешняя эпоха электронной коммерции только усилила подобные настроения, технологически поддерживая возможность ведения переговоров и заключения договора с неизвестными, а в некоторых случаях – с не имеющими антропологических свойств субъектами²⁸. В этих условиях «проблема первого шага» в обязательствах становится крайне актуальной и может служить сдерживающим фактором развития товарно-денежных связей.

Указанная проблематика не является новеллой современности, а имеет многовековую историю. Так, по справедливому замечанию Т. Гоббса, первый выполняющий условия соглашения, «не имеет уверенности в том, что другой со своей стороны выполнит их потом, ибо там, где нет боязни принудительной власти,

²⁷ Юрасов М. Ю., Поздняков Д. А. Смарт-контракт и перспективы его правового регулирования в эпоху технологии блокчейн [Электронный ресурс] // URL: https://zakon.ru/blog/2017/10/9/smart-kontrakt_i_perspektivy_ego_pravovogo_regulirovaniya_v_epohu_tehnologii_blokchejn#_ftn10 (дата обращения: 09.06.2024)

²⁸ Практике делового оборота известны случаи заключения биржевых сделок и осуществления транзакций так называемыми «торговыми роботами». См., например: Севрюгин Ю. В., Сошин Н. А. Классификация автоматизированных биржевых торговых стратегий - торговых роботов // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. 2022. № 2(40). С. 7-11.

словесные обязательства слишком слабы, чтобы они могли обуздывать честолюбие, корыстолюбие, гнев и другие страсти»²⁹.

В свою очередь, идея смарт-контрактов способна свести на нет отмеченную проблематику и качественно преодолеть взаимное недоверие субъектов. Традиционно, в техническом аспекте смарт-контракт представляет собой компьютерную программу, устанавливающую и автоматически исполняющую обязательства между сторонами гражданского оборота с помощью программных алгоритмов. При этом программа детерминирована определенными входными данными и выполняет заранее определенные участниками сделки логические функции после наступления инициирующего события³⁰.

Информационно-технологической основой применения смарт-контракта в большинстве случаев выступает инфраструктура распределенного реестра (блокчейн), обеспечивающая людям возможность достигать консенсуса, не полагаясь на отношения личного доверия. Участники правоотношений намеренно проецируют свои волевые действия, связанные с наступлением гражданско-правовых последствий, в компьютерный алгоритм для достижения автоматизма исполнения достигнутых договоренностей.

Как итог, воспроизведение договорной программы в виде компьютерного кода позволяет преобразовать субъективные проявления доверия в объективные команды в информационно-технологической системе, в итоге – фактор доверия к контрагенту относительно выполнения возложенных обязательств более не имеет решающего значения. Таким образом, представляется, что основополагающим проявлением сущности смарт-контракта выступает технологическая субституция доверия сторон правоотношения (замещение субъективного доверия к контрагенту объективным доверием к информационным технологиям) за счет программной автоматизации исполнения их гражданско-правовых обязательств.

²⁹ Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского [Электронный ресурс] // URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf (дата обращения: 09.06.2024).

³⁰ Ма А. Оp. cit. P. 2-3.

На практике отмеченная революционная способность смарт-контрактов снижать оппортунизм договорных правоотношений и обеспечивать такое двустороннее доверие между субъектами права формирует широкую палитру их возможной имплементации³¹. При этом ожидания исполнения контрактных обязательств, основанные на силе юридического принуждения, в том числе в виде установленной системы традиционных способов обеспечения соглашений, уступают место доверенной среде, имеющий собственный обеспечительный потенциал³².

В свою очередь, указанное проявление сущности смарт-контракта нежелательно рассматривать обособленно от иных его социально-экономических преимуществ, в том числе инициативно преследуемых заинтересованными лицами. А именно, в условиях рыночных отношений для комплексного анализа сущности смарт-контракта предполагается также при построении опосредованного в цифровых рамках договорного правоотношения учитывать наличие положительного экономического эффекта для его сторон, оценка которого может быть основана на методологических принципах экономического анализа права³³.

В целом разделяя господствующий в континентальной правовой системе консервативный подход при использовании экономического объяснения правовых терминов³⁴, тем не менее, для гносеологических целей исследования и достижения глубины понимания сути смарт-контрактов необходимо осознать их роль в широком экономическом контексте³⁵. Например, в зарубежной доктрине встречается научный подход к рассмотрению природы смарт-контракта через призму теории трансакционных издержек Рональда Гарри Коуза³⁶.

³¹ Allen D., Lane A., Poblet M. The Governance of Blockchain Dispute Resolution // Harvard Negotiation Law Review. 2019. Vol. 25. P. 80.

³² Forbes L. Consumer Protection in the Face of Smart Contracts // Loyola Consumer Law Review. 2022. Vol. 34. № 1. P. 48.

³³ Концепция правового регулирования отношений, осложненных использованием смарт-контрактов: монография / А. Я. Ахмедов, А. А. Волос, Е. П. Волос. Москва: Проспект, 2021. С. 32.

³⁴ В предложенной профессором Лушниковым А.М. классификации абсолютное большинство отечественных исследователей-правоведов скептически либо крайне критически относятся к экономическому анализу права в его классическом варианте. См.: Лушников А. М. "Экономический анализ права" и юриспруденция: различия и общие подходы // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 8 (129). С. 79-89.

³⁵ Карапетов А. Г. Экономический анализ. – Москва : Статут, 2016. С. 26.

³⁶ См., например: Köksal B., Sarel L. The Smart Contracts Trilemma [Электронный ресурс] // URL: <https://ssrn.com/abstract=4689013> (дата обращения: 11.06.2024).

Развитие данного подхода можно проиллюстрировать на следующем гипотетическом примере. Но для начала, в условиях множественности позиций относительно понятия и видов трансакционных издержек за основу примем классификацию О. Уильямсона, выделившего экономические издержки до заключения сделки (*ex-ante*) и после ее заключения (*ex-post*)³⁷. Для целей правового анализа усилим их дифференциацию, отметив издержки заключения договора, включая финансовые потери, связанные с проведением переговоров, оценкой добросовестности контрагента, аудитом объекта сделки и др., а также издержки его исполнения, в том числе в рамках судебного порядка защиты нарушенного права.

Итак, Сторона А, являясь профессиональным фотографом, имеет намерение произвести отчуждение исключительного права на фотографическое произведение, которое оценивает в размере 50 000 руб. Сторона Б, заинтересованная в использовании данного произведения для размещения на собственном веб-сайте, оценивает коммерческую ценность объекта сделки в размере 70 000 руб. По условиям договора Сторона Б обеспечивает предварительную полную оплату вознаграждения, а переход исключительного права осуществляется по истечении 7 календарных дней с момента поступления денежных средств правообладателю.

При модельном структурировании правоотношений сторон в рамках традиционного договора об отчуждении, заключенного в простой письменной форме, предполагаем, что Сторона Б будет нести издержки заключения договора, вызванные разумной степенью ее осмотрительности (например, потребуется проверка контрагента, поиск фотографии на общедоступных репозиториях и т.д.), в совокупном размере 5 000 руб., а также в связи с возможностью одностороннего отказа Стороны А от передачи права Стороне Б – имеет ожидания по своим возможным расходам, связанным с переводом на себя прав приобретателя исключительного права в судебном порядке, в размере 40 000 руб. с вероятностью

³⁷ Медушевская И. Е. Трансакционные издержки коммерческой организации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Экономические науки. 2016. № 1(4). С. 32.

50 %³⁸. Таким образом, с учетом общего объема транзакционных издержек (25 000 руб.) подобная сделка в классическом варианте ее реализации для Стороны Б экономически нецелесообразна.

Теперь спроецируем симитированные договоренности сторон на программируемую информационно-технологическую среду смарт-контракта. Благодаря его использованию Сторона Б сможет захеджировать свои риски неполучения нематериального актива, а обязательства сторон будут исполнены надлежащим образом в оговоренный срок независимо от их волеизъявления на момент совершения транзакции. При этом смарт-контракт в идеальном воплощении позволит исключить издержки исполнения договора³⁹, а также оставить на прежнем уровне либо сократить издержки его заключения, сохранив финансовую мотивацию для сторон.

Между тем, в текущих реалиях разумно сделать несколько оговорок.

Во-первых, в настоящий момент формирование смарт-контрактов с использованием различных языков программирования является делом немногочисленных профильных специалистов⁴⁰ и сопряжено со значительными расходами для сторон договорного правоотношения. В то же время, подобная тенденция носит темпоральный характер и в дальнейшем государственно-системном измерении будет ослабевать по мере возникновения унифицированных смарт-шаблонов. В частности, согласно концепции Центрального Банка России, клиенты получают в распоряжение созданные финансовыми структурами и верифицированные Банком России смарт-контракты, на основе которых будет осуществляться товарообмен с использованием цифрового рубля⁴¹.

Во-вторых, на практике не исключена ситуация контроля ex-post, когда на долю судебной инстанции выпадет необходимость применения и толкования

³⁸ В приведенном иллюстративном примере намеренно не учитывается возможность компенсации судебных расходов или убытков, вызванных ненадлежащим поведением Стороны А.

³⁹ Исходим из корректности выводов А. И. Савельева о том, что любое исполнение, произведенное программным кодом, будет считаться надлежащим; ненадлежащее исполнение смарт-контракта в системе блокчейн - невозможно. См. подробнее: Савельев А. И. Указ. соч. С. 33-34.

⁴⁰ Концепция правового регулирования отношений, осложненных использованием смарт-контрактов. С. 41.

⁴¹ Концепция цифрового рубля [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 12.06.2024).

положений смарт-контракта⁴². Примером может служить дело, рассмотренное Международным коммерческим судом Сингапура и дошедшее до высшей судебной инстанции республики – Апелляционного суда. Суд вынужден был давать оценку иррациональным правовым последствиям, возникшим в результате взаимодействия на электронной бирже двух торговых роботов (программируемых алгоритмов), повлекшего ошибочное приобретение значительного объема криптовалюты по цене, в сотни раз отклоняющейся от рыночных значений⁴³. Подобные случаи, невзирая на их экстраординарный характер, безусловно, приводят к колоссальным издержкам исполнения, зачастую явно несоизмеримым с возможным экономическим эффектом сделки⁴⁴.

Таким образом, использование смарт-контракта может рассматриваться как средство минимизации издержек сторон только, если совокупные затраты на его разработку и исполнение не превышают аналогичные расходы в ситуации классической договорной формы, а также не превалируют над возможными коммерческими ожиданиями от сделки (в идеальных условиях именно так и происходит). В связи с этим зачастую на рынке смарт-контрактов «оживают» ранее не имевшие воплощения гражданско-правовые обязательства⁴⁵.

Одновременно с этим, не будет преувеличением сказать, что большинство исследователей рассматриваемого феномена (такие как Е. В. Зайнутдинова⁴⁶, О. Ф. Засемкова⁴⁷, М. Raskin⁴⁸ и др.) также выделяют в качестве имплицитно присущего признака его возможность оптимизации транзакционных издержек рыночных отношений. Более того, присоединяясь к указанному суждению,

⁴² Зайнутдинова Е. В. Смарт-контракт в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2022. С. 133-134.

⁴³ B2C2 Ltd v. Quoine Pte Ltd [2019] SGHC (I) 03. 24 February 2020 Court of Appeal [Электронный ресурс] // URL: https://www.elitigation.sg/gd/sic/2019_SGHC1_3 (дата обращения: 11.06.2024).

⁴⁴ Vatiéro M. Smart Contracts vs Incomplete Contracts: A Transaction Cost Economics Viewpoint // Computer Law & Security Review. 2022. Vol. 46. P. 7.

⁴⁵ Французская страховая компания AXA продемонстрировала сервис для страхования задержек авиарейсов, который позволил пассажирам моментально получать выплаты без каких-либо формальностей. См. подробнее: Страховая компания AXA запустила сервис для страхования задержек авиарейсов, использующий смарт-контракты Ethereum [Электронный ресурс] // URL: <https://bitexpert.io/news/axa-zapustila-servis-straxovania-aviareisov> (дата обращения: 01.06.2024).

⁴⁶ Зайнутдинова Е. В. Указ. соч. С. 74.

⁴⁷ Засемкова О. Ф. Разрешение споров с помощью технологии блокчейн // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4. С. 160.

⁴⁸ Raskin M. The Law and Legality of Smart Contracts // Georgetown Law Technology Review. 2017. Vol. 1:2. P. 309.

полагаем обоснованным по совокупности изложенных обстоятельств возвести указанный признак в статус экономической детерминанты возникновения и развития смарт-контракта.

Еще одна фундаментальная характеристика, которая образует его сущность, раскрывается через призму технологической автоматизации исполнения гражданско-правовых обязательств. Как упоминалось ранее, формирование среды доверия между участниками оборота в рамках смарт-контракта основывается на информационно-технологических достижениях. Не вдаваясь в обширное описание технических деталей архитектуры программного алгоритма, не корреспондирующих объекту настоящего исследования, имеет смысл сделать теоретический акцент только на отдельных его особенностях.

Так, зачастую некоторые исследователи связывают смарт-контракт исключительно с технологией блокчейн⁴⁹. Действительно, именно технология распределенных реестров инспирировала его появление в недалеком 2008 году и сыграла активную роль в дальнейшем прикладном внедрении, начиная с 2014 года после демонстрации блокчейна Ethereum⁵⁰. Стало понятно, что указанное технологическое решение, основанное на децентрализованной системе данных, обеспечивает безопасность, неизменность, прозрачность совершаемых участниками транзакций и депонированных цифровых данных.

Между тем, полагаясь на мнение профессора Д. Е. Богданова, следует заключить, что в настоящее время отсутствуют какие-либо нормативные или технические препятствия обеспечения функционала «умного контракта» на базе традиционной централизованной информационной системы⁵¹. Более того, по справедливому замечанию правоведов Г. В. Цепова и Н. В. Иванова, блокчейн, несмотря на колоссальное внимание к нему, не является полностью идеальной

⁴⁹ Камалян В. М. Технологический и правовой аспекты смарт-контракта // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 8. С. 146.

⁵⁰ Köksal B. and Sarel R. Op. cit. (дата обращения: 11.06.2024).

⁵¹ Богданов Д. Е. Несостоявшаяся технологическая революция в договорном праве: апологетика традиционалистской трактовки договора // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76. № 3 (196). С. 29.

средой взаимодействия вследствие наличия отдельных организационных проблем и функциональных рисков⁵².

Свидетельством тому может служить ставший уже хрестоматийным пример с хакерской атакой на блокчейн-инфраструктуру так называемой децентрализованной автономной организации (DAO), повлекшей хищение злоумышленниками цифровых активов в денежном эквиваленте около 50-60 млн. долларов США. Результатом указанного инцидента стало вынужденное и подвергнувшееся критике изменение основополагающих правил функционирования блокчейна и отмена неавторизованных транзакций⁵³.

Во-вторых, архитектура отдельных блокчейн-систем представлена довольно ограниченным составом участников, обеспечивающих путем взаимодействия по установленным правилам создание блоков транзакций на основании взаимного консенсуса. Для примера, масштаб общественно-государственной блокчейн - инфраструктуры управления интеллектуальными правами основан на функционировании всего 15 узлов и 3 операторов доступа⁵⁴.

В-третьих, основанная на линейно-обусловленном принципе система децентрализованного реестра не способна к полной автономии: для реализации заложенного алгоритма и наступления правового эффекта зачастую требуются входные данные, не представленные в блокчейн-контуре (сведения о ценах, месте нахождения груза, состоянии товара и иные внешние параметрические данные). В таких случаях сторонники идеализации данной технологии обосновывают возможность использования внешних доверенных источников⁵⁵, выполняющих информационно-компенсаторную функцию и позволяющую запустить обусловленный механизм. Однако, такой подход демонстрирует стремление излишне абсолютизировать возможность применения смарт-контракта, даже ценой

⁵² Цепов Г. В., Иванов Н. В. К цивилистической теории смарт-контрактов [Электронный ресурс] // Закон. 2022. № 3. // СПС «КонсультантПлюс».

⁵³ Vatiéro M. Op. cit. P. 4.

⁵⁴ Масштаб сети [Электронный ресурс] // URL: <https://сеть.рчис.рф> (дата обращения: 18.06.2024).

⁵⁵ В доктрине для обозначения подобных механизмов в подавляющем большинстве случаев используется термин «оракул». См., например: Allen D., Lane A., Poblet M. Op. cit. P. 81. Вместе с тем, в рамках настоящего исследования планируется намеренно не использовать чуждые действующему правопорядку терминологические единицы, являющиеся фонетическим отражением английских слов.

утраты главного принципа его функционирования. Как совершенно правильно отмечается коллективом авторов Л. Г. Ефимовой, И. В. Михеевой и Д. В. Чуб: «доверяя оракулу принятие окончательного решения по оценочным условиям заключенного между сторонами договора, теряем общую идею смарт-контракта - автоматическое самоисполнение без вмешательства третьих лиц»⁵⁶.

Сформулированные тезисы в определенной степени могут приводить не только к стиранию различий между централизованными и децентрализованными реестрами, но и, в целом, к дисконтированию основных преимуществ блокчейна, вплоть до посягательства на саму идею смарт-контракта.

Таким образом, наличие технологии распределенного реестра является факультативным признаком смарт-контракта, в отличие от опосредованной им автоматизации исполнения гражданско-правовых обязательств, являющейся генеральной характеристикой рассматриваемого явления. При этом чрезвычайно важно выделить ее критерии, позволяющие квалифицировать договорную форму правоотношений сторон в качестве смарт-контракта.

Итак, в основе автоматического исполнения обязательств или, в терминах законодателя, исполнения без направленного на это отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон лежит принцип антропологической нейтральности. А именно, совершение тех или иных действий участников сделки больше не зависит от их настроения или воли, поскольку соответствующее волеизъявление трансформировано в исполняемый программный код. В связи с этим, например, автоматические платежи за услуги мобильного оператора, источником которых является банковский счет, не могут расцениваться как элементы смарт-контракта⁵⁷ ввиду отсутствия признака обязательственно-цифрового автоматизма - не исключена ситуация, при которой баланс денежных

⁵⁶ Ефимова Л. Г., Михеева И. В., Чуб Д. В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и в зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 93.

⁵⁷ Catchlove P. Smart Contracts: A New Era of Contract Use. Queensland University of Technology [Электронный ресурс]// URL: <https://ssrn.com/abstract=3090226> (дата обращения: 19.06.2024).

средств может быть намеренно или произвольно снижен до остатка, не позволяющего произвести запланированную транзакцию.

Второй критерий, который должен выдерживаться при обосновании отмеченного признака смарт-контракта, заключается во взаимном характере преобразованных в программный код обязательств сторон. Полагаем, что не соответствует в полной мере сущностной идее смарт-контракта ситуация, например, при которой одна сторона (заказчик выполнения строительных работ) автоматизирует посредством исследуемой цифровой конструкции осуществление денежных обязательств, а совершение действий другой стороны (подрядчика) целиком и полностью зависят от его волеизъявления. В таком случае возникает дисбаланс обеспечения интересов сторон договорного правоотношения. Поэтому, представляется, что обусловленная сторонами автоматизация гражданско-правовых обязательств должна строиться на взаимных началах – определим указанный критерий как принцип симметрии автоматизации.

Выделенные критерии для основной характеристики смарт-контракта имеют не только академическое значение, а являются инструментарием для правоприменительной идентификации договорных форм взаимоотношений сторон и, как следствие, приложения к ним соответствующего правового режима. В этой связи трудно полностью согласиться с мнением правоведа В. В. Уткина, выделяющего в качестве содержания смарт-контрактов любые услуги, заказываемые с использованием программного обеспечения агрегаторов или вендоров (услуги такси, программы лояльности и т.д.)⁵⁸. Безусловно, возможна ситуация структурирования таких отношений в виде смарт-контракта, но при соблюдении отмеченных условий и принципов, образующих идейную архитектуру данного способа исполнения.

Прежде чем по совокупности его фундаментальных признаков будет предложено оригинальное определение, полагается правильным обобщенно и системно осветить сложившиеся доктринальные подходы по этому вопросу.

⁵⁸ Уткин В. В. К вопросу о правовом регулировании смарт-контрактов [Электронный ресурс] // Хозяйство и право: ежемесячный юридический журнал. 2022. № 11 (550) // СПС «КонсультантПлюс».

Итак, существующее множество научных предположений относительно определения смарт-контракта условно можно свести к двум основным подходам: технико-ориентированный и договорно-правовой (сделко-ориентированный)⁵⁹.

Сторонники первого подхода представляют смарт-контракт как компьютерный (программный) код⁶⁰, алгоритм⁶¹, протокол⁶², программу для ЭВМ⁶³ либо технологию⁶⁴, посредством которых обеспечивается автоматизированное исполнение согласованных сторонами обязательств. В зарубежных правовых системах технологического подхода к пониманию смарт-контракта придерживаются, например, в США, Италии, Республике Беларусь⁶⁵.

Несомненным достоинством изложенных научных воззрений является возможность уяснения технологической сущности смарт-контрактов, заключающейся в автоматизированном исполнении контрактных обязательств с использованием программно-аппаратных средств.

Вместе с тем, представленная технико-ориентированная концепция не позволяет в полной мере дать оценку термину «смарт-контракт» в содержательной плоскости. Не стоит забывать, что в основе построения структуры смарт-контракта в виде программы для ЭВМ лежат договорные правоотношения сторон в контексте согласованных ими условий, а не наоборот. Именно поэтому такая программа является итоговой формой выражения обязательств сторон, последующее исполнение которых доведено до цифрового автоматизма.

В отечественной доктрине преобладающее распространение получил сделко-ориентированный подход, который подразумевает договорно-правовую природу смарт-контрактов и их исследование в качестве правовой категории.

⁵⁹ Зайнутдинова Е. В. Указ. соч. С. 44.

⁶⁰ Камалян В. М. Понятие и правовые особенности смарт-контракта // Юрист. 2019. № 4. С. 27.

⁶¹ Сафарли Н. Э. Смарт-контракт: понятие, правовая природа, особенности заключения и исполнения // Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 4. С. 58.

⁶² Szabo N. Formalizing and securing relationships on public networks (дата обращения: 21.06.2024).

⁶³ Якунин В. А. Смарт-контракты. Смарт-бухгалтерия? // Факторы успеха. 2018. № 1 (10). С. 129.

⁶⁴ Чельшева Н. Ю. Концепция правового регулирования смарт-контракта в гражданском праве [Электронный ресурс] // Право и экономика. 2022. № 7 (413) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁵ Ferreira A. Smart Contracts and the Law // Blockchain and the Law. Information Technology and Law Series. 2024. Vol 37. P. 136-139.

Для отражения указанной концепции в научной среде традиционно цитируют А. И. Савельева, определяющего «умный контракт» как «договор, существующий в форме программного кода, имплементированного на платформе блокчейн, который обеспечивает автономность и самоисполнимость условий такого договора по наступлении заранее определенных в нем обстоятельств»⁶⁶.

Отдельными авторами в рамках терминологических изысканий предпринимается попытка наложить цифровую специфику смарт-контрактов на устоявшиеся договорные определения. К примеру, В. С. Белых и М. О. Болобоновой под смарт-контрактом понимается «соглашение между двумя и более лицами об установлении, изменении или прекращении юридических прав и обязанностей, где часть или все условия записаны и исполняются (или обеспечиваются) автоматически при помощи специальной программы»⁶⁷. Схожее определение приводит и Т. Х. Мейтингер, описывая смарт-контракты в качестве юридических соглашений, для обеспечения исполнения которых используются информационные технологии⁶⁸.

В зарубежных правовых порядках также наблюдается прогрессирующая тенденция постановки на первый план именно юридической сущности рассматриваемого феномена. Так, в консервативно настроенной Великобритании смарт-контракт в течение нескольких лет прошел путь от совершенно безразличной юридическому сообществу технологии (2018 год – по данным опроса, проведенного PWC) до юридически обязательного и подлежащего принудительному исполнению соглашения (2019 год – после опубликования целевой группой по юрисдикции Великобритании UKJT официального заявления)⁶⁹. Более того, раздел о правовом регулировании смарт-контракта

⁶⁶ Савельев А. И. Указ. соч. С. 46.

⁶⁷ Белых В. С., Болобонова М. О. Проблемы правового регулирования смарт-контрактов в России // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики. Москва: Юридический Дом "Юстицинформ". 2019. С. 99.

⁶⁸ Meitinger T. H. Smart Contracts [Электронный ресурс] // Informatik-Spektrum. URL: <https://doi.org/10.1007/s00287-017-1045-2>. (дата обращения: 26.06.2024).

⁶⁹ Ma A. Op. cit. P. 5.

включен в полное руководство применения технологии блокчейн, изданного в 2020 году и рекомендуемого для использования юристами Соединённого Королевства⁷⁰.

Однако, изолированный сделко-ориентированный подход к терминологическому описанию смарт-контрактов также усматривается несовершенным и в отдельных случаях – весьма ограниченным, поскольку зачастую игнорируются имманентно присущие им технологические особенности достижения его участниками обязательственно-правового эффекта.

Учитывая изложенное, полагается единственно верным рассматривать смарт-контракт как комплексное технико-правовое явление, порожденное синергетическим дуализмом влияния договорно-правового регулирования и возможностями информационно-технологической инфраструктуры. В указанном контексте технико-ориентированный и договорно-правовой подходы не являются взаимоисключающими – их синтез имеет методологические основания и позволяет осуществить многоаспектный теоретический анализ понятия смарт-контракта.

К слову, для наименования подобной концепции взглядов в литературе начинает использоваться термин «гибридная» или «смешанная модель»⁷¹. Однако, представляется излишним обосновывать цельную сущность того или иного предмета, явления или процесса в качестве новой модельной гипотезы. Технологическая форма и обязательственное содержание смарт-контракта и так находятся в диалектическом единстве и взаимодействии, обоснование которых продиктовано научно-техническим прогрессом⁷².

Не лишним отметить, что в незначительных упоминаниях смарт-контракта в отечественной регуляторной среде также используются его контекстно-аспектные значения. Например, Центральный банк России рассматривает смарт-контракт как

⁷⁰ В настоящее время опубликовано третье издание указанного руководства. См. подробнее: Blockchain: legal and regulatory guidance report (third edition) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.lawsociety.org.uk/topics/research/blockchain-legal-and-regulatory-guidance-report> (дата обращения: 26.06.2024).

⁷¹ Василишин И. И., Назинцева, А. П. Смарт-контракт: отдельные проблемы определения и правовой регламентации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2023. № 1 (846). С. 88.

⁷² Попова А. В. Онтология (бытие) права в современных реалиях правового регулирования социально ориентированной экономики // Lex russica. 2020. Т. 73. № 3. С. 83.

сделку⁷³, в то время как в документах стратегического планирования Правительства Российской Федерации речь идет о соответствующей технологии⁷⁴.

Подводя итог понятийному и сущностному осмыслению смарт-контракта, под последним предлагается понимать договор, в рамках которого обусловленное сторонами взаимное исполнение обязательств осуществляется в автоматизированном (не требующим дополнительного волеизъявления) порядке с использованием информационных технологий и/или программных средств.

Рассматривая вопросы возникновения смарт-контрактов как правового явления, отмечается наличие у соответствующей цифровой технологии собственного регулятивного потенциала, способного в определенной степени компенсировать традиционное правовое регулирование и опередить его в методологическом отношении⁷⁵. В зарубежных источниках, компьютерный код смарт-контракта даже называется нормативным актом *sui generis*⁷⁶.

В первую очередь, речь идет о его способности трансформировать силу государственного принуждения в технологическое обеспечение надлежащей реализации правоотношений участников гражданского оборота. Указанное свойство смарт-контракта не является локальным проявлением в контексте архитектуры правоприменения, а наглядно отражает суть существующих закономерностей развития цифрового общества.

Так, по мнению В. А. Вайпана, технологическая революция детерминирует сущностную трансформацию правового ландшафта, включая природу права, его содержание и систему⁷⁷.

Некоторые ученые-правоведы и вовсе высказывают теоретические опасения о невозможности действующего правопорядка противостоять новым

⁷³ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024 и 2025 годов, одобренные Советом директоров Банка России 01.11.2022 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. URL: https://cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2023_2025 (дата обращения: 26.06.2024).

⁷⁴ См., например: О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 27.11.2021 № 3363-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 13.12.2021. № 50 (часть IV). Ст. 8613.

⁷⁵ Зорькин В. Д. Право против хаоса : монография. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2018. С. 8.

⁷⁶ Stazi A. Smart Contracts and Comparative Law: A Western Perspective. Switzerland: Springer Cham, 2021. P. 84.

⁷⁷ Вайпан В. А. Указ. соч. С. 8.

технологическим вызовам. В рамках такого подхода делается вывод о необходимости полной перестройки права как регулятора общественных отношений, возникающих в цифровой среде.

К примеру, В. Н. Синюков отмечает неспособность нынешней системы права обеспечить контроль за новыми гибридными сущностями. Для этого требуется построение новой методологии правообразования и правореализации⁷⁸. Э. В. Талапина придерживается аналогичной позиции, отмечая, что «наступление новых технологий способно вовсе переформатировать право, само это понятие, феномен, его содержание, механизм действия и проч. И систему права соответственно»⁷⁹.

Вместе с тем, вряд ли стоит воспринимать подобные относительно справедливые суждения как непосредственное руководство к полной трансформации сложившегося правопорядка и, тем более, к отказу от существующих правовых основ. Как обоснованно отмечается профессором Д. Е. Богдановым, значение технотерминизма в частном праве должно основываться на строгом научном подходе, а не рассматриваться «с позиций «цивилистической эсхатологии» или «умозрительной футурологии».⁸⁰ Процесс приспособления аналоговых правовых институтов к практике применения смарт-контрактов и иных компонентов цифровой реальности должен быть оперативным, но при этом - разумно эволюционным и адекватным. Решение данной проблемы лежит в плоскости расширения методологии регулирования и создания альтернативных юридических конструкций либо модификации классических⁸¹.

Исходя из этого, в целом, не отвергая отмечаемый в отечественной доктрине принцип технологической нейтральности права⁸², не допускающий превращение

⁷⁸ Синюков В. Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 9 (154). С. 11.

⁷⁹ Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российской права. 2018. № 2. С. 11.

⁸⁰ Богданов Д. Е. Указ. соч. С. 23.

⁸¹ Ладенков Н. Е. Трансформация правовой системы под влиянием цифровизации: причины и тенденции // Философия права. 2021. № 1 (96). С. 166.

⁸² Фаткудинов З. М. Право и автоматизированная система плановых расчетов. Казань : Изд-во КазГУ, 1977. С. 4.

права в руководство по эксплуатации устаревающих объектов техники⁸³, отмечаем необходимость его уточнения с учетом современных реалий.

Так, очевидными причинами нынешнего фактически субсидиарного отношения правового регулирования к смарт-контрактам являются стремительное развитие указанной технологии, а также необходимость оперативной регламентации поведения их участников в условиях инертности права. В итоге следует констатировать, что программный код становится регулятором правоотношений особого свойства⁸⁴.

Иногда в тематических научных трудах встречаются и более радикальные представления о регулятивной сущности смарт-контракта. В частности, видимо, памятую ставшую уже крылатой фразу Лоуренса Лейссига «код это закон»⁸⁵, некоторые ученые обосновывают возможность вынесения смарт-контрактов за пределы правовой системы как ее технологической альтернативы, существующей вне закона⁸⁶. Представляется, что такой подход не только попирает принятые в традиционной позитивистской парадигме ценности права, но и создает больше препятствий для концептуализации смарт-контрактов и их широкой имплементации в системе рыночных отношений.

Основным мотивом подобного правового нигилизма в отношении смарт-контракта может служить специфика юридических и технических норм и правил, зачастую носящая разбалансированный характер. Между тем, указанный недостаток не должен стать системной преградой для их синхронизации и ослабления наметившейся тенденции замещения правовых норм цифровыми регуляторными положениями⁸⁷.

В этих условиях, признавая за смарт-контрактами текущий статус нормативных квазирегуляторов, логично встроить их в действующий правовой ландшафт и обеспечить адекватным правовым режимом. Например, академик РАН

⁸³ Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования.

⁸⁴ Чаннов С. Е. Легализация программного кода как социального регулятора: возможности и проблемы // Информационное право. 2021. № 4. С. 28.

⁸⁵ Lessig L. Code and Other Laws of Cyberspace. New York: Basic Books, 1999. P. 6.

⁸⁶ См.: Forbes L. Op. cit. P. 49.

⁸⁷ Вайпан В. А. Источники цифрового права // Вестник арбитражной практики. 2024. № 1 (110). С. 6

Т. Я. Хабриева предлагает для подобных целей использовать концепцию циклических правовых массивов, допускающих существование взаимно обусловленных кросс-отраслевых норм, регулирующих новые цифровые сущности и проникающих в большинство элементов системы права⁸⁸.

Взвешенный подход к процессу адаптации нормативно-правовых предписаний к смарт-контракту и иным цифровым технологиям демонстрирует федеральный законодатель. Исключительно положительной оценки заслуживает появившаяся с 28.01.2021 возможность по установлению в нашей стране экспериментальных правовых режимов для апробации цифровых инноваций⁸⁹.

Впервые у государства, научного и бизнес-сообщества появился системный механизм тестирования в реальных правоотношениях технологий, которые в силу разных причин (прежде всего – инертность законодательства) использовать сегодня нельзя⁹⁰.

Идея так называемых «регулятивных песочниц» заключается в создании правовых условий для разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций, в том числе смарт-контракта, путем установления специального регулирования - когда в рамках эксперимента «выключаются» существующие нормы права и локально устанавливаются новые предписания нормативно-правового свойства. Результатом данного эксперимента должно стать формирование новых форм, видов и способов экономической деятельности, а также выработка основных подходов для последующего совершенствования правового режима использования цифровых технологий, в общем, и смарт-контрактов, в частности.

Таким образом, совокупность проанализированных экономических и правовых предпосылок и условий современной цифровизации общественных отношений, включая создание экспериментальных площадок нового правового

⁸⁸ Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 9.

⁸⁹ См.: Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ: ред. от 02.07.2021 // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.08.2020. № 31 (часть 1). Ст. 5017.

⁹⁰ Экспериментальные правовые режимы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/eksperimentalnye_pravovye_rezhimy/?ysclid=lm7mwhp6qm18970697 (дата обращения – 23.04.2024).

генезиса, может выступить фундаментальным базисом для дальнейшего активного развития и внедрения смарт-контрактов в рыночный оборот. Но при условии определения их места в системе действующего гражданского регулирования.

§ 1.2. Юридическая природа и место смарт-контракта в системе гражданско-правовых отношений

В первую очередь, необходимо обратить внимание на этимологический аспект рассматриваемого явления. В подавляющем большинстве случаев в отечественной доктрине используется именно транслитеративный термин «смарт-контракт», дословный перевод которого не выполняется. Между тем, в отдельных научных работах авторы апеллируют к обозначению «умный контракт»⁹¹, но, как представляется, более по мотивам литературной чистоты и исключения терминологических повторов, нежели на глубокой семантической основе.

В то же время в зарубежных трудах довольно распространена дискуссия относительно возможности применения характеристики «умный» к технологии автоматического исполнения обязательств сторон. К примеру, не все французские правоведы отождествляют понятия «умный контракт» и «смарт-контракт», оценивая последний как производный продукт человеческой мысли, не способный управлять непредвиденными событиями⁹². Некоторые представители зарубежных взглядов и вовсе полагают, что они не являются ни смарт, ни контрактами⁹³.

Несмотря на отдельные законодательные попытки имплементировать обозначение «смарт-контракт»⁹⁴, в действующей системе гражданско-правового регулирования России указанный термин напрямую не упоминается. Причиной тому может выступать отсутствие единообразной договорной концептуализации

⁹¹ См.: Воронцов М. И., Горчакова А. П. Click-wrap-соглашение как форма смарт-контракта [Электронный ресурс] // Право и бизнес. 2023. № 2 // СПС «КонсультантПлюс»; Концепция правового регулирования отношений, осложненных использованием смарт-контрактов. С. 5.

⁹² Ефимова Л. Г., Михеева И. В., Чуб Д. В. Указ. соч. С. 85.

⁹³ См.: Felten E. Smart Contracts: Neither Smart nor Contracts [Электронный ресурс] // Freedom to Tinker. URL: <https://freedom-to-tinker.com/2017/02/20/smart-contracts-neither-smart-not-contracts> (дата обращения: 09.07.2024).

⁹⁴ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Законопроект № 419059-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения: 04.07.2024).

указанного явления в условиях традиционной цивилистической настороженности относительно новых правовых конструкций иностранного генеза. Так, В. А. Дозорцев абсолютно справедливо призывал с большой осторожностью относиться к правовым категориям, получившим свои законодательные обозначения на основе фонетического воспроизведения соответствующих англоязычных терминов. Например, англицизм «ноу-хау», по его обоснованному разумению, не несет никакой содержательной, смысловой нагрузки в отличие от немного архаичного, но более подходящего термина «секреты промысла»⁹⁵.

В продолжение данных рассуждений, представляется, что словосочетание «смарт-контракт» является также не совсем удачным в системе официальной терминологии и на сегодняшний момент выглядит скорее как искусственный словесный жаргонизм, возникший из-за механического заимствования из англо-саксонского делового оборота. Безусловно, обозначение «смарт-контракт» вполне вписывается в концепцию доктринального и академического исследования, но для формулирования норм права должны использоваться более содержательные и понятные правовой системе дефиниции.

Итак, как указано в настоящем исследовании, в основе правовой природы смарт-контракта лежит обязательственное содержание, особенности установления и реализации которого отличались в зависимости от исторической эпохи. Исходя из этого, в качестве оригинального критерия для дальнейшей дифференциации этапов договорно-правовой динамики будет использоваться специфика субъективного исполнения гражданско-правовых обязательств.

В частности, в период зарождения римского права обязательственная связь между кредитором и просрочившим оплату должником подтверждалась заточением последнего в кандалы в виде реальной веревки или пут определенного веса. Впоследствии физические оковы эволюционировали в классическом Риме в правовые узы в виде литеральных договоров⁹⁶, которые и составили основу для

⁹⁵ Дозорцев В. А. Интеллектуальные права : Понятие. Система. Задачи кодификации : Сб. статей ; Исслед. центр част. права. Москва : Статут. 2003. С. 143.

⁹⁶ Римское частное право : учебник / коллектив авторов ; под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М. : КНОРУС, 2014. С. 283-284.

дальнейшего гражданского оборота товаров, работ и услуг. Таким образом, на первом этапе контрактной эволюции речь идет о традиционном договоре на естественном языке, исполнение которого зависит от действий обязанных лиц.

В дальнейшем в условиях цифровой экспансии форма отражения договоренностей сторон перешла в информационно-технологическое пространство. Виртуализация обязательственных правоотношений, отказ от бумажного носителя и фиксация волеизъявления сторон на заключение договора в электронно-цифровой среде⁹⁷ стали привычными индикаторами хозяйственно-правовых связей. Однако в отмеченной тенденции надлежащее исполнение обязательств должником все так же остается в границах его субъективных проявлений. Поэтому ставшее привычным использование онлайн-платформ или торговых агрегаторов для заключения договора трудно причислить к удачному примеру обеспечения гарантированного исполнения обязательственных договоренностей и, как следствие, к поводу для констатации перехода на новую формацию. Для этого требуется более весомое и качественно иное основание.

Таковым является возможность перевода отдельных условий сделки в исполняемый программный код в целях автоматизации действий участников гражданского оборота (идея смарт-контракта). В этом случае на момент исполнения сделки исключается взаимосвязь между субъективным отношением участника правоотношения к своим обязательственным действиям и надлежащей реализацией договорных условий, которая становится неизбежной.

Фундаментальным прообразом такого смарт-контракта, предложенным его основоположником Н. Сабо в 1997 году и возведенным дальнейшими исследователями данной тематики в разряд канонических примеров, выступает торговый (вендинговый) аппарат. С его помощью любое заинтересованное лицо может совершить сделку по купле-продаже товаров путем выполнения установленного программным обеспечением устройства порядка действий и, как

⁹⁷ Ефимова Л. Г. Еще раз о понятии и правовой природе электронной формы сделки // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 8 (153). С. 131.

следствие, автоматически получить желаемый результат⁹⁸. Интересен факт того, что подобное иллюстративное обоснование было известно и отечественной дореволюционной цивилистической мысли. Так, Г. Ф. Шершеневич указывал на возможность совершения сделок через автоматы, когда проходящий бросает монету для получения вещи (конфет)⁹⁹.

Следует отметить, что магистральной характеристикой второго этапа эволютивного развития договора является именно автоматизация обусловленного исполнения тех или иных обязательств сторон сделки. При этом обязательственное правоотношение строится следующим образом.

Как и в первом (классическом) варианте, юридическим фактом для достижения согласованного участниками правового эффекта является традиционный договор в письменной форме. Формирование и выражение волеизъявлений сторон, а также возникновение, изменение и прекращение их прав и обязанностей осуществляется по привычным для гражданского оборота правилам. В то же время стороны в целях преодоления кризиса доверия принимают решение об автоматизации исполнения отдельных условий посредством программы для ЭВМ и делегируют свои отдельные волевые установки и интенции информационно – программной среде. Дальнейшая реализация запрограммированных действий по передаче активов либо по иным встречным предоставлениям протекает без участия обязанного лица, его желания и волеизъявления. В этом и усматривается основное преимущество смарт-контракта.

Как правило, сомнения в надлежащем исполнении возникают на почве финансовых ожиданий. При этом денежные платежи проще обеспечить с использованием линейно-обусловленного компьютерного алгоритма. Для наглядности – до сих пор смарт-контракты, в основном, сосредоточены на транзакциях, связанных с финансовыми и инвестиционными инструментами¹⁰⁰.

⁹⁸ Szabo N. Formalizing and securing relationships on public networks (дата обращения: 11.07.2024).

⁹⁹ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права : (по изданиям 1912 и 1914 – 1915 гг.) : в 2 т. Москва : Статут, 2021. С. 517.

¹⁰⁰ Papantoniou A. Smart Contracts in the New Era of Contract Law [Электронный ресурс] // URL: <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2020-1-4-8-24> (дата обращения: 10.07.2024).

Более того, имеются все основания полагать, что именно банковская деятельность, опосредующая тренд по постоянной стандартизации и автоматизации расчетных операций¹⁰¹, формирует фундаментальные предпосылки для развития смарт-контрактов. Подтверждением данного тезиса является активная роль Центрального Банка России в текущем формировании инфраструктуры смарт-расчетов с использованием цифровых рублей.

Таким образом, содержание гражданского правоотношения полностью следует условиям письменного договора, отдельное исполнение которых по воле сторон переведено в цифровые параллели¹⁰². Важно здесь не поддаваться теоретическому желанию причислить к смарт-контракту любые договоры, существующие в электронно-цифровой среде. В последнем случае возможна фиксация отдельных договоренностей либо заключение договора посредством электронного обмена офертой и акцептом, что может при определенных условиях быть квалифицировано как автоматизация заключения, но не исполнения договора.

Так, в противовес договорным единицам, представляющим собой только электронные версии состоявшихся договоренностей, Г. Сёрденом обоснованна идея вычислительных контрактов. В качестве отличительных особенностей последних отмечается особая форма изложения отдельных или всех существенных условий в виде компьютерных данных и, как следствие, их направленность на интерпретацию программными алгоритмами, а не на человеческое восприятие¹⁰³.

В доктрине для идентификации подобных типов смарт-контрактов, существующих параллельно классическим договорам, используются различные обозначения: обособленные смарт-контракты¹⁰⁴, вспомогательные смарт-контракты¹⁰⁵, гибридные смарт-контракты¹⁰⁶. Невзирая на терминологическое разнообразие, речь идет об одной и той же парадигме договорно-правовой связи

¹⁰¹ Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. Москва : Проспект. 2020. С. 206.

¹⁰² Цепов Г. В., Иванов Н. В. Указ. соч.

¹⁰³ Surden H. Computable Contracts // UC Davis Law Review. 2012. Vol. 46. № 629. P. 640-641.

¹⁰⁴ Юрасов М. Ю., Поздняков Д. А. Указ. соч.

¹⁰⁵ Levi S. D., Lipton A. B. An Introduction to Smart Contracts and Their Potential and Inherent Limitations [Электронный ресурс] // URL : <https://corpgov.law.harvard.edu/2018/05/26/an-introduction-to-smart-contracts-and-their-potential-and-inherent-limitations>. (дата обращения: 14.07.2024).

¹⁰⁶ Ma A. Op. cit. P. 6.

субъектов гражданского оборота - сочетание базового договорного основания в классической форме его выражения и программно-исполнимого механизма автоматизированной реализации отдельных контрактных условий.

Поэтому совершенно справедливо в преобладающей системе взглядов современных исследователей смарт-контракт рассматривается, в первую очередь, как способ исполнения обязательств сторон¹⁰⁷. Упоминание в данном контексте продиктовано информационно-технологическими возможностями применяемой системы (блокчейн), на основе которой программируются условия сделки. Как следствие, реализация взаимных прав и обязанностей сторон осуществляется в программной среде без дополнительного волеизъявления участников. В связи с этим зачастую смарт-контракт квалифицируется в науке именно как «технический способ исполнения гражданско-правового договора»¹⁰⁸.

Учитывая, что развитие обязательственного правоотношения на втором этапе эволюции договоров опосредует параллельный переход от естественного языка изложения и классического способа распорядительных действий сторон к цифровому программно-исполнимому коду для автоматизированного исполнения обязательств, данный тип смарт-контракта может быть назван комплементарным¹⁰⁹ (переход «от буквы к цифре»).

Важно, что отмеченный подход к природе смарт-контракта является продолжением первоначальной идеи его основоположника об автоматизации договорных условий¹¹⁰, а также в полном объеме соответствует гражданско-правовому толкованию части 2 статьи 309 ГК РФ, предусматривающей легализацию комплементарного смарт-контракта волеизъявлением сторон сделки. Вместе с тем, указанная норма права не соответствует в полной мере сущностной идеологии рассматриваемого явления и требует законодательного уточнения.

В частности, в учебной литературе под сделками традиционно понимают сознательно-волевые действия субъектов гражданского права в целях достижения

¹⁰⁷ Захаркина А. В. Смарт-контракт в условиях формирования нормативной платформы экосистемы цифровой экономики Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 47. С. 79.

¹⁰⁸ Ефимова Л. Г., Михеева И. В., Чуб Д. В. Указ. соч. С. 97.

¹⁰⁹ От латинского *complementum* — «дополнение».

¹¹⁰ Szabo N. Smart Contracts. Essays on Smart Contracts, Commercial Controls and Security [Электронный ресурс] // URL: <http://www.fon.hum.uva.nl> (дата обращения: 19.08.2023).

определенных правовых последствий¹¹¹. Общепринятая классификация юридических фактов относит сделку к юридическим актам, порождающим, изменяющим или прекращающим гражданские права и обязанности. Если для наступления правовых последствий достаточно волеизъявления одной стороны, такие акты получили признание в качестве односторонней сделки¹¹².

Несмотря на то, что вопросы об обоснованности выделения односторонних сделок в качестве самостоятельной правовой категории¹¹³, а также их признаках и критериях дифференциации приобрели активный научно-дискуссионный статус, у большинства исследователей все-таки не возникает сомнений относительно признания в качестве таковых, например, выдачи доверенности, принятия наследства, согласия законного представителя на совершение сделки, отказа от права собственности и других действий¹¹⁴.

При этом некоторые из односторонних сделок релевантны только к самому изъявителю волю (публичное обещание награды), другие же – вмешиваются в сферу частной автономии контрагента или третьего лица (одностороннее изменение условий договора)¹¹⁵. В любом случае односторонние сделки, очевидно, лишены рисков их неисполнения ввиду зависимости желаемых правовых последствий только от волевой деятельности одного лица.

Между тем, смарт-контракт призван обеспечить реализацию договорного правоотношения, основанного на взаимной манифестации воли его сторон, в котором достижение правового эффекта для одного из участников зависит от совершения позитивных или негативных действий другого лица. В этом и проявляется суть обязательства как права лица на чужое действие¹¹⁶.

¹¹¹ Гражданское право : учебник: в 4 т. / отв. ред. д-р юрид. наук., проф. Е. А. Суханов. 3-е изд. перераб. и доп. : Общая часть. Москва : Статут. 2023. Т. 1. С. 419.

¹¹² См., например: Алексеев С. С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования // Теоретические проблемы гражданского права. Вып. 13. 1970. С. 51; Толстой В. С. Понятие и значение односторонних сделок в советском гражданском праве : автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 1966. С. 2.

¹¹³ Например, М. М. Агарков воздерживался от признания основанных на волеизъявлении одной стороны действий односторонними сделками, предпочитая определять их в качестве юридических поступков. Подробнее: Агарков М. М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. 1946. № 3, 4. С. 41-55.

¹¹⁴ Крашенинников Е. А., Байгушева Ю. В. Односторонние и многосторонние сделки [Электронный ресурс] // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2012. № 7 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹⁵ Резанов Н. В. Односторонние сделки: общие принципы правового регулирования (часть 1) [Электронный ресурс] // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 9 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹⁶ Мейер Д. И. Избранные труды : в 3 т. ; отв. ред. д-р юрид. наук, проф. П. В. Крашенинников, д-р юрид. наук, проф. Д. Х. Валеев. Т. 1 Москва : Статут. 2022. С. 536.

Кроме того, как отмечено ранее, фундаментальным критерием для идентификации одного из основных признаков смарт-контракта является требование о симметрии автоматизированного исполнения обязательств сторон. В целях формирования консенсуального доверия данный принцип предполагает взаимный характер реализации участниками обязательственных действий, доведенных по их инициативе до цифрового автоматизма.

В свете приведенных рассуждений перенесение одностороннего волеизъявления участника гражданского оборота в компьютерный код в целях достижения правовых последствий противоречит природе односторонней сделки и не влечет наступления обеспечительного эффекта как главной цели использования смарт-контракта. И, действительно, до настоящего времени в литературе не встречались упоминания о гипотетическом структурировании в виде смарт-контракта завещания, одностороннего отказа от договора или иных односторонне-управомочивающих и односторонне-обязывающих сделок.

В связи с этим предлагается внести законодательные изменения в статью 309 ГК РФ, применив условие о возможности использования смарт-контракта только к двух- и многосторонним сделкам, а именно - изложить норму части 2 в следующей редакции: «Условиями *договора* может быть предусмотрено исполнение *его* сторонами возникающих из *него* обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями *договора* » (курсив мой – Е.Л.).

В таком случае теоретически выработанный и научно-обоснованный комплементарный тип смарт-контракта как способа автоматизированного исполнения договорных обязательств приобретет законченное нормативно-правовое оформление.

В то же время в научной литературе встречается позиция отдельных ученых, несколько скептически относящихся к потенциалу регулятивного воздействия новой диспозиции, установленной частью 2 статьи 309 ГК РФ.

Так, например, правовед А. А. Волос отмечает возможность применения информационных технологий для реализации гражданско-правовых обязательств

и в отсутствие указанных нормативных правил на основе фундаментального принципа свободы договоры¹¹⁷.

Однако, не отрицая в целом правоту и аргументированность данного тезиса, представляется, что в условиях текущего перехода из зоны технологических экспериментов в сферу правового регулирования эволюционно назрела необходимость формирования базовой нормативной среды для цифровых договорных конструкций: с одной стороны, необходимой для надлежащей правовой квалификации текущих отношений, характеризующихся автоматизацией субъективного исполнения, а, с другой стороны, создающей почву для дальнейшей регламентации проблемных вопросов правоприменения. Как видится, часть 2 статьи 309 ГК РФ с учетом предлагаемых изменений и может рассматриваться в качестве подобной стартовой точки.

Иными словами, смарт-контракты и отношения, им опосредованные, в настоящее время являются достаточно сложными и значимыми явлениями для гражданского оборота, которые не должны искать свое содержание в основополагающих началах гражданского законодательства, а должны подчиняться специфическим нормам и правилам.

Итак, каким же образом должна происходить юридическая формализация волеизъявления сторон договора на применение смарт-контракта? Представляется возможным использовать несколько вариантов: соответствующие условия могут быть включены непосредственно в текст договора в виде отдельного его раздела или совокупности условий¹¹⁸, либо стороны могут заключить отдельное соглашение об автоматизированном исполнении обязательств, возникающих из основного договора (по аналогии с соглашением о применении электронного документооборота).

При этом первоочередная задача для сторон - письменно определить перечень обязательственных и распорядительных действий, требующих цифровой проекции в исполнимый программный код. Кроме этого, в целях исключения

¹¹⁷ Волос А. А. Нормы Гражданского кодекса Российской Федерации и цифровые технологии: вопросы судебной практики // Lex Russica (Русский закон). 2025. Т. 78. № 5. С. 70.

¹¹⁸ Рузакова О. А. Договоры в сфере интеллектуальной собственности и цифровые технологии // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2019. № 9. С. 4.

возможных разногласий относительно механизма реализации смарт-контракта целесообразно в соглашение включить следующие положения:

1) Описание информационно-технологических решений для построения смарт-контракта, включая инфраструктуру проекта (конкретный централизованный или децентрализованный реестр данных, условия развертывания в сети компьютерного алгоритма, размер и вид вознаграждения за проведение транзакций, сведения об операторах системы и др.), язык программирования, а также способы идентификации и аутентификации сторон в системе. Согласно прямому указанию закона договорное определение применяемых сторонами информационных технологий является обязательным.

2) Права и обязанности сторон при подготовке и использовании смарт-контракта. В большинстве случаев стороны не обладают технической компетенцией для написания программного кода и приведения его в исполнение в информационной системе¹¹⁹. В связи с этим в данном разделе важным полагается отражение условий и порядка привлечения профильных специалистов для разработки, запуска и сопровождения автоматизированного исполнения.

3) Перечень внешних доверенных источников информации, позволяющих установить статус наступления (ненаступления) какого-либо обстоятельства реальной действительности, имеющего значение для цифровой верификации исполнения обязательства. На практике взаимодействие с подобными посредниками может потребовать заключения отдельного договора, существенные условия которого могут выступать содержанием рассматриваемого соглашения.

4) Правовые последствия, порядок распределения рисков и ответственности в случае наступления неординарных событий, препятствующих достижению правового эффекта, том числе, например, выявление уязвимостей программного кода или несанкционированного вмешательства третьих лиц. Довольно часто в доктрине встречаются гипотезы о хеджировании подобных рисков финансовыми инструментами рынка страхования¹²⁰. В таком случае не

¹¹⁹ Szczerbowski J. Place of Smart Contracts in Civil Law. A Few Comments on Form and Interpretation // Proceedings of the 12th Annual International Conference «New Trends». – Znoimo : Private College of Economic Studies. P. 337.

¹²⁰ Levi S. D., Lipton A. B. Op. cit.

лишним для сторон смарт-контракта будет определить параметры и особенности будущих страховых обязательств.

По совокупности выделяемых в научной теории признаков сделки¹²¹ можно с близкой к абсолютной долей уверенности констатировать сделочную природу соглашения об автоматизированном исполнении обязательств и, как очевидным полагается, в виде ее договорной разновидности.

Учитывая, что в комплементарном типе смарт-контракта рассматриваемое соглашение является продолжением установленного основными условиями договора взаимодействия сторон, такое соглашение носит производный (вспомогательный) характер и не может существовать в правовом отрыве от основной договорной связи как лишенное самостоятельного значения. Используя устоявшуюся в цивилистической доктрине линию рассуждений, представляется обоснованным отнести данный юридический акт к вспомогательной сделке, совершение которой обусловлено реализацией существующего правоотношения¹²², либо к сделке второго уровня, необходимой для исполнения обязательства¹²³. В то же время подобная классификация не позволяет проникнуть в суть правовой природы смарт-контракта, заключаемого по комплементарной модели – для этого необходимы более весомые заключения.

В частности, большее значение для правоприменения будет иметь успешная попытка встроить соглашение об автоматизации исполнения обязательств в дихотомическую парадигму организационных и имущественных договоров¹²⁴, а также традиционную типологию договорных форм.

Итак, одним из первых авторов идеологии организационных договоров являлся О. А. Красавчиков, который обратил внимание на существование организационно-правовых отношений, основное предназначение которых

¹²¹ Иванова С. А. К вопросу о содержании понятия односторонней сделки // Проблемы российского законодательства. 2017. № 10. С. 66.

¹²² Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения; Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. Москва: Гос. изд-во юрид. лит. 1951. С. 216.

¹²³ Сарбаш С. В. Общее учение об исполнении договорных обязательств : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005. С.9.

¹²⁴ Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. д-р юрид. наук., проф. Е. А. Суханов; 3-е изд., перераб. и доп. Т. 3: Общая часть. Москва : Статут. 2023. С. 195.

заключается в упорядочении иных правовых связей, в том числе имущественного содержания¹²⁵. Полагаясь на критерии целевой и объектной направленности, Б. М. Гонгало и Е. А. Суханов противопоставляют организационные договоры имущественным. В частности, имущественные договоры опосредуют акты товарного обмена и направлены на перемещение материальных благ, в то время как организационные договоры имеют своей целью построение текущих или будущих взаимосвязей участников оборота¹²⁶.

Вместе с тем, указанная дифференциация не является теоретически безупречной. В системе современного гражданского оборота довольно часто встречаются смешанные формы правовых явлений, представляющие собой синтез обособленно существующих юридических конструкций (наглядный пример – нынешняя тенденция замещения смешанными договорами отдельных видовых соглашений). В проекции данной логики организационные и имущественные договоры находятся в диалектическом единстве и взаимосвязи, поскольку, с одной стороны, организованность и согласованность действий сторон присуща всем общественным отношениям, включая имущественные¹²⁷, с другой стороны, целью исполнения организационных договоров могут прямо или косвенно выступать правовые последствия имущественного характера.

Поэтому, не отвергая научно-идеалистическую классификацию известных ученых, полагается необходимым усовершенствовать принципы выделения организационных договоров. В частности, прогрессивным представляется предложение А. В. Андрющенко в первую очередь исследовать вид квалифицирующего (доминирующего) правоотношения, порожденного договором. Если основной правовой эффект заключается в построении согласованной системы взаимодействия участников гражданского оборота, то,

¹²⁵ Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // Антология уральской цивилистики: 1925 - 1989: Сборник статей. 2001. С. 163.

¹²⁶ Гражданское право : Учебник : в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Статут, 2017. Т. 2. С. 157; Гражданское право: учебник. Т. 3. С. 195.

¹²⁷ Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». 3-е изд., испр. Москва: Статут. 2009. С. 264.

даже невзирая на наличие в договоре имущественных или обязательственных элементов, он должен быть квалифицирован как организационный¹²⁸.

Подводя итог, под организационным договором следует понимать договор, основной целью которого является создание условий для эффективного взаимодействия его сторон при осуществлении ими гражданских прав и исполнении обязанностей. Указанным терминологическим рамкам полностью соответствует рассматриваемое соглашение об автоматизированном исполнении обязательств, как предназначенное для взаимной координации действий участников договорного правоотношения по программной алгоритмизации их обусловленного поведения в информационно-цифровой среде. При этом данное соглашение, как продукт нового времени, не имеет адресного нормативно-правового упоминания, в связи с чем в настоящее время должно быть отнесено к непоименованным договорным формам.

Таким образом, правовая архитектура комплементарного типа смарт-контракта представлена фактическим составом в виде заключения сторонами конкретного гражданско-правового договора отдельного вида, достижения соглашения об автоматизированном исполнении всех или отдельных обязательств, а также построения и реализации на его основе не зависящих от воли сторон цифровых транзакций с применением информационно-технологических решений.

В то же время, динамика развития гражданского оборота, усиленная всеобъемлющей цифровой прививкой, не может заканчиваться только частичным гарантированным исполнением обязательств, построенным по принципу электронного факультатива на базе традиционного договора. Комплементарный смарт-контракт, представляющий собой сочетание классического письменного договора и его цифровой надстройки, не соответствует современной тенденции дематериализации договорных отношений и перенесения их полного жизненного цикла в виртуальную среду¹²⁹. Отказ от использования в деловом обороте

¹²⁸ Андрющенко А. В. Организационный договор как общая договорная конструкция // Юридические исследования. 2017. № 5. С. 78.

¹²⁹ Цифровое право: учебник. С. 211.

бумажного носителя и создание электронно-цифровой среды для социальной коммуникации диктуют необходимость в появлении новых форм договорных связей сторон, характерных для третьего этапа их генезиса.

А именно, речь идет о смарт-контракте, представленном только в виде электронного программно-кодированного документа, посредством которого происходит фиксация волеизъявления сторон и достижение намеченного гражданско-правового эффекта в виде перемещения материальных благ или совершения иных обязательственных действий.

Если основой для первой (смешанной) модели смарт-контракта выступала идея автоматизированного исполнения Н. Сабо, то прототипом его более совершенной версии, как представляется, послужила концепция рикарданского контракта, опубликованная в 1996 году Я. Григгом в рамках исследования платежной системы «Ricardo» для передачи активов¹³⁰.

Некоторое время назад в период ранней концептуализации смарт-контракта к возможности существования договора только в машиноисполнимом формате представители юридического сообщества относились крайне скептически. Утверждалось, что таковые не являются юридическими контрактами, функционируют как необязательные фрагменты компьютерного кода и могут быть признаны юридически значимыми только в той степени, в какой создают нормативные средства регулирования социального поведения¹³¹. Однако, спустя несколько лет вектор рассуждений как в доктринальной, так и в правоприменительной плоскости начал смещаться в пользу признания кодированного смарт-контракта юридически обязательным и подлежащим принудительному исполнению договором. Причинами тому могут служить ряд объективных факторов.

¹³⁰ Рикарданский контракт представлял собой единый документ с цифровыми атрибутами (цифровая подпись, идентификатор, сведения о ключах и сервере), обеспечивающий перемещение имущественных прав от их эмитента к держателям и имеющий возможность его восприятия как человеком, так и ЭВМ. См. подробнее: Grigg I. The Ricardian contract [Электронный ресурс] // URL: https://www.iang.org/papers/ricardian_contract.html (дата обращения: 23.07.2024).

¹³¹ Jaccard G. Smart Contracts and the Role of Law [Электронный ресурс] // URL: <https://ssrn.com/abstract=3099885> (дата обращения: 23.07.2024).

Во-первых, становится понятно, что смарт-контракты в большинстве своем являются единственной формой волеизъявления сторон, отраженного посредством компьютерного кода, особенно это касается случаев полностью автоматизированных сделок (к примеру, возмездная передача в информационной системе цифрового токена). В случае его лишения самостоятельной договорной природы, придется констатировать наличие договоренностей участников в устной форме¹³² либо опровергнуть факт заключения договора, признав полученное исполнение неосновательным обогащением¹³³, что может существенно подорвать развитие товарно-денежных отношений в цифровом контуре.

Во-вторых, в различных типах правовых систем получила свое развитие аккреция¹³⁴ доктринальных воззрений и нормативных предписаний о договорах применительно к новому виду смарт-контракта. Его самостоятельная договорно-правовая природа обоснована и признана в США (штаты Аризона, Невада, Огайо, Теннесси и др.), Великобритании, Австралии, Китае, ОАЭ (Дубае), Эстонии, Индии, Швеции и других странах¹³⁵. Указанный перечень постоянно пополняется.

Принимая во внимание, что при данном подходе смарт-контракт представляет собой единственное средство формализации договоренностей сторон, он призван полностью заместить традиционный письменный контракт. Поэтому указанный тип смарт-контракта будет именоваться «заместительным» или в противовес ранее обозначенной – основываться на идеи «от цифры к букве»¹³⁶.

Каким же образом такой смарт-контракт вписывается в договорную формулу системы гражданско-правового регулирования Российской Федерации?

¹³² Ефимова Л. Г., Михеева И. В., Чуб Д. В. Указ. соч. С. 88.

¹³³ Цепов Г. В., Иванов Н. В. Указ. соч.

¹³⁴ Термин происходит от лат. «приращение» - используется для законодательного приспособления действующего правового режима к новым институтам и объектам. Например, для целей правового регулирования отношений, объектами которых являются программы для ЭВМ, применяются положения законодательства об охране литературных произведений. См. подробнее: Kazeeva I. Sui Generis Intellectual Property Protection. Comparison of EU and U.S. Regulatory Approaches. Singapore : Springer, 2024. P. 3.

¹³⁵ Ma A. Op. cit. P. 6.

¹³⁶ Лагошин Е. В. Договорная концептуализация смарт-контракта в системе гражданско-правового регулирования // Юридический мир. 2024. № 11 (335). С. 22.

В основе любого договора лежит согласованная, взаимно познаваемая воля нескольких лиц, направленная на юридические последствия¹³⁷. Основная специфика рассматриваемой договорной конструкции заключается в том, что воля участников гражданского оборота как регулятивный психический процесс, завершающийся принятием решений¹³⁸, трансформируется в алгоритмический программный код смарт-контракта, а сознательное действие человека как квинтэссенция такой воли¹³⁹ функционально репродуцируются путем логических операций программно-аппаратного комплекса.

С точки зрения действующих положений гражданского законодательства (п. 1 ст. 160 ГК РФ) выражение воли сторон путем изложения условий будущего правоотношения с помощью электронных либо иных технических средств полностью укладывается в письменную форму соответствующей сделки. Так что привычный для информационных систем язык программирования (Solidity, JavaScript или иной) может стать одним из способов формализации обязательств, составляющих содержание сделки.

С указанным тезисом согласны не все исследователи. Г. В. Цепов и Н. В. Иванов, используя буквальный анализ коммуникативной системы, не признают программный код в качестве основного языка договора¹⁴⁰. Между тем, в порядке возражения на подобное суждение, отмечается, что современная практика делового оборота насыщена различными электронными формами декларации воли сторон: привычным делом стал юридически значимый обмен электронными почтовыми сообщениями, сканированными копиями документов, звукозаписями и даже графическими элементами «эмодзи». Важно понимать, что первичным отражением всех указанных цифровых элементов является недоступное для человеческого восприятия сочетание бинарных значений. И только после их преобразования в адаптированные для людей формы (графические или текстовые

¹³⁷ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 506-507.

¹³⁸ Панов А. А. К вопросу о категориях воли, волеизъявления и порока воли в теории юридической сделки // Вестник гражданского права. 2011. Т. 11. №1. С. 54.

¹³⁹ Лякин В. Е. К вопросу о поступке, воле и волеизъявлении // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 18.

¹⁴⁰ Цепов Г. В., Иванов Н. В. Указ. соч.

интерфейсы) возможно ознакомление с содержанием соответствующих цифровых объектов.

Подобная схема может быть реализована и в рамках смарт-контракта - тем более, существует законодательное требование о возможности воспроизведения в неизменном виде содержания сделки на материальном носителе. В самом простом виде к таковому относится ЭВМ, позволяющая хранить и воспроизводить объектный и исходный программные коды, а также использовать интерактивные средства их восприятия пользователем¹⁴¹. На практике это может выражаться в установленной разработчиками смарт-контрактов опциональной конвертации программного кода в аналоговый текст для отдельных целей правоприменения (например, налогового или бухгалтерского учета, судебного разбирательства) - по аналогии с конструкторами договоров, способными преобразовать сетку существенных условий в оформленный письменный документ. Либо в случае необходимости обеспечения гарантий защиты прав слабой стороны (потребителя) требование о дублировании условий смарт-контракта на естественном языке может быть обязательным¹⁴².

Хотя, рассуждая в целом по вопросу цифровизации волеизъявления сторон, с учетом специфики современного рыночного оборота полагаются конструктивными и перспективными предложения о выделении в качестве самостоятельной и заслуживающей адресной регламентации электронной формы сделок¹⁴³.

Второй ключ к цифровизации сделки в виде смарт-контракта связан с установленной Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ возможностью идентификации и аутентификации стороны сделки, в том числе выступающей пользователем информационной системы, любым обеспечивающим достоверность определения способом. Помимо ставшей привычной электронной подписи

¹⁴¹ Кирсанов А. Н., Кузьмин А. В. Смарт-контракт как особая договорная конструкция в российском законодательстве // Право и управление. XXI век. 2023. Т. 19. № 3(68). С. 49. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 08.06.2016 № 308-ЭС14-1400 по делу № А20-2391/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴² Чирков А. В. Регулирование рисков потребителя при заключении и исполнении смарт-контракта // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 11. С. 184.

¹⁴³ Цифровое право: учебник. С. 227.

(простой, неквалифицированной и квалифицированной), стороны используют различные форматы подтверждения личности: обмен идентификационными кодами и различными шифрами¹⁴⁴, отправление электронных сообщений с определенных мобильных номеров, адресов электронной почты, аккаунтов.

Безусловно, при заключении договора между отсутствующими всегда существуют риски его признания недействительным¹⁴⁵ или незаключённым¹⁴⁶ по мотивам его подписания неуполномоченным лицом. И манифестация воли участников гражданского оборота в децентрализованной распределенной системы может только усилить подобные риски. Вместе с тем, политико-правовые установки требуют разумного расширения механизмов взаимодействия сторон в виртуальном пространстве и, как следствие, использования различных вариантов верификации субъекта волеизъявлений¹⁴⁷.

Поэтому задача, стоящая перед научным и профессиональным сообществом, должна заключаться не только в скептической критике цифровых форм проявления традиционных сущностей, но и в предложениях к адаптации имеющихся правовых средств к новым общественным отношениям, разумеется, с учетом следования общественно-значимым интересам¹⁴⁸. Иной подход ведет к договорному декадансу и возвращению к письменным предшественникам.

Применительно к смарт-контракту в случае возникновения сложностей в деанонимизации его субъектов перспективным видится использование презумпции привязки электронного волеизъявления конкретного лицу, выполняющему те или иные действия в информационной системе для подтверждения сделки. Так, например, еще в 2013 году Президиум ВАС РФ сформулировал презумпцию признания сообщений, полученных или отправленных с адреса электронной почты,

¹⁴⁴ Ефимова Л. Г. Указ. соч. С. 135.

¹⁴⁵ См.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 06.11.2012 № 8728/12 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴⁶ См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2021 № 307-ЭС21-25091 по делу № А56-115380/2019// СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴⁷ Шугаев Р. И. Электронная форма сделок: вопросы правового регулирования // Цифровое право. 2023. Т. 4. № 2. С. 55.

¹⁴⁸ См. подробнее: Лагошин Е. В. Цифровые сделки: угроза безопасности или фактор экономического развития? // Право и экономика. 2025. № 1 (443). С. 65-69.

принадлежащей определенному лицу, в качестве его собственных действий¹⁴⁹. Или, в частности, в зарубежной доктрине одним из способов конвалидации смарт-контракта в случае наличия разногласий между сторонами признается известный принцип эстоппеля¹⁵⁰. Указанные правовые приемы позволяют обеспечить баланс интересов сторон и в определенных случаях восполнить кредит доверия лицу, выражающему свое волеизъявление в цифровом пространстве.

Отсутствуют нормативные возражения и в признании смарт-контракта электронным документом или его юридической фикцией в случае обмена сторонами цифровыми данными в информационно-технологическом пространстве (п. 2 ст. 434 ГК РФ). Так, легальная дефиниция электронного документа (ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ) определяет его как документированную информацию, представленную в электронной форме и пригодной для восприятия человеком и обработки в информационных системах. Данная формулировка признаков электронного документа синхронизируется с требованиями к форме сделки, установленной п. 1 ст. 160 ГК РФ.

При этом электронный документ может быть представлен в виде файла машинной информации независимо от формата данных (электронный статический документ) или программы для ЭВМ (электронный динамический гипертекстовый документ)¹⁵¹. К последней категории и относится смарт-контракт, представляющий собой линейно-обусловленный определенными обстоятельствами компьютерный алгоритм, опосредующий обязательственное поведение участников правоотношения.

Таким образом, проанализированный нормативно-правовой контур вполне приспособлен для базового включения электронного смарт-контракта в договорную систему гражданско-правового регулирования. При этом, как показано, смарт-контракт не просто подчиненная условной логике «если-то»

¹⁴⁹ См.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 12.11.2013 № 18002/12 по делу № А47-7950/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵⁰ Ghodoosi F. Contracting in the Age of Smart Contracts // Washington Law Review. 2021. № 51. P. 73.

¹⁵¹ Ефимова Л. Г. Альтернативный взгляд на правовое регулирование гражданско-правовых отношений в условиях цифровой экономики // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 8. С. 57.

цифровая последовательность транзакций¹⁵², а основанное на консенсуально-обязательственной правовой связи договорное образование особой формы.

В то же время совершенно прав А. А. Волос относительно недопустимости приравнивания смарт-контракта только к специфической форме договора¹⁵³. В основе указанного феномена лежит, в первую очередь, автоматизированная специфика исполнения лицами своих обязательств, ранее неизвестная товарно-денежного обороту. При этом важно подчеркнуть, что содержание смарт-контракта, равно как и в традиционной договорной парадигме, выражается в правоотношениях конкретных лиц, их взаимных согласованных обязательствах, но исполнение которых обеспечивается в цифровой системе по заранее заданным сторонами параметрам. В связи с этим вряд ли следует согласиться с мнением отдельных исследователей, полагающих, что смарт-контракт выхолащивает концепт обязательственных правоотношений, присваивая статус исполнителя обязательств автоматизированной системе¹⁵⁴. Представляется, что субъектом обязательственно-правовой связи и, как следствие, гражданско-правовой ответственности в случае неисполнения договоренностей всегда выступает конкретное физическое или юридическое лицо, а не информационная система.

Другое дело, что само исполнение в рамках смарт-контракта полностью достигается реализацией компьютерного алгоритма и не требует отдельно выраженного волеизъявления на каждое распорядительное действие – все подразумеваемые волевые распоряжения спроецированы в программный код. В связи с этим произведенные в пользовательском реестре данных цифровые транзакции, опосредующие товарно-денежный обмен, могут быть признаны результатом конклюдентного поведения сторон.

Традиционная континентальная догматика преимущественно рассматривает конклюдентные действия как индикатор желания лица вступить в сделку

¹⁵² Meyer O. Stopping the Unstoppable - Termination and Unwinding of Smart Contracts [Электронный ресурс] // Journal of European Consumer and Market Law (EuCML). URL: <https://ssrn.com/abstract=3537477> (дата обращения – 25.07.2024).

¹⁵³ Концепция правового регулирования отношений, осложненных использованием смарт-контрактов. С. 20.

¹⁵⁴ Автонова Е. Д. Смарт-контракты в современном российском праве: возможности реализации технологии / Плехановский барометр. 2017. № 4. С. 26.

(заключить соответствующий договор)¹⁵⁵. Однако в ситуации совершения заместительного смарт-контракта из конклюдентных действий его сторон (к примеру, регистрация в системе, обмен цифровыми данными) усматривается несколько правовых эффектов¹⁵⁶ - наличие их воли не только на вступление в соответствующее договорное правоотношение, но и на исполнение возложенных обязательств посредством информационно-цифровой инфраструктуры. Достоинством такого подхода является сохранение субъектной связи между транзакциями и волеизъявлением их инициаторов, которое на момент реализации программного алгоритма является подразумеваемым с учетом определенной специфики. А именно - конклюдентное по своей правовой природе исполнение условий смарт-контракта носит гарантированный или, иными словами, неизбежный характер за счет автоматизированного протокола, обусловленного наступлением или не наступлением оцифрованных обстоятельств.

Резюмируя изложенные тезисы и аргументацию, логично утверждать, что заместительный тип смарт-контракта (переход от «цифры к букве») представляет собой не имеющий обязательного письменного аналога договор в его многоаспектном проявлении и может рассматриваться как сделка с особой формой выражения и реализации волеизъявления сторон, как правоотношение с присущей ему кардинально новой спецификой автоматизированного исполнения обязательств, а также как документ электронного вида, призванный формализовать договоренности сторон в информационно-программной системе¹⁵⁷.

Для целей определения места такого смарт-контракта в системе договоров следует исходить из следующих постулатов. Во-первых, смарт-контракт не является самостоятельной видовой договорной единицей, в том числе не обладает спецификой собственного предмета исполнения или его существенных условий.

¹⁵⁵ Целлер А. И. О некоторых особенностях практики акцептования оферты конклюдентными действиями // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2019. Т. 4. № 2. С. 97.

¹⁵⁶ А. А. Маколдина развивает идею Д. И. Мейера о делении изъявления воли на явное и молчаливое по критерию последовательности юридически значимых действий См. подробнее: Маколдина А. А. Конклюдентные действия в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2024. Т. 24. № 2. С. 28.

¹⁵⁷ Данный вывод созвучен с основами цивилистического учения о договорах, предполагающего многозначное представление указанного термина. См., например: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая : Общие положения. 3-е изд., стер. Москва: Статут, 2011. С. 14-15.

Конструкция смарт-контракта одинаково подходит для программной автоматизации разноплановых договоров, будь то купля-продажа или лицензия. Иными словами, по сути своей выступает цифровой договорной оболочкой, в рамки которой могут облекаться конкретные гражданско-правовые договоры.

Во-вторых, смарт-контракт не может быть причислен к какому-либо установленному гражданским законодательством общему договорному образованию, причем ни прямо, ни по аналогии закона, ни посредством компоновки смешанных элементов.

В-третьих, ключевая характеристика смарт-контракта как нового феномена лежит в плоскости абсолютно гарантированного исполнения обязательственных договоренностей. В связи с этим трудно согласиться с мнением исследователей, выделяющих в качестве его квалифицирующих признаков обусловленность исполнения¹⁵⁸. Дело в том, что зависимость осуществления субъективных прав или выполнения юридических обязанностей от поведения другой стороны или иных обстоятельств не является новеллой гражданского законодательства. Для примера, к признакам обусловленного исполнения относят и встречное исполнение сторонами своих обязательств (ст. 328 ГК РФ), а также иные случаи, установленные сторонами на основе принципа свободы договора¹⁵⁹.

Принимая во внимание совокупность указанных обстоятельств, совершенно правильной полагается позиция авторов, квалифицировавших смарт-контракт как специальную договорную конструкцию¹⁶⁰, под которой в теории гражданского права понимается своеобразное модельное построение прав, обязанностей, ответственности, их типовые схемы, в которые облекается юридический материал¹⁶¹. При этом, основным критерием выделения смарт-контракта является

¹⁵⁸ Гринь О. С., Гринь Е. С., Соловьев А. В. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 8 (153). С. 56.

¹⁵⁹ Аюшеева И. З. Обусловленное исполнение обязательства в гражданском праве Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 7(80). С. 60-61.

¹⁶⁰ Зайнутдинова Е. В. Указ. соч. С. 68; Концепция правового регулирования отношений, осложненных использованием смарт-контрактов. С. 66; Ефимова Л. Г., Михеева И. В., Чуб Д. В. Указ. соч. С. 89-90; Гринь О. С., Гринь Е. С., Соловьев А. В. Указ. соч. С. 58; Ахмедов А. Я. К вопросу о признаках смарт-контракта как договорной конструкции // Право и цифровая экономика. 2020. № 2(08). С. 24; Кирсанов А. Н., Кузьмин А. В. Указ. соч. С. 49.

¹⁶¹ Алексеев С. С. Право: азбука-теория-философия: опыт комплексного исследования. Москва: Статут, 1999. С. 108.

не существо возникших обязательств как в гражданско-правовых договорах определенного типа, а способ их исполнения.

И, если комплементарный тип смарт-контракта, имеет нормативно-правовые основания в виде положений части 2 статьи 309 ГК РФ, то его заместительный вариант требует законодательной позитивации путем введения новой договорной конструкции «Автоматизированные договоры» и отражением нормативными правилами всех перечисленных особенностей ее применения, а именно Гражданский кодекс Российской Федерации может быть дополнен следующей статьей:

«Статья 429.5. Автоматизированный договор.

1. Автоматизированным договором признается договор, по которому обусловленное сторонами взаимное исполнение обязательств осуществляется в автоматизированном (не требующим в момент исполнения отдельно выраженного дополнительного волеизъявления) порядке с использованием информационных технологий и/или программных средств.

2. Содержание и условия автоматизированного договора определяются в информационной системе способом, обеспечивающим их доступность для последующего использования, в том числе для воспроизведения в неизменном виде.

3. Требование об идентификации и аутентификации стороны автоматизированного договора считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю на заключение и автоматизированное исполнение договора.

4. Оператор информационной системы или иное уполномоченное сторонами по взаимному согласию лицо обеспечивает техническую возможность заключения автоматизированного договора, ознакомление с его содержанием, а также исполнения сторонами своих обязательств без отдельно выраженного дополнительного волеизъявления.».

Итак, следует дифференцировать несколько типов смарт-контракта:

а) Комплементарный тип смарт-контракта представляет собой соглашение об автоматизированном исполнении всех или отдельных обязательств, вытекающих из условий традиционного письменного договора. После преобразования обязательственных действий в исполняемый программный код дополнительное волеизъявление сторон договора не требуется – цифровые транзакции осуществляется автоматически при наступлении определенных условий, в том числе полностью не зависящих от воли сторон.

б) Заместительный тип смарт-контракта представляет собой не имеющий обязательного письменного аналога автоматизированный договор, заключаемый и исполняемый по правилам информационной системы централизованного или децентрализованного характера.

§ 1.3. Специфика и принципы применения смарт-контракта

Обусловленная автоматизация исполнения гражданско-правовых обязательств как основной атрибут смарт-контракта не отличается универсальным характером и не может в одинаковой степени применяться к технологической формализации любых договоренностей сторон. Едва ли можно представить делегирование информационной системе обязательств по строительству здания, оказанию бытовых услуг либо совершению разумных и добросовестных действий, требующихся по условиям делового оборота. Поэтому крайне актуальным для правоприменения вопросом является определение объективных и субъективных пределов использования рассматриваемой договорной конструкции.

Для этого первоначально в общих чертах следует определиться с объектным контуром правоотношений, осложненных смарт-контрактом. В частности, законодательное установление с 01 октября 2019 года возможности заключения смарт-контрактов состоялось одновременно с введением нового объекта гражданско-правового регулирования – цифровых прав. Исходя из логико-контекстного значения указанных новелл, смарт-контракт напрашивается рассматривать как инструмент трансляции именно цифровых прав между

участниками сделки. Однако цифровые права, в том виде, в каком они дефинитивно описываются в статье 141.1 ГК РФ, имеют крайне усеченную типологию, представленную законом только несколькими разновидностями (цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права и их комбинация в виде гибридных цифровых прав). Законодатель, нацеленный на установление правового режима новых цифровых сущностей, синтезировал крайне спорный объект гражданских прав, имеющий недостаточно точек пересечения с криптовалютой и токенами¹⁶².

Основываясь на прообразе бездокументарных ценных бумаг, удостоверяющих обязательственные и иные права, в действительности своей цифровые права стали лишь новой формой удостоверения традиционных имущественных прав¹⁶³, а не новой объектной единицей. В связи с этим многие исследователи резонно задаются вопросом об их самостоятельности в системе объектов гражданских прав в условиях отсутствия у них признаков дискретности¹⁶⁴. Важно, что фундаментальным базисом для цифровых прав фактически выступают известные субъективные правопритязания (вещные, обязательственные, интеллектуальные), но спроецированные в цифровую среду, которая, по идеи законодателя, и уточняет их содержание и условия осуществления. Поэтому, например, В. А. Садков не без оснований использует термин «оцифрованные права» для познания правовой природы нового явления¹⁶⁵.

Итак, исходя из законодательного замысла, основную группу объектов гражданских правоотношений¹⁶⁶, опосредованных смарт-контрактом, составляют цифровые права, представляющие собой виртуальную репрезентацию

¹⁶² Петраков Н. А. Цифровое имущество как объект гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2024. С. 71.

¹⁶³ Экспертное заключение по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 17.01.2019 № 183-1/2019) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶⁴ Дерюгина Т. В. К вопросу о сущностных характеристиках и правовой природе цифрового права // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2022. Т. 17. № 2. С. 42.

¹⁶⁵ Садков В. А. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав и их оборот: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2022. С. 84.

¹⁶⁶ Несмотря на существующие в теории права дискуссии, в рамках текущего исследования объекты правоотношений будут отождествляться с объектами субъективных прав.

имущественных прав, содержание и порядок реализации которых устанавливается в информационной системе. К таковым закон относит: 1) цифровые финансовые активы в виде денежных требований или требований эмитенту по передаче ценных бумаг, а также прав по ним, включая участие в капитале непубличного акционерного общества¹⁶⁷; 2) утилитарные цифровые права, существующие в инвестиционной платформе: право требовать передачи вещи, право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав их использования; право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг¹⁶⁸; 3) гибридные цифровые права, одновременное включающие цифровые финансовые активы и иные цифровые права.

Между тем, такая видовая дифференциация не может быть признана исчерпывающей и удовлетворяющей ожиданиям участников рыночного оборота. В частности, возникновение, реализация и оборот различных цифровых прав должны происходить в отсутствие прописки именно в инвестиционной платформе – цифровизация имущественных правомочий должна признаваться в любых информационных системах, в том числе централизованного характера.

Иное видение сковывает развитие товарно-денежных отношений в цифровом пространстве, что не корреспондирует векторам государственной политики в области совершенствования экономики данных – как верно подчеркивается А. В. Габовым и С. П. Саяпиным, современное развитие электронного взаимодействия участников гражданского оборота с использованием платформ уже требует объективных, а не волюнтаристских подходов¹⁶⁹.

Тем не менее, временно оставляя критику легальной типологии цифровых прав, отметим совершенно справедливое утверждение Е. Е. Богдановой о том, что «смарт-контракт является способом исполнения лишь тех обязательств, в которых

¹⁶⁷ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ: ред. от 08.08.2024 // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.08.2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

¹⁶⁸ О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02 августа 2019 г. № 259-ФЗ: ред. от 08.08.2024 // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.08.2019. № 31. Ст. 4418.

¹⁶⁹ Габов А. В., Саяпин С. П. Платформенные отношения как предмет правового регулирования // Lex Russica (Русский закон). 2025. Т. 78. № 11. С. 11.

передача имущественного предоставления происходит в виртуальном мире»¹⁷⁰. В связи с этим возможности смарт-контракта, как правило, должны быть ограничены таким обязательственным поведением сторон, которое может репродуцироваться в информационной системе или гарантированно находится под ее контролем. Тогда следует признать, что за скобками алгоритмически автоматизированного исполнения окажутся, например, действия по передаче вещей (*res corporales*), строительству зданий или оказанию бытовых услуг, как имеющие материальное основание, не доступное для цифровой трансформации. К примеру, не зря законодатель разрывает связь между утилитарными цифровыми правами и подлежащим государственной регистрации имуществом, блокируя возможность его цифрового преобразования¹⁷¹. Мало того, что такое предоставление в ответ на утилитарный токен не может исчерпываться только виртуальными действиями, так еще и сами вещные права подлежат публичному удостоверению согласно императивным стандартам, что делает невозможным исключительно программное исполнение договоренностей сторон.

Поэтому, даже если попробовать технически токенизировать обязательства в натуре (исполнение которых обеспечивается либо связано с физическими действиями уполномоченного лица), смарт-контракт не сможет автоматизировать достижение основного правового эффекта по сделке, это объективно невозможно – он все еще будет зависеть от реальных действий сторон (по контрактному производству товара, ремонту дорожного полотна или оказанию услуг перевозки). Поэтому эра комплементарных смарт-контрактов, когда последний представляет собой способ автоматизации только отдельных обязательственных действий на основе классического договора, эволюционно не пройдена.

Ситуационным выходом из данной дилеммы может служить включение в цифровой обязательственный контур внешних доверенных источников, которые

¹⁷⁰ Богданова Е. Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 7 (152). С. 110.

¹⁷¹ См.: О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02 августа 2019 г. № 259-ФЗ: ред. от 08.08.2024. Статья 8 // СПС «Консультант Плюс».

смогут верифицировать наступление или ненаступление определенных обстоятельств, в том числе являющихся следствием действий сторон. Например, системы объективного контроля, основанные на средствах спутникового мониторинга и навигации, могут подтвердить или опровергнуть путем предоставления в децентрализованный реестр необходимых сведений любые события натурального свойства – достижение той или иной стадии строительства объекта (этажности или требуемых параметров), монтаж элементов дорожной инфраструктуры, высадку зеленых насаждений, доставку инертных материалов, транспортировку грузов (в сочетании с RFID – метками), вырубку или расчистку просек для электросетевого хозяйства и т.д.

Однако, сложность заключается в том, что идеологически смарт-контракт предназначен для исключения внешних посредников и степени их влияния на исполнение обязательств, а не увеличения их роли в договорном правоотношении. В связи с этим использование «оракулов» зачастую создает поводы для критики в литературе¹⁷². Представляется, что в ближайшей перспективе, когда наблюдается переходный период от комплементарного к заместительному типу смарт-контракта, использование внешних доверенных источников более чем оправдано для адаптации нового цифрового инструмента и достижения его универсальности. В долгосрочной перспективе указанная опция способна поставить под сомнение ключевую онтологическую характеристику смарт-контракта, а именно: синтез взаимного капитала доверия между участниками гражданского оборота.

Другая группа объектов, оборот которых может быть достигнут с использованием смарт-контракта, имеет крайне неоднозначную природу, обусловленную их возникновением и использованием в ограниченном цифровом пространстве. Это так называемое виртуальное имущество – термин неустоявшийся по причине отсутствия законодательной дефиниции, а также фрагментарности научных изысканий по данной тематике. Не погружаясь в глубину семантики данного феномена, зафиксируем перспективу его вовлечения в

¹⁷² См., например: Cuccuru P. Beyond bitcoin: An early overview on smart contracts // International Journal of Law and Information Technology. 2017. № 25. P. 185-186; Levi S. D., Lipton A. B. Op.cit.

рыночный оборот, построенных на цифровых рельсах. К таковому относят доменные имена, аккаунты пользователей, цифровые стикеры¹⁷³, виртуальных персонажей многопользовательских игр, их артефакты, результаты цифрового творчества и другие объекты. Ключевая особенность данных сущностей заключается в отсутствии их материального выражения в мире реальной действительности – весь жизненный цикл, начиная от их зарождения и заканчивая их ликвидацией, осуществляется в виртуальной среде, что абсолютно созвучно с идеей смарт-контракта.

Представляется правильным совокупность цифровых прав, цифровой валюты (криптовалюты), виртуального имущества и иных подобных объектов объединить под родовым термином «цифровые активы», под которым следует понимать представленные в виде цифровых данных объекты информационно-технологической среды, обладающие действительной или потенциальной коммерческой ценностью. Как показано, именно оборот цифровых активов и составляет функциональное естество смарт-контрактов, но в известных пределах.

Для убедительности идентификации случаев невозможности выбора смарт-контракта в качестве цифрового договорного инструмента должен применяться соответствующий реализационный критерий. Суммируя приведенные аргументы, логично заключить, что в качестве основы построения данной договорной конструкции следует использовать принцип транзакционной перспективы, его суть – допустимость применения смарт-контракта только для цифровой формализации таких обязательственных действий, исполнение которых полностью протекает в информационно-программной среде, основанной на линейно обусловленном алгоритме.

Использование данного методологического принципа для определения объективных пределов смарт-контракта позволит, к примеру, признать не

¹⁷³ Рожкова М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2018. 13 июня // URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym (дата обращения: 01.09.2024).

подлежащим имплементации в автоматизированный цифровой алгоритм, помимо ранее обозначенных, следующие юридически значимые действия:

- фидуциарные сделки, как обусловленные личными доверительными связями участников гражданского правоотношения, которые не могут быть делегированы программе для ЭВМ (договор простого товарищества, доверительного управления имуществом или поручения)¹⁷⁴.

- сделки, представляющие собой сложные юридические составы, в том числе включающие правореализационные или регистрационные действия с участием публичной стороны (в лице государственных органов) или иных уполномоченных лиц (нотариусов, экспертов). Типичный пример - закупки товаров, работ и услуг для государственных или муниципальных нужд.

- сделки в рамках государственно-частного партнерства или в сфере реализации комплексных инфраструктурных проектов ввиду сложности и длительности гражданско-правовых связей между контрагентами (контракты жизненного цикла, концессионные соглашения, офсетные контракты) и иные.

Вторая категория лимитов, препятствующих облечению волеизъявления сторон в смарт-контракт, основывается на субъективно-языковых различиях построения договорного содержания. Классические юридические документы, пронизанные широкой палитрой сложных и, порой, оценочно - абстрактных положений, полагаются на когнитивную лингвистическую обработку высокого уровня. Дело в том, что мышление человека представляет собой комплексный процесс, обусловленный множеством феноменологических факторов, включая взаимосвязанные чувственно-эмоциональные и интуитивные проявления. Данные ментальные компоненты сознания имеют сугубо субъективный характер, а также выходят за рамки функционального описания и символично-языковой семантики, используемой в программных средствах.

Не будет большим откровением, что система машиночитаемого выражения обязательственных команд пользователей представляет собой последовательное

¹⁷⁴ Зорин В. С. Понятие и содержание фидуциарных правоотношений // Вестник гражданского права. 2024. Т. 24. № 2. С. 229.

сочетание математических алгоритмов, построенных на бинарной логике. Поэтому и отмечается, что привычные для делового оборота выразительные вариации естественного юридического языка могут сбить с толку самые технически искусственные программы¹⁷⁵.

Даже попытки сторонников философии компьютеризации уравнивать человеческое и машинное восприятие не привели к убедительным выводам об их полном функциональном тождестве¹⁷⁶. В итоге, в современной аналитической философии стало очевидным, что вычислительные объяснения возможны не для всех умственных процессов (только поддающихся алгоритмическому программированию)¹⁷⁷, а поиски универсального метаязыка для сознательно-вычислительной связи лишены достаточной перспективы¹⁷⁸. Основоположник компьютерного функционализма Х. Патнэм в своих поздних трудах решительно критикует теоретическую возможность машинного описания каждой мысли или убеждения, называя такую идею «чистой научной фантастикой»¹⁷⁹.

Применительно к цивилистической материи очевидно, что оценочные правовые категории, традиционно характерные для гражданского оборота (например, такие, как «разумные сроки», «достаточные основания»), не могут быть описаны в терминах логических состояний. В силу специфики двоичной системы кодирования имплементация неоднозначно определенных условий взаимодействия сторон в рамках смарт-контракта полностью исключена¹⁸⁰.

Разделяя подобный подход большинства исследователей, хотелось бы его существенно уточнить и распространить его действие не только на оценочные договорные формулировки, но и в целом на любые обязательственные действия, не

¹⁷⁵ Hillis A., Caramazza A. The reading process and its disorders // *Cognitive neuropsychology in clinical practice*. New York: Oxford University Press, 1992. P. 229.

¹⁷⁶ См., подробнее: Лагошин Е. В. Смарт-контракт как метафорическая форма человеческого сознания в системе компьютерного функционализма // *Право и экономика*. 2024. № 7 (437). С. 66-70.

¹⁷⁷ Horst S. The computational theory of mind [Электронный ресурс] // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/computational-mind>.

¹⁷⁸ Алексеев А. Ю. Тестовый компьютеризм как методологическая парадигма искусственных обществ [Электронный ресурс] // *Искусственные общества*. 2018. Т. 13. Выпуск 1-2. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800000119-9-1> (дата обращения 24.02.2024).

¹⁷⁹ Putnam H. Functionalism: Cognitive Science or Science Fiction? // *The Future of the Cognitive Revolution*. Oxford: Oxford University Press. 1997. P. 38.

¹⁸⁰ См.: Богданов Д. Е. Указ. соч. С. 36; Одинцов С. В., Наклескина Е. А. Указ. соч. С. 61.

предназначенные к описанию в линейно-обусловленном программном алгоритме. К таким возможно отнести заверения об обстоятельствах, имеющих существенное значение для сторон, разнородные вспомогательные обязательства (например, оказание содействие подрядчику, обеспечение соответствия товара установленным требованиям и стандартам) и другие характерные положения.

Отмеченные субъективные пределы зачастую являются поводом для критики смарт-контракта. Высказывается точка зрения, что негибкий программный код обедняет договорные отношения и фактически снижает эффективность традиционных контрактных связей, обусловленных богатством семантического выражения и силой человеческого суждения¹⁸¹.

Вместе с тем, полагается, что подобная позиция основана на стереотипном мышлении и желании облечь в программно-цифровую форму все привычные договорные постулаты. Нужна ли смарт-контракту подобная гибкость, лингвистический дрейф и возможность цифровой «упаковки» всех договоренностей сторон? Отрицательный ответ – очевиден. Ключевое достоинство смарт-контракта в его лишенном субъективизма абсолютно гарантированном исполнении соглашений участников с использованием информационных технологий. Участники сознательно нацелены на преобразование недвусмысленных результатов своей мыслительной и волевой деятельности в исполняемую машиной комбинацию символьных операций и алгоритмов. Переход прав на объекты или проведение расчетного платежа по сделке становится неизбежным именно благодаря автоматизированному протоколу смарт-контракта, которому чужды эмоционально-чувственные или интуитивно-контекстуальные модальности.

Поэтому заключение смарт-контракта должно быть подчинено принципу семантической однозначности, а предложения по разработке новой логики для программной объективизации «каучуковых» норм¹⁸² лишены, на наш взгляд,

¹⁸¹ Sklaroff J. Smart Contracts and the Cost of Inflexibility // University of Pennsylvania Law Review. 2017. Vol. 166. P. 286.

¹⁸² См.: Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования.

текущего смысла. Равно как и нет его в гипотетических предложениях относительно, скажем, механизмов полной документальной формализации всех прав и обязанностей сторон по договору перевозки – законодатель упростил все до покупки билета (п. 2 ст. 786 ГК РФ).

Разумеется, указанные объективные, основанные на принципе транзакционной перспективы, и субъективные, вытекающие из принципа семантической однозначности, пределы применения смарт-контракта релевантны исключительно к его заместительному (полностью цифровому) типу. Для комплементарного смарт-контракта подобные сложности могут быть преодолены в параллельно существующей классической договорной объективизации, являющейся следствием обычного волеизъявления сторон.

Аналогичный подход актуален в целом для особенностей динамики договорного правоотношения в рамках комплементарного типа смарт-контракта. Возникновение, изменение или прекращение гражданско-правового взаимодействия сторон подчинено классическим нормативным положениям, диспозитивно оперируемыми сторонами. Все традиционные цивилистические правовые средства могут применяться без особых изъятий и ограничений. Так, если необходимо изменение условий комплементарного смарт-контракта, корректировке подлежит основной письменный договор – именно он представляет собой кульминацию совпадения воли участников гражданского оборота. Факультативно, может модифицироваться соглашение об автоматизированном исполнении обязательств и последующая его программная реализация.

Сложней в теории и на практике обстоит дело с заместительным аналогом смарт-контракта. Встречаются резонные рассуждения о возможности его изменения¹⁸³, особенностях его толкования¹⁸⁴, применении к нему правил о недействительности сделок¹⁸⁵ или общих принципов гражданского

¹⁸³ См., например: Köksal B., Sarel, R. Op. cit.

¹⁸⁴ См., например: Богданова Е. Е. Указ. соч. С. 115.

¹⁸⁵ См., например: Савельев А. И. Указ. соч. С. 50-51.

законодательства¹⁸⁶. Для практико-ориентированного решения данных вопросов потребуются компромиссные подходы с учетом определенных диспозиций:

1. Различие способов заключения смарт-контракта. Полагается, что цифровая формализация волеизъявления сторон возможна в нескольких вариациях:

- подготовка, тестирование и развертывание смарт-контракта выполняется непосредственно сторонами договора либо привлечёнными ими специалистами. В таком случае участники находятся в равноправном положении и могут в одинаковой степени влиять на формирование условий договора, выбор специалиста для написания программного кода или иные юридически значимые обстоятельства. Важно отметить, что подобные смарт-контракты являются, как правило, уделом инициатив со стороны системно значимых промышленных, транспортных или финансовых структур. В частности, банк ВТБ, как финансовый партнер сделки, презентовал смарт-контракт по страхованию подвижного состава московского метрополитена с использованием расчетов в цифровых рублях¹⁸⁷;

- формирование смарт-контракта осуществляется одной из сторон в виде цифрового договорного формуляра, а контрагенты вправе принять его условия по модели присоединения¹⁸⁸. В зарубежной доктрине такие договоры получили название продиктованные (*diktierter Vertrag*)¹⁸⁹ или соглашения «бери либо отказывайся» (*take-it-or-leave-it contract*)¹⁹⁰. Примером может служить договор о приобретении утилитарных цифровых прав на инвестиционной платформе, заключаемый посредством электронного выражения согласия с условиями информационной системы (так называемый краундфандинг). Смарт-контракт в этом плане не увеличивает и не уменьшает риски асимметрии правовых возможностей сторон, характерные для любых сделок, заключаемых путем присоединения к условиям сильной стороны;

¹⁸⁶ См., например: Волос А. А. Смарт-контракты и принципы гражданского права // Российская юстиция. 2018. № 12. С. 5-7.

¹⁸⁷ ВТБ представил применение смарт-контрактов с расчетами цифровыми рублями [Электронный ресурс] // URL: <https://1prime.ru/20240606/vtb-848922303.html?ysclid=m0p8pqf4oj764949682> (дата обращения: 05.09.2024).

¹⁸⁸ Савельев А. И. Указ. соч. С. 44.

¹⁸⁹ Зарапина Л. В. Соотношение договора присоединения и продиктованного договора в гражданском праве // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2019. Т. 31. № 3. С. 79.

¹⁹⁰ Peters M. Negotiation and take it or leave it in common agency // Journal of Economic Theory. 2003. № 1. P. 89.

- смарт-контракт может являться следствием использования сторонами типовых информационно-технологических решений на основе инфраструктуры кредитных или иных финансовых организаций. Как ранее отмечалось, согласно концепции Центрального Банка России, клиенты получают в распоряжение созданные финансовыми структурами и верифицированные Банком России смарт-контракты, на основе которых будет осуществляться товарообмен с использованием цифрового рубля¹⁹¹. В частности, представляется, что речь идет о конструкторе смарт-контрактов, предлагаемом банками на платформе цифрового рубля. Участники гражданского оборота получают возможность смоделировать цифровую сделку путем выбора ее предмета, а также иных существенных условий.

Особенно востребована будет возможность взаимной интеграции (по протоколу API) платформы цифрового рубля с каталогом товаров, работ и услуг, содержащим коммерческие предложения поставщиков и исполнителей. Заинтересованное лицо сможет сделать выбор из перечня объектов по аналогии с так называемыми «закупками с полки» (закупки в рамках ч. 12 ст. 93 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд») и оформить сделку в виде смарт-контракта, исполнение которого будет полностью автоматизировано, а расчетные транзакции - обеспечены цифровыми рублями;

- заключение смарт-контракта возможно с использованием интеллектуальных агентов¹⁹², представляющих интересы участников биржевой торговли. Реализация договорного правоотношения становится возможной при совпадении условий двух разнонаправленных заявок с учетом действующих котировок. При этом используются автоматизированные алгоритмы, позволяющие совершать сделки в отношении финансовых активов по заданным параметрам.

¹⁹¹ Концепция цифрового рубля [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 06.09.2024).

¹⁹² Александрова В.С. Заключение электронного договора с использованием интеллектуальных агентов (электронных агентов) // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России : Коллективная монография. В 4-х томах. Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2020. С. 251.

Представленная классификация способов заключения договора не является догмой. В доктрине, к слову, находит свое развитие возможность заключения смарт-контракта как click-wrap или browse-wrap соглашения¹⁹³. Между тем, полагается, что указанные модели соглашения не образуют новых способов заключения смарт-контракта, а имманентно составляют специфику выражаемого сторонами акцепта (click-wrap – активный акцепт в виде положительной знаковой отметки, browse-wrap – пассивный акцепт путем конклюдентных действий). Поэтому вызов к жизни смарт-контракта путем click-wrap или browse-wrap действий возможен при любом варианте его заключения.

Итак, используя предложенную матрицу способов совершения смарт-контракта, не трудно синтезировать ответы на дискуссионные вопросы относительно перспективы его изменения. Так, в ситуациях возможности активного влияния сторон на условия смарт-контракта (при самостоятельном или с привлечением специалиста его формировании) права Е. В. Зайнутдинова, обосновывающая возможность его корректировки путем заранее имплементированных алгоритмов либо путем развертывания в системе нового смарт-контракта, выполняющего функциональную роль дополнительного соглашения¹⁹⁴. Но, очевидно, что данная логика не выдерживается при смарт-контрактовании по модели присоединения, а также в рамках автоматизированной биржевой торговли либо унифицированных платформенных решений.

2. Соотношение смарт-контракта с фундаментальными началами гражданского права и традиционными гражданско-правовыми средствами. Проблема здесь увязана с первоначальной инновационно-технологической сущностью указанного явления, зародившегося в русле цифрового пространства. В этой связи некоторые зарубежные исследователи, видимо слишком буквально воспринявшие тезис Лоуренса Лейсига, что «код это закон»¹⁹⁵, пытаются

¹⁹³ Click-wrap соглашение инициируется посредством проставления в специальном поле положительной знаковой отметки, подтверждающей согласие с условиями соответствующего договора. В отличие от этого акцепт в browse-wrap соглашении признается путем выполнения необходимых действий (скроллинга сайта, продолжения пользования им и т.д.). См., подробнее: Воронцов М. И., Горчакова А. П. Указ. соч.

¹⁹⁴ Зайнутдинова Е. В. Указ. соч. С. 156-157.

¹⁹⁵ Lessig L. Code and Other Laws of Cyberspace. P. 6.

обосновать технологический сепаратизм смарт-контрактов применительно к правопорядку в целом. Так, по мнению иностранных правоведов А. Райта и П. Де Филиппи, смарт-контракты могут переписывать или обходить некоторые из самых основных правовых принципов, фактически подчиня императивные имущественные или даже конституционные права смарт-договору¹⁹⁶.

Принципиально не соглашаясь с такой позицией, важно исключить гипертрофированную роль программного кода в регулировании правоотношений участников гражданского оборота. Код выступает только средством выражения субъективных прав и юридических обязанностей и не может нести нагрузку полноценного социального регулятора. Как следствие, смарт-контракты нуждаются в правовой системе в качестве нормативной точки отсчета, поскольку именно закон легализует их применение. Недаром, даже упомянутый Л. Лейсиг впоследствии признавал, что код является простым организатором киберпространства, поставщиком математических правил и рабочим языком, иная индульгенция смарт-контракту является опасной тенденцией¹⁹⁷.

Безусловно, смарт-контракт, выступая результатом взаимного сочетания права и технологий, имеет гражданско-правовую специфику в рамках позитивного правоприменения. Предположим ситуацию нарушения баланса интересов сторон вследствие реализации смарт-контракта, причинами которого может быть множество обстоятельств: программирование несправедливых контрактных условий, умышленное введение контрагента в заблуждение, технические ошибки при написании кода, обусловленные человеческим фактором и др. Идеальным выходом из такой ситуации будет являться достижение социально-экономической справедливости информационно-программными алгоритмами.

Для примера, многие исследователи смарт-контракта настаивают на механизме обратной транзакции в качестве передового способа восстановления

¹⁹⁶ Wright A., De Filippi P. Decentralized Blockchain Technology and the Rise of Lex Cryptographia [Электронный ресурс] // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2580664 (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁹⁷ Lessig L. Code is Law: On Liberty in Cyberspace [Электронный ресурс] // Harvard Magazine. URL: <https://harvardmagazine.com/2000/01/code-is-law-html> (дата обращения: 10.09.2024).

нарушенных субъективных прав¹⁹⁸. В результате указанной операции происходит частичная или полная реконструкция положения участников правоотношения. Поэтому можно заметить, что с позиции права реверсивная транзакция выступает ничем иным, как технологической реституцией или цифровым средством применения последствий недействительности соответствующей сделки. В теории – выглядит оптимистично, но что же происходит на практике?

Дело в том, что полноценная обратная транзакция в рамках исполненного смарт-контракта, в основном может быть характерна только для централизованной информационной системы, где оператор или иное уполномоченное лицо может по инициативе сторон либо по судебному решению произвести возврат договорного исполнения. В инфраструктуре блокчейна, преимущественно выступающей основой для развертывания смарт-контрактов, такое технически и идеологически не приветствуется, а порой и вовсе невозможно¹⁹⁹. По общему разумению, блокчейн представляет собой публичный реестр, построенный на математических правилах взаимного консенсуса и не допускающей изменение его записей²⁰⁰. Это значит, что единственный способ вернуть стороны в первоначальное положение – заключить новый смарт-контракт, что может быть нежеланно для лица, необоснованно получившего дополнительное предоставление. При таком подходе оставление участников гражданского оборота «один на один» с правилами информационной системы не позволит в должной мере защитить их права и законные интересы. Так, в результате программных уязвимостей и отсутствия механизмов технологического восстановления нарушенного имущественного

¹⁹⁸ См., например: Сомова Е. В. Смарт-контракт в договорном праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 2. С. 79–86; Зуйкова, М. С. Смарт-контракт как актуальная проблема гражданского права [Электронный ресурс] // URL: https://zakon.ru/blog/2022/11/24/smart_kontrakty_kak_aktualnaya_problema_grazhdanskogo_prava (дата обращения: 10.09.2024); Зайнутдинова Е. В. Указ. соч. С. 58.

¹⁹⁹ Несомненно, существуют частные или консорциумные децентрализованные реестры данных, изменение которых не представляет особого труда в связи с небольшим количеством участников. Вместе с тем, объем их использования для развертывания сторонних смарт-контрактов незначителен по сравнению с инфраструктурой их публичных аналогов.

²⁰⁰ Nzuva S. Smart Contracts Implementation, Applications, Benefits, and Limitations [Электронный ресурс] // Journal of Information Engineering and Applications. URL: https://www.researchgate.net/publication/336369143_Smart_Contracts_Implementation_Applications_Benefits_and_Limitations (дата обращения: 12.09.2024).

статуса пользователя криптокошелька «Parity» лишились возможности получить свои цифровые активы на сумму более 30 млн. долларов США²⁰¹.

В этой связи необходимо особо подчеркнуть, что решению практических проблем использования смарт-контрактов должно служить разумное сочетание как необходимых технических приемов, так и соответствующих законодательных положений²⁰². Поэтому в случае технологической невозможности обеспечить возврат имущественного предоставления в натуре, следует применять компенсационную реституцию, суть которой заключается в возмещении стороне рыночного денежного эквивалента утраченного предоставления²⁰³.

Еще одним пригодным для юридической имплементации способом защиты нарушенного права видится кондикция. Сочетание принятых в доктрине признаков неосновательного обогащения, в числе которых: наличие самого материального обогащения за счет другого лица и отсутствие правового основания для этого²⁰⁴, вполне позволяет праву адекватно реагировать на необоснованное перемещение материальных ценностей в цифровом пространстве. Более того, как отмечено М. В. Телюкиной, квалификация обогащения как неосновательного имеет универсальный характер и не ставится в зависимость от того, в результате каких событий либо действий оно стало возможным, а также от статуса субъекта действий (приобретатель имущества, сам потерпевший либо третье лицо) или правомерности его поведения²⁰⁵. Вследствие этого кондикционные требования вполне приспособлены для восполнения дисбаланса имущественных возможностей субъектов смарт-контракта, сложившегося по независящим от их действий экстраординарным обстоятельствам технического свойства (ошибки в программировании, алгоритмические сбои реализации системы и др.).

Не исключена ситуация восстановления корректирующей справедливости посредством инициации деликтного обязательства, имеющего с кондикцией

²⁰¹ Кriptoограбление года: взлом кошелька Parity [Электронный ресурс] // URL: <https://www.if24.ru/kriptoograbenie-goda-parity/?ysclid=m0wfmtvef8402842736> (дата обращения: 10.09.2024).

²⁰² Ефимова Л. Г., Михеева И. В., Чуб Д. В. Указ. соч. С. 97.

²⁰³ Жуков Е. Н., Киреева Е. В. Некоторые проблемы применения реституции // Право и практика. 2018. № 3. С. 153.

²⁰⁴ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 619-620.

²⁰⁵ Телюкина М. В. Кондикционные обязательства (теория и практика неосновательного обогащения) // Законодательство. 2002. № 3. С.10.

единую идеологическую основу для придания status quo²⁰⁶, а также взыскания убытков, как иногда упоминается в научной литературе²⁰⁷. Вместе с тем, как справедливо замечено Х. Коциолем, требования из неосновательного обогащения подвержены менее жестким рамкам и более универсальны для использования – не требуется доказательств наличия вины либо противоправности деяний, как в случае с деликтным требованием.²⁰⁸ Правовая категория убытков также не отличается простотой доказывания, образуя сложный фактический состав в виде установления обстоятельств и характера наступления вреда, вины его причинителя, противоправности поведения, наличия причинно-следственной связи между действиями причинителя вреда и наступившими неблагоприятными для истца последствиями, а также размера ущерба²⁰⁹.

Тем не менее, в прикладной плоскости то же взыскание убытков может быть востребовано в отношении посредника, выполняющего функции внешнего доверенного источника, и предоставившего сторонам смарт-контракта недостоверные сведения, на основании которых произошло некорректное исполнение. Либо применительно к программисту, ответственному по взаимной воле сторон за написание программного кода и его развертывание в информационной системе, и допустившему техническую оплошность, ставшую причиной незапланированного правового эффекта по сделке.

Не лишним будет, вопреки расхожему мнению о невозможности ненадлежащего исполнения смарт-контракта²¹⁰, отметить перспективу цифрового структурирования неустойки либо иных мер гражданско-правовой ответственности. Так, вполне гипотетически допустимо программирование возможности перечисления от имени нарушившей стороны пени, расчет которой будет автоматизирован на базе действующей ключевой ставки Банка России в

²⁰⁶ Мураев Н. В. Субсидиарность иска из неосновательного обогащения // Вестник гражданского права. 2024. Т. 24. № 1. С. 113-114.

²⁰⁷ Концепция правового регулирования отношений, осложненных использованием смарт-контрактов. С. 112.

²⁰⁸ Koziol H. Basic Questions of Tort Law From a Germanic Perspective. Wien : Jan Sramek Verlag, 2012. P. 39.

²⁰⁹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 12.10.2015 № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части 1 статьи 150 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.А. Татарникова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 19.10.2015. № 42. Ст. 5857.

²¹⁰ См., подробнее: Künnapas K. From Bitcoin to Smart Contracts: Legal Revolution or Evolution from the Perspective of de lege ferenda? // The Future of Law and eTechnologies. Bern: Springer International, 2016. P. 126.

случае, если, например, зафиксирована просрочка исполнения обязательственных действий, реализация которых протекает в реальной действительности.

Таким образом, позитивное гражданское право, пронизанное фундаментальными принципами, юридическими нормами и правовыми средствами для регулирования товарно-денежного оборота, играет роль материнского базиса для любых правоотношений в цифровой среде, в том числе опосредованных смарт-контрактами.

Изложенный вывод означает субординирующее подчинение всех технологических процессов, оказывающих влияние на субъективные гражданские права и юридические обязанности, действующему правопорядку в системном применении его ключевых элементов, но, как показано, с учетом присущей цифровому миру специфики. Право - первично и должно окутывать все формы социального взаимодействия независимо от специфики его реализации.

К слову, указанное зависимое соотношение технологий и права в той или иной степени находит поддержку у большинства российских и отдельных зарубежных ученых²¹¹, что символизирует торжество нормативистского подхода к правопониманию в вопросах осмысления цифровых договорных сущностей.

В то же время для сбалансированной адаптации правовых механизмов к последствиям смарт-контрактов, а также недопустимости увязания новых электронных формаций правоотношений в классических нормативных рамках необходимо установление принципа правоприменения к договорной связи субъектов гражданского оборота, осложненной смарт-контрактом. В контексте обоснованной диалектической взаимосвязи технологий и права при доминанте последнего таковым может являться принцип регуляторного дуализма.

Методологическая суть его заключается в последовательном применении сначала информационно-технологических инструментов воздействия

²¹¹ См., например: Heckelmann M. Zulässigkeit und Handhabung von Smart Contracts // Neue Juristische Wochenschrift. 2018. Vol.71. № 8. P. 507; Buchleitner C., Rabl T. Blockchain und Smart Contracts. Revolution oder alter Wein im digitalen Schlauch? // Ecollex. 2017. № 1. P. 10; Богданов Д. Е. Указ. соч. С. 36; Богданова Е. Е. Указ. соч. С. 108; Концепция правового регулирования отношений, осложненных использованием смарт-контрактов. С. 86; Цепов Г. В., Иванов Н. В. Указ. соч.; Одинцов С. В., Наклескина Е. А. Указ. соч. С. 59; Зайнутдинова Е. В. Указ. соч. С. 169.

(реверсивные транзакции, модификация учетных блоков, хардфорк и др.), а в случае, если они не смогут обеспечить подлинную защиту прав или восстановление справедливости, - привычных правовых средств. Так, неудавшуюся реверсивную операцию, нацеленную вернуть стороны в первоначальное имущественное положение, должна, к примеру, сменить компенсационная реституция, а неустранимая программная ошибка, повлекшая материальный дисбаланс сторон, должна быть исправлена удовлетворением кондикционных притязаний.

Ярким примером реализации данного принципа в рамках функционирования смарт-контрактов может являться поэтапное применение различных способов разрешения споров. Пока одни исследователи полагают, что судебное правоприменение может быть полностью заменено технологией блокчейн²¹², другие - абсолютно справедливо отдают приоритет сочетанию блокчейн-арбитража и судебного разбирательства, особенно когда речь идет о сложных сценариях смарт-контрактования²¹³.

В данной ситуации блокчейн-арбитраж должен выступать приоритетным способом исчерпания правового конфликта между сторонами смарт-контракта. Предлагая полнофункциональную модель интерактивного разрешения спора, арбитражные блокчейн - платформы способны не просто объявить правого и виноватого, но и технически привести в исполнение цифровое решение, совмещая в себе функции суда и органов принудительного исполнения.

В частности, арбитражная площадка «CodeLegit» предлагает участникам смарт-контракта услуги по арбитражному разбирательству договорных споров, возникших в связи с его заключением, исполнением или прекращением. Для этого по желанию сторон обеспечивается синхронизация смарт-контракта с библиотекой арбитража, функционал которой позволяет без участия сторон приостанавливать, возобновлять, изменять или завершать смарт-контракты. Само разбирательство

²¹² Cutts T. Smart Contracts and Consumers // West Virginia Law Review. 2019. Vol. 122. № 2. P. 392.

²¹³ Wang J., Chen L. Regulating Smart Contracts and Online Platforms A Chinese Perspective // The Cambridge Handbook of Smart Contracts, Blockchain Technology and Digital Platforms. 2019. P. 197-198.

инициируется по требованию одного из участников цифровой сделки и проводится по правилам арбитража, основанным на руководящих документах ЮНСИТРАЛ²¹⁴.

Еще одной системой, сочетающей арбитражное и судебное разбирательство, является децентрализованный арбитражный сервис «Kleros», принцип работы которого построен на теории игр Томаса Шеллинга. Благодаря возможности интеграции с развернутым в сети смарт-контрактом, удастся по решению арбитров, например, активировать опцию о возврате денежных средств покупателю, продлить срок поставки товара либо запустить финансовую транзакцию в интересах любой из сторон²¹⁵. И если для достижения паритета имущественных интересов сторон этого будет недостаточно, в дело должны вступить традиционные судебные инстанции.

Учитывая изложенное, принцип регуляторного дуализма позволяет гармонизировать смарт-контракт с классической системой гражданско-правового регулирования, обеспечив взаимный синтез традиций и инноваций на пути новых форм договорного взаимодействия сторон.

При этом объективная и субъективная возможность применения смарт-контракта и особенности реализации обязательственных действий в цифровом пространстве, как показано, основываются на взаимосвязанных принципах транзакционной перспективы и семантической однозначности.

²¹⁴ CodeLegit Conducts First Blockchain-based Smart Contract Arbitration Proceeding [Электронный ресурс] // URL: <https://datarella.com/codelegit-conducts-first-blockchain-based-smart-contract-arbitration-proceeding> (дата обращения: 11.09.2024).

²¹⁵ Засемкова О. Ф. Указ. соч. С. 163.

ГЛАВА 2. ЦИФРОВАЯ ОБЪЕКТИВИЗАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ СМАРТ-КОНТРАКТА

§ 2.1. Модели объективизации результатов интеллектуальной деятельности и исключительных прав на них в цифровой среде

Обозначенными ранее объективными пределами использования смарт-контракта, основанными на принципе транзакционной перспективы, продиктовано его использование главным образом для цифровой реализации оборота нематериальных (не имеющих вещественной формы) объектов, основная роль среди которых безусловно отводится исключительным правам. Как подчеркивалось на самом высоком уровне, в нынешнее время ключевое значение для рынка инноваций должны иметь перспективные наукоемкие инициативы, а также результаты интеллектуального творческого потенциала, которые необходимо должным образом реализовать и коммерциализировать²¹⁶.

И, действительно, в научно-публицистических исследованиях смарт-контракт зачастую справедливо позиционируется как оптимальный инструмент именно для управления и распоряжения исключительными правами²¹⁷. Очевидно, что дематериализованные свойства интеллектуальных ценностей, как нельзя лучше, подходят для цифрового конструирования предмета смарт-сделки и достижения перехода прав на них в порядке автоматизированного распоряжения в информационной системе.

Вместе с тем, цифровая объективизация или вовлечение результатов интеллектуального капитала в обязательственно-цифровой контур в современном

²¹⁶ ПМЭФ-2024: Президент о значимости интеллектуальной собственности для развития страны [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности // URL: <https://rospatent.gov.ru/index.php/ru/news/pmehf--2024> (дата обращения: 19.03.2025).

²¹⁷ См., например: Duan Z., Feng W., Zhong W., Huang M., Feng S. Form Specification of Smart Contract for Intellectual Property Transaction Based on Blockchain // Wireless Communications and Mobile Computing. 2022. P. 1-9; Harrak M. E. Smart Contracts and Intellectual Property: Revolutionizing Management and Enforcement of patents, Copyrights and Trademarks in the Digital Age // Revue libre de Droit. 2021. P. 107-111; Magnanini F., Ferretti L., Colajanni M. Efficient License Management Based on Smart Contracts Between Software Vendors and Service Providers [Электронный ресурс] // URL: www.researchgate.net/publication/338077339.

мире является технически заурядной, но в связи с расширением границ использования и распоряжения объектами научно-творческих усилий в цифровой среде - юридически непростой задачей, требующей теоретического размышления.

Дело в том, что, во-первых, категория исключительных прав, несмотря на свою многовековую историю, порой получает неоднородное содержательное наполнение не только на уровне доктрины, но и правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации. В частности, речь идет о дискуссии об отнесении хранения произведения в цифровой форме к способам его использования, установленным ст. 1270 ГК РФ²¹⁸.

Во-вторых, начиная с 2017 года под влиянием развития технологий, в повестке реальной жизни появляются новые формы искусства – результаты цифрового творчества, приземленные на технологическую почву блокчейна.

Широкое распространение указанный феномен получил в 2021 году после всемирной пандемии коронавируса, выступившей драйвером роста ликвидности криптовалютных активов и в целом рынка децентрализованных финансов.²¹⁹ Инкапсуляция имущественных объектов и их стоимости в электронные расчетные единицы (токены) получила название токенизация, а сам процесс электронного транзита оцифрованной стоимости имущества, по мнению зарубежных исследователей, создал предпосылки для зарождения нового типа экономического уклада – токеномики²²⁰.

Как следствие, даже достаточно консервативные субъекты гражданских правоотношений начинают вовлекать в имущественный оборот различные произведения цифрового искусства. Достаточно вспомнить музей Государственный Эрмитаж, монетизировавший в 2021 году цифровые репродукции картин из собственной коллекции на сумму свыше 32 млн. рублей²²¹.

²¹⁸ Чурилов А. Ю. Фиксация и оборот исключительных прав на объекты авторского права с помощью смарт-контрактов: миф или реальность? // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 3. С. 93.

²¹⁹ Corbet S., Hou G., Hu Y. et al. Cryptocurrency liquidity and volatility interrelationships during the COVID-19 pandemic// *Financ. Res. Lett.* 2022. Vol. 45. № 102137. P. 9.

²²⁰ Freni P., Ferro E., Moncada R. Freni P. Tokenomics and blockchain tokens: A design-oriented morphological framework // *Blockchain Res. Appl.* 2022. Vol. 3. № 100069. P. 2.

²²¹ Эрмитаж продал NFT-токены картин из своей коллекции на 32 млн. рублей [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/61376bd99a7947185cd5d967?ysclid> (дата обращения: 20.03.2025).

В то же время, отдавая памятную дань словам И. А. Покровского о прямой зависимости содержания субъективного права от увеличения человеческих интересов²²², важно понимать, действительно ли перемещение нематериальных объектов в цифровую плоскость меняет их правовую природу и обуславливает новое содержание интеллектуальных прав. Либо цифровой формат представляет собой только новую проекцию для распространения традиционных результатов интеллектуальной деятельности, не связанную с необходимостью разработки иного правового режима для новых виртуальных категорий. Представляется, что истина в этом вопросе, повествуя словами Рене Декарта, находится посередине.

Итак, первый сценарий, который напрашивается использовать для цифровой объективизации исключительных прав, связан с категорией цифровых прав, появление которой встретило множество обоснованной критики среди представителей научного сообщества²²³. Безусловно, имеются и альтернативные взгляды, поддерживающие по этому вопросу законодателя и предлагающие не останавливаться на цифровых правах и позитивно продвинуться в определении категории «цифровая система», «цифровой документ», «цифровой продукт»²²⁴.

Однако, исходя из структурного и содержательного анализа нового объекта регулирования, верной представляется устоявшаяся в доктрине точка зрения о надстроечном характере цифровых прав по отношению к традиционным субъективным правам (обязательственным и иным имущественным)²²⁵, что может выражаться в их соотношении как формы (цифровые права) и содержания (имущественные субъективные права). Тем не менее, невзирая на их неоднозначный статус, они находят различные сферы прикладного применения.

Так, в 2024 году Центральный Банк России опубликовал аналитический доклад, посвященный опыту регулирования токенизации активов реального мира.

²²² Покровский И. А. Указ. соч. С. 134.

²²³ Архипов И. В. Цифровые эквиваленты имущества в функциональной теории права // Юридическая наука. 2021. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-ekvivalenty-imuschestva-v-funktsionalnoy-teorii-prava> (дата обращения: 22.03.2025).

²²⁴ Нестеров А. В. О цифровых правах и объектах цифровых прав // Право и цифровая экономика. 2020. № 1(07). С. 16.

²²⁵ Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе "цифрового имущества" [Электронный ресурс] // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21. № 6 // СПС «КонсультантПлюс».

В рамках проведенного исследования регулятором демонстрируется возможность перевода в цифровую плоскость как стандартизованных, так и уникальных активов реальной действительности, среди которых:

- драгоценные металлы (в 2024 году ПАО «ГМК «Норникель» выпустило токен на корзину металлов (золото, палладий, медь и никель), а ПАО АК «Алроса» токенизировала редкий желтый бриллиант огранки «Кушон» весом 11,49 карата);
- сельскохозяйственные культуры (в рамках пилотного проекта компании Santander и криптоплатформы Agrotoken выпущены токены на сою и пшеницу);
- углеродные единицы – компания «Сибур» совершила сделку по продаже единиц сокращений выбросов парниковых газов с использованием токенов;
- вино – винодельня «Николаев и сыновья» предложила владельцам токена право на получение реальной бутылки коллекционного вина;
- недвижимости, автомобилей и даже бонусов и услуг²²⁶.

Между тем, при внешней универсализации вида базовых активов, способных к преобразованию в цифровые экономические сущности, применительно к российскому правопорядку речь может идти только об ограниченном в силу формулировки пункта 1 статьи 141.1 ГК РФ типе применяемых цифровых прав, объявленных таковыми федеральным законом.

Поэтому, представляется, что цифровые финансовые активы, законодательно определённые только в виде денежных требований или требований эмитенту по передаче ценных бумаг, а также прав по ним, включая участие в капитале непубличного акционерного общества²²⁷ не могут использоваться для цифровой объективизации исключительного права.

Безусловно, на примере вышеприведенных случаев, практика делового оборота может пойти по пути создания удостоверенных токеном цифровых денежных требований, размер которых будет привязан к рыночной стоимости

²²⁶ Аналитический доклад «Токенизация активов реального мира: экономическая природа и опыт регулирования» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/170116/analytical_report_22112024.pdf (дата обращения: 22.03.2025).

²²⁷ См.: О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ: ред. от 08.08.2024 // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.08.2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

конкретного результата интеллектуальной деятельности в виде произведения искусства, литературы, музыкального творчества или даже изобретения. Однако, такой пример более походит на гипотетическую крайность, нежели на конкретную потребность участников гражданского оборота. А самое главное, что посредством указанных правоотношений не возможно добиться цифровизации исключительного права и его трансляции в пользу нового правообладателя.

Следующая группа цифровых прав, легализованных федеральным законодателем, представлена утилитарными цифровыми правами, которые в экономической сущности своей представляют финансовые инструменты, опосредующие встречный имущественный эквивалент инвестиционных вложений.

Являясь компромиссным ответом на вызовы рынка по привлечению инвестиций²²⁸ с помощью интерактивных инвестиционных платформ²²⁹, утилитарные цифровые права оказались полностью заключены в цифровой контур – весь жизненный цикл, начиная от выпуска и первичного приобретения цифровой ценности и заканчивая ее погашением, осуществляется по установленным оператором правилам. Вместе с тем, ядром таких цифровых прав являются классические обязательственные права, имеющие относительную природу и имущественное содержание: право требовать передачи вещи, право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и прав их использования; право требовать выполнения работ или оказания услуг²³⁰.

Как следствие, попытки соотнести утилитарные цифровые права с исключительными заранее лишены методологического смысла, поскольку в основе их лежат разные гражданско-правовые режимы. А именно, утилитарные цифровые права предназначены только для фиксации прав требования на получение абсолютного права в отношении нематериальных активов либо на сам

²²⁸ Акинфиева В. В. Утилитарные цифровые права в современных условиях трансформации экономики // Пермский юридический альманах. 2020. № 3. С. 402.

²²⁹ Широкое распространение процесс привлечения инвестиций с помощью специализированных электронных платформ получил название «краундфандинг» (от англ. crowdfunding – коллективное финансирование), как разновидность «краудсорсинга», предполагающего коллективное участие в реализации задач.

²³⁰ О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02 августа 2019 г. № 259-ФЗ: ред. от 08.08.2024 // СПС «КонсультантПлюс».

нематериальный актив²³¹. В связи с этим оцифровка исключительных прав на интеллектуальную собственность с использованием модели утилитарного цифрового права, имеющего строго обязательственно-правовую природу, также не допускается.

В то же время неподдельный теоретический интерес для познания сущности указанного явления представляет возможность добиться на таких специализированных инвестиционных платформах перехода интеллектуального имущественного права от эмитента к инвестору в рамках смарт-контрактов, заключаемых при содействии оператора и исполняемых по заранее заданным алгоритмам. Ведь по логике законодателя, прослеживаемой исходя из буквального прочтения п. 7 ст. 8 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ, осуществление правомочий инвестора по заявлению требования о передаче исключительных прав и корреспондирующая этому обязанность эмитента совершить распорядительные действия должны обеспечиваться в самой информационной системе по установленным для нее правилам. Для этого законодатель даже вводит новый подвид договора инвестирования – договор о приобретении утилитарных цифровых прав (п. 2 ст. 13 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ).

На первый взгляд, такая структура взаимодействия кажется весьма логичной и последовательной, если только не развивать дальнейшую мысль о том, что же представляет собой встречное предоставление на требование о передаче исключительного права либо права пользования творческим результатом непосредственно на инвестиционной площадке. Поэтому подобный механизм может иметь реализационные перспективы, если будет решена стартовая задача – обеспечить цифровизацию исключительного права на результаты творчества.

Банк России в упомянутом докладе совершенно несправедливо констатировал невозможность токенизации исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности²³². Тогда, ложно следуя этому выводу, не очень

²³¹ Полежаев О. А. NFT-активы в системе объектов гражданских прав: проблемы юридической квалификации отношений [Электронный ресурс] // Закон. 2023. № 9 // СПС «КонсультантПлюс».

²³² Аналитический доклад «Токенизация активов реального мира: экономическая природа и опыт регулирования» (дата обращения: 22.03.2025).

понятно, каким образом инвестиционная система сможет обеспечить реализацию ответных действий эмитента на требование инвестора о передаче исключительных правомочий в рамках осуществления приобретенного утилитарного цифрового права. Быть может, имелся в виду ранее синтезированный нами вывод о невозможности выпуска утилитарного цифрового права, базовым содержанием которого является само интеллектуальное право - при верности этой гипотезы формулировка регулятора в официальном документе должна быть уточнена.

Итак, как ранее подчеркивалось, использование смарт-контракта для цифрового автоматизированного оборота исключительных прав возможно, если объект распоряжения будет полностью репродуцирован или удостоверен в информационной системе. Технически такое удостоверение выражается в его учетной привязке к информационно-программной среде путем присвоения идентификационной записи. Единицей учета является токен²³³ – термин, не получивший законодательной регламентации в России и существующий только в современных научных трудах. Хотя законодателем и предпринималась попытка ввести в гражданский оборот данный термин в качестве вида цифрового актива²³⁴, однако, к счастью, соответствующая дефиниция не получила статус нормы права.

И правда, какой доктринальный или правоприменительный вопрос решает отнесение токена к активам, имеющим сугубо экономический контекст? Безусловно, с экономической точки зрения процесс токенизации может рассматриваться как перспективный инструмент привлечения финансирования и управления ликвидностью активов. Однако в правовом смысле ценность токена заключена в самом объекте гражданских прав, который он удостоверяет.

В научных исследованиях выделяются несколько подходов к токенизации интеллектуальной собственности.

²³³ Впервые токены упоминались в качестве мелкой разменной монеты, которые печатали английские промышленники в XVI веке из меди и латуни для поддержания локальной торговли - английское правительство практически не чеканило мелких монет (издержки на производство превышали номинал монеты). См., подробнее, Wells W. C. Seventeenth-century tokens of Northamptonshire [Электронный ресурс] // URL: https://www.britnumsoc.org/publications/Digital%20BNJ/pdfs/1909_BNJ_6_15.pdf (дата обращения: 20.03.2025).

²³⁴ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Законопроект № 419059-7 (дата обращения: 20.03.2025).

Одни авторы полагают, что токен является подтверждением самого материального или цифрового объекта²³⁵. В контексте интеллектуальных прав речь идет об известных континентальному правопорядку результатах научно-творческих усилий, выраженных в объективной форме (вещи, материальные или цифровые носители и др.). Традиционно для нынешнего периода в качестве таковых упоминаются предметы коллекционирования, произведения искусства, оцифрованные персонажи и артефакты из мира спорта и компьютерных игр²³⁶.

Одновременно с этим, интересную, но порой не самую последовательную позицию занимают зарубежные аукционные дома при декларировании правовой природы реализуемых ими цифровых ценностей. Так, в проектах транзакционной документации аукционной компании Christie's предлагалось признать покупателю, что покупка токена не дает ему никаких прав (кроме прав на сам токен) в связи с неопределенностью его характеристик. Хотя в самом определении токена содержалось указание о переходе права собственности на лот, являющийся объектом цифрового искусства, в случае реализации токена в пользу покупателя²³⁷.

Или, например, в условиях продажи аукционного дома Philipps отрицалась принадлежность токена к результатам интеллектуальной деятельности. Более того, предлагалось считать, что продажа токена не является сделкой ни по реализации файла картины, ни по предоставлению исключительных прав на нее²³⁸.

Вторая группа авторов, коих в отечественной науке большинство, предпочитает полагать, что токен является техническим средством удостоверения исключительных прав, выступающих объектом гражданского оборота²³⁹. Однако, при верности данной позиции нельзя не замечать, что современная практика гражданского оборота наполняется множеством случаев отчуждения самих цифровых произведений, а не исключительных или лицензионных прав на них.

²³⁵ См., например: Емельянов Д. С., Емельянов И. С. Невзаимозаменяемые токены (NFT) как самостоятельный объект правового регулирования // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 10 (241). С. 72.

²³⁶ Dowling M. Is non-fungible token pricing driven by cryptocurrencies? // Finance Research Letters. 2021. № 44. P. 2.

²³⁷ Чурилов А. Ю. Правовое регулирование оборота невзаимозаменяемых токенов: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Хозяйство и право. 2022. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

²³⁸ Там же.

²³⁹ См., например: Гонгало Б. М., Новосёлова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права? // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 184. Полежаев О. А. Указ. соч.

Все началось с того, что в начале 2021 года американская блокчейн-компания Injective Protocol, выкупив авторизованную копию работы известного уличного художника Бэнкси под названием «Morons (White)», создала ее цифровой образ, удостоверяемый невзаимозаменяемым токеном. При этом оригинальный предмет искусства был намеренно уничтожен огнем в виде творческого акта. В дальнейшем новое цифровое произведение, «окрашенное» токеном, выставлено на аукцион для его последующей реализации с помощью смарт-контракта²⁴⁰. При этом интеллектуальное имущественное право на оригинальный арт-объект осталось в статике, не следуя за токенизируемым виртуальным объектом.

Какая же теоретическая установка должна быть принята за основу? Забегая несколько вперед, следует отметить, что оба подхода не являются взаимоисключающими и при определенных случаях участники смарт-контракта могут даже конструировать один комплексный объект цифрового распоряжения, представленный виртуальной репродукцией как самой ценности, так и прав на нее.

В первую очередь, осознавая важность отмеченного Д. И. Мейером исторического и догматического элемента науки гражданского права²⁴¹, не лишним будет вспомнить, что изначально авторское право в его современном понимании не существовало. Даже прогрессивный римский жизненный уклад, наполненный множеством произведений духовного творчества, отрицал его существование, связывая литературные мысли с правом собственности на каждый отдельный экземпляр или манускрипт как на телесные вещи (*res corporales*)²⁴².

Аналогичным образом и в период раннего Средневековья, как точно подмечает профессор А. Л. Маковский, гражданский оборот предметов прикладного искусства основывался на вещно-правовом режиме – картины

²⁴⁰ В США сожгли картину Бэнкси и превратили ее в «виртуальный актив» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/business/04/03/2021/6040d9459a79472ec22a722e> (дата обращения: 28.03.2025).

²⁴¹ Мейер Д. И. Указ. соч. С. 55-56.

²⁴² Канторович Я. А. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения: Сист. коммент. к закону 20 марта 1911 г. - с ист. очерком и объясн., осн. на законодат. мотивах, лит. источниках, иностр. законодательствах и судеб. практике. 2-е изд., знач. доп. Петроград : тип. АО б. "Брокгауз-Ефрон", 1916. С. 5.

«покупались во плоти холста и масла», что свидетельствовало о неотделимости права на их идеальное содержание (права из вещи) от самих прав на вещь²⁴³.

Развитие типографского искусства, позволившего любому лицу создавать дополнительные экземпляры чужих оригинальных трудов, поставило под сомнение возможность самостоятельной защиты прав авторов и издателей. Ситуативным выходом стало их заступничество со стороны правительственной власти в виде предоставления им привилегий путем «дарования исключительного права на печатание издания указанному издателю и запрещение всем другим его перепечатывать»²⁴⁴. Система сепаратных привилегий составила основу для правовой охраны и прав изобретателей: например, Венецианская республика становится первым местом выдачи привилегий на использование новых машин²⁴⁵.

Таким образом, под влиянием технического прогресса появившиеся новые продукты (экземпляры произведений литературы, промышленные чертежи) заключали в себе имущественную ценность как вещи, а также представляли собой экономический источник обогащения вследствие дальнейшего тиражирования выраженных в них идей, образов, принципов. Даже, невзирая на доминирующую длительное время проприетарную модель интеллектуальной собственности, представляющую собой по верному наблюдению Е.А. Флейшиц только метафорическое декорирование новых прав престижем собственности²⁴⁶, очевидным стала недопустимость отождествления исключительных прав с вещными объектами выражения результатов научно-творческих усилий.

Почему указанная дифференциация важна в контексте токенизации интеллектуальной собственности? Дело в том, что первоначально токены выпускались в отсутствие какого-либо юридического наполнения и, соответственно, не фиксировали правовую связь между базовым активом и цифровым его воплощением. В дальнейшем они стали способом цифровой

²⁴³ Маковский А. Л. Исключительные права и концепция части четвертой Гражданского кодекса [Электронный ресурс] // Гражданское право современной России. 2008 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁴ Канторович Я. А. Указ. соч. С. 9-10.

²⁴⁵ Балашова А. И. Сроки в патентном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2024. С. 21.

²⁴⁶ Флейшиц Е. А. Избранные труды по гражданскому праву: сборник научных трудов в 2 т. Москва: Статут. 2015. Т. 1 С. 273.

репрезентации произведений искусства и иного творчества, однако открытым оставался вопрос об уникальности тех или иных оцифрованных базовых активов и юридической защищенности приобретателей удостоверяющих их токенов²⁴⁷.

Учитывая, что юридическая монополия на сам токен не свидетельствовала о наличии гражданских прав на базовый объект, к указанным отношениям сторон стали применяться положения законодательства об интеллектуальных правах.

При этом, важно осознавать, что для индивидуально-определенной идентификации исключительных прав подходят не все токены, а только способные формировать уникальный цифровой след в распределенной системе. В доктрине указанный вид токенов получил название невзаимозаменяемый (Non-fungible token или NF-токен)²⁴⁸. Самым общим образом уникальный токен может быть определен в виде цифровой учетной записи, содержащей определённую информацию. Рассмотрим основные признаки или характеристики NF-токена в контексте объектов интеллектуальных прав:

1. Уникальный характер цифровой записи - достигается реализацией хэш-функции, делающей возможным преобразование исходных данных в неповторимый набор символов в системе блокчейн либо иной информационной системе централизованного или децентрализованного свойства. В итоге - уникальный токен позволяет обеспечить целостность и неповторимость сведений о любых обстоятельствах и результатах научно-творческой деятельности.

В частно-правовом аспекте это означает, что уникальный токен вполне приспособлен для цифровой идентификации материальных (когда речь идет о вещных формах выражения интеллектуального продукта) и нематериальных объектов гражданских прав (результаты интеллектуальной деятельности и права на них). При этом, по верному суждению профессора Б.М. Гонгало, некоторые токены устанавливают права на внешние активы (например, движимые вещи), другие –

²⁴⁷ Полежаев О. А. Указ. соч.

²⁴⁸ В целях ухода от терминов, возникших вследствие дословного перевода английских слов, в рамках исследования будет использовать термин «уникальный токен».

фиксируют требования, реализация которых осуществляется в информационной системе (право на возврат криптовалюты)²⁴⁹.

2. Неизменность цифровых данных: идентификатор NF-токена в системе блокчейн, история транзакций и иные атрибуты, содержащиеся в метаданных токена, не могут быть изменены по усмотрению сторон без достижения консенсуса между всеми элементами и узлами информационной инфраструктуры. Метаданные как своего рода учетная карточка цифрового актива может быть представлена в самой информационной системе либо размещаться на внешних источниках.

3. Прозрачность жизненного цикла уникального токена. Заинтересованные пользователи по умолчанию в любой момент времени могут получить информацию о дате и времени возникновения цифровой ценности, ее правообладателе, а также о дальнейших обязательственных действиях в отношении цифрового актива.

4. Уникальный токен может служить способом фиксации имущественных прав. Это могут быть вещные, обязательственные, исключительные, лицензионные или иные правомочия, детализированные по правилам информационной системы. При этом не имеет значение их относительный или абсолютный характер²⁵⁰. Токен символизирует цифровое их выражение путем комбинации цифровых данных в учетных регистрах или, иными словами, представляет собой цифровой сертификат на имущественный актив. Важно, что объектом смарт-контракта выступает само имущественное право²⁵¹, а не токен, выполняющий функциональную роль маркера передаваемой имущественной ценности. Безусловно, можно поучаствовать в дискуссии по поводу самостоятельности токена как непоименованного в статье 128 ГК РФ объекта гражданских прав. К слову, Л. А. Новосёлова в отличие от тех же бездокументарных ценных бумаг придает токenu статус индивидуально определённого блага²⁵². Вместе с тем, такая постановка вопроса полагается

²⁴⁹ Гонгало Б. М., Новосёлова Л. А. Указ. соч. С. 187.

²⁵⁰ Фёдоров Д. В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. 2018. Т. 18. № 2. С. 59.

²⁵¹ Василевская, Л.Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 115.

²⁵² Новосёлова Л. А., Полежаев О. А. Цифровые финансовые активы как объекты имущественных отношений: актуальные вопросы теории и практики // Власть Закона. 2021. № 2 (46). С. 85.

преждевременной до момента определения хотя бы в теории унифицированных подходов к понятию указанного явления, его признакам и правовому режиму.

Главное, не поддаваться теоретическому соблазну слишком линейно и беспочвенно использовать, выражаясь словами профессора международного права А. А. Пиленко, закон конструкционной экономии²⁵³ и безапелляционно причислять токен к любым известным правовым категориям в угоду современным тенденциям. Так, например, совершенно ошибочной представляется ставшая уже исторической законотворческая инициатива о расширении закрытого перечня охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности за счет включения в него нового объекта - невзаимозаменяемого токена уникального цифрового актива²⁵⁴. Очевидно, что токен, выступая электронно-цифровой записью, не содержит творческое начало и иные признаки традиционных охраноспособных объектов.

Синергетический синтез вышеперечисленных признаков уникального токена придает ему качество цифрового сертификата аутентичности, который, по аналогии с автографом автора на холсте²⁵⁵, позволяет убедиться в оригинальности объекта интеллектуальных прав и его принадлежности конкретному автору или правообладателю, пусть даже в презюмирующем контексте, если мы имеем дело с авторскими или смежными с ними творениями.

Итак, в правовом контексте уникальный токен представляет собой неповторимую и неизменяемую цифровую учетную запись в информационной системе, удостоверяющую принадлежность имущества определенному лицу либо содержащую иную юридически значимую информацию.

С определенной долей условности токен можно сравнить с ценной бумагой, которая по точному наблюдению классика дореволюционной цивилистики Г. Ф. Шершеневича «становится ценной не сама по себе, а потому, что выражает

²⁵³ Пиленко А. А. Право изобретателя. Москва : Статут, 2001. С. 590.

²⁵⁴ О внесении изменений в статью 1225 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (в части расширения перечня охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в виде невзаимозаменяемых токенов): Законопроект № 126586-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/126586-8> (дата обращения: 01.04.2025).

²⁵⁵ Щербак Н. В. Digital art в условиях электронной коммерции [Электронный ресурс] // ИС. Авторское право и смежные права. 2022. № 7 // СПС «КонсультантПлюс».

право на что-то, имеющее ценность»²⁵⁶. А перефразируя его дальнейшую мысль в разрезе исследуемого вопроса, можно констатировать, что если бы право могло быть осуществлено беспрепятственно без токена, то ему незачем было искать воплощения в токене²⁵⁷.

Таким образом, функционально уникальный токен завершает процесс формирования цифрового следа у имущественных активов в целях их вовлечения в объектный контур смарт-контракта, направленного на распоряжение исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности. Именно уникальный токен является обязательным элементом смарт-контракта, обеспечивающим его транзакционную перспективу.

В развитие данного тезиса попробуем сформировать матрицу возможных вариантов цифровой объективизации в сфере интеллектуальных прав.

Во-первых, стороны цифрового договорного правоотношения могут токенизировать права на материальные объекты, в которых выражены результаты интеллектуальной деятельности. Это могут быть рукописи художественных творений, нотные записи, экземпляры произведений живописи и скульптуры, программ для ЭВМ и баз данных, оптические носители звукозаписей, конструкторская и программная документация, опытные образцы и серийные прототипы технических устройств и т.д. Важно, что все указанные объекты представлены только в вещно-правовом исполнении, а их непосредственная цифровизация не осуществляется. Вместо этого в «цифру» репродуцируется имущественное право на эти объекты, объем и содержание которого зависит от усмотрения сторон.

В большинстве своем в таких случаях токен будет удостоверять только вещное право на материальный носитель или экземпляр воплощения результатов творческого труда автора без цифровой объективизации интеллектуальных прав. Исключением будут являться случаи, если частная автономия воли сторон свяжет токен с исключительным правом на соответствующее произведение или научно-

²⁵⁶ Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права (по изданию 1914 г.). Москва: Спарк, 1994. С. 173.

²⁵⁷ Там же.

техническое достижение. Либо если продавцом по смарт-контракту выступает собственник «окрашенного» токеном оригинала произведения, обладающий исключительным правом, но не являющийся его автором: продажа оригинального продукта творчества приравнивается к отчуждению исключительного права на него, разумеется, если иной подход диспозитивно не определен участниками правоотношения. Такая правовая судьба предусмотрена законом, например, для авторских прав коллекционеров оригинальных картин, скульптур, иных эксклюзивных объектов пространственного исполнения (ч. 1 ст. 1291 ГК РФ), а также для смежных прав публикаторов (ч. 1 ст. 1343 ГК РФ).

Вместе с тем, как ранее было обоснованно применительно к смарт-контракту, его основу должны составлять только такие обязательственные действия, исполнение которых полностью протекает в информационно-программной среде. В приведенном случае с токенизацией вещного права на материальный объект без перенесения самого объекта в цифровой вид достижение правового эффекта по сделке неминуемо будет связано с физическими действиями по передаче вещи, что исключает их полную автоматизацию за счет программных алгоритмов и, как следствие, влечет нарушение субъективной эквивалентности отношений.

Более того, в доктрине отмечается проблема подтверждения права инициатора выпуска и/или владельца уникального токена на соответствующую интеллектуальную ценность, обусловленная отсутствием ее цифровой фиксации (депонирования) в информационной системе²⁵⁸. Не исключены ситуации выпуска не обеспеченного легитимным содержанием токена и возникновение претензий со стороны реальных правообладателей интеллектуальной собственности.

В связи с этим практика делового оборота, основанная на современных трендах по конвертации музыкальных, графических и иных арт-объектов в цифровую форму²⁵⁹, стремится разорвать связь с миром реальной

²⁵⁸ См.: Чурилов А. Ю. Фиксация и оборот исключительных прав на объекты авторского права с помощью смарт-контрактов: миф или реальность? // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 3. С. 92.

²⁵⁹ Regner F., Schweizer A., Urbach N. NFTs in Practice – Non-Fungible Tokens as Core Component of a Blockchain-based Event Ticketing Application [Электронный ресурс] // URL: https://www.researchgate.net/publication/336057493_NFTs_in_Practice_-_Non-Fungible_Tokens_as_Core_Component_of_a_Blockchain_based_Event_Ticketing_Application.

действительности. Логичным разрешением данного вопроса является репрезентация физически существующих произведений в виртуальную форму. Ю. С. Харитоновна для этих целей вводит понятие «цифровой двойник», под которым понимается «цифровая копия физического объекта или процесса»²⁶⁰, а, скажем, В. Б. Нагродская оперирует термином «цифровой эталон», представляющий собой само спроецированное электронное произведение в виде файла определенного формата.²⁶¹

В целом, не усматривается противоречий для объявления указанных объектов цифровыми экземплярами соответствующих результатов интеллектуальной деятельности. Но, безусловно, в основном речь идет о тех творческих продуктах, для которых ключевое значение для установления режима правовой охраны имеет форма, а не существо результата. И с точки зрения транзакционной перспективы, конечно, целесообразней депонировать результаты интеллектуальной деятельности на самом блокчейне, в рамках которого планируется создание и реализация смарт-контракта, хотя технически возможно их хранение в любых электронных базах данных²⁶².

Вместе с тем, технологический прогресс, как известно, не стоит на месте, генерируя новые возможности для художественного самовыражения. И вот уже современный рынок цифрового искусства может похвастаться многомиллионными сделками по реализации творческих произведений в виде цифровых артефактов. К примеру, более 17 млн. долларов США выручено аукционным домом Sotheby's за продажу уникальных токенов графического наполнения цифрового художника Пака²⁶³. Или беспрецедентный по стоимости цифровой коллаж «Everydays: The First 5000 Days» художника Майка Винкельмана продан за баснословные 69,3 млн.

²⁶⁰ Харитоновна Ю. С. Токенизация искусства и право интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] // Юрист. 2021. № 9 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶¹ Нагродская В. К. вопросу о совместимости свободных (открытых) лицензий и возможности их использования в технологии Blockchain // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 11. С.51.

²⁶² Чурилов А. Ю. Фиксация и оборот исключительных прав на объекты авторского права с помощью смарт-контрактов: миф или реальность?

²⁶³ \$17 Million Realized in Sotheby's First NFT Sale with Digital Creator Pak [Электронный ресурс] // URL: <https://www.sothebys.com/en/articles/17-million-realized-in-sothebys-first-nft-sale-with-digital-creator-pak> (дата обращения: 07.05.2025).

долларов США²⁶⁴. Подобные акты манифеста искусства, свободного от физического носителя, указывают на предпосылки появления следующего варианта объективизации интеллектуальной собственности.

В частности, речь идет о результатах научной и творческой деятельности, представленных только в виде цифрового образца и, как правило, синтезированных с помощью специальных информационно-технологических средств выражения замысла или идей автора или изобретателя. Это могут быть цифровые графические, текстовые, музыкальные, аудиовизуальные произведения, программные продукты, интерактивные базы данных, фонограммы, текстуализация или визуализация формулы изобретения, полезной модели или форм-фактора промышленного образца.

В доктринальной среде отсутствует единство мнений по поводу правовой природы указанных объектов. Отдельные авторы обосновывают их вещно-правовой характер и требуют пополнения перечня объектов гражданских прав, предусмотренных ст. 128 ГК РФ²⁶⁵.

Другие – концентрируются на их интеллектуально-правовом наполнении. Так, исследователем А. В. Снопковой предлагается считать их сложными объектами, имеющими комплексную структуру, состоящую из разнородных результатов интеллектуального труда²⁶⁶. Правовед Е. С. Котенко уточняет данную квалификацию с использованием категории мультимедийного продукта, определяя его как «целостное художественное произведение, выраженное в цифровой форме и включающее в себя несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и взаимодействующее с пользователем с помощью компьютерных устройств»²⁶⁷.

²⁶⁴ Цифровой коллаж продали за фантастическую сумму в 69,3 миллиона долларов [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mk.ru/culture/2021/03/12/cifrovoy-kollazh-prodali-za-fantasticheskuyu-summu-v-693-millionov-dollarov.html> (дата обращения: 07.05.2025).

²⁶⁵ См.: Залюбовская А. Д. NFT: самостоятельный результат интеллектуальной деятельности или экономический суррогат творчества [Электронный ресурс] // Право и бизнес. 2023. № 2. // СПС «КонсультантПлюс»; Емельянов Д. С., Емельянов И. С. Указ. соч. С. 75.

²⁶⁶ Снопкова А. В. Проблемы правовой охраны объектов digital art // Право цифровой экономики. 2022. № 18. С. 63.

²⁶⁷ Котенко Е. С. Мультимедийный продукт как объект авторских прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. С. 9.

Профессор М. А. Рожкова достаточно убедительно объявляет предметы цифрового искусства объектами имущественных прав как абсолютного (по аналогии с правом собственности на вещь), так и обязательственного характера (предоставление права использования объекта цифрового творчества)²⁶⁸.

Концептуально не отвергая указанные позиции, важно сделать акцент на ключевых моментах, связанных с цифровыми результатами творчества.

1. В отличие от советского авторского права, которое к произведениям предъявляло требования об их выражении «в доступной для восприятия человеческими чувствами конкретной форме, допускающей возможность воспроизведения²⁶⁹», современный позитивный подход допускает материализацию произведения в любой объективной форме, которая может восприниматься человеком не только органами чувств, но и с помощью аппаратных или программных средств. Невзирая на то, что мы привыкли видеть совпадение материальной и объективной формы авторских произведений, объективная форма является более широкой категорией²⁷⁰. Изложенное означает распространение режима авторско-правовой охраны на цифровые продукты творчества, не имеющие материального выражения.

2. Относительно недавно в науке было распространено мнение об отсутствии необходимости в выделении цифрового оригинала и экземпляров произведения, созданного в электронном виде, в силу их тождественности²⁷¹. Вместе с тем, появление уникального токена позволило доказать практическую несостоятельность этой формулы. Дело в том, что метаданные токена, обеспечивающего цифровую учетную привязку к творческому результату интеллектуальной деятельности, могут содержать указания об авторе произведения, дате его создания и иные сведения для дальнейшего подтверждения

²⁶⁸ Рожкова М. А. Нематериальные объекты и имущественные права на них в системе абсолютных прав: монография. Москва: ГАУГН Пресс, 2024. С. 70.

²⁶⁹ Серебровский В. И. Вопросы советского авторского права. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 32.

²⁷⁰ Гришаев С. П. Правовая охрана произведений науки, литературы и искусства как объектов авторского права по новому законодательству Российской Федерации [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷¹ См.: Кобыляцкий Д. А. Правовая охрана произведений в сети интернет : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2015. С. 86; Калятин В. О. О правовых последствиях отчуждения оригинала произведения // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2016. № 7. С. 7.

аутентичности оригинального объекта. Указанный способ идентификации прямо предусмотрен законом (в соответствии с п. 1 ст. 1300 ГК РФ информация об авторском праве может быть отражена в виде конкретных цифр и кодов) и формирует презумпцию авторского труда.

Так, например, лица, занимающиеся профессиональной фотосъемкой, часто сопровождают фотографические произведения метаданными, позволяющими воздвигнуть презумпцию их авторства на случай противоправного использования созданных ими цифровых фотоснимков. И даже на уровне высшей судебной инстанции судам дозволено считать подобные цифровые объекты в виде, скажем, необработанных фотографий в качестве оригиналов соответствующих произведений²⁷².

Равным образом действующее законодательство к оригинальным произведениям относит любые литературные, музыкальные, графические, дизайнерские объекты, а также их копии (повторы), выполненные с помощью технических устройств и подписанные или иным образом отмеченные автором²⁷³.

Подобная квалификация справедлива и в отношении токенизированных арт-объектов известного музейного проекта – результатом действий команды Государственного Эрмитажа по осуществлению высококачественной съемки музейных предметов, проставлению на их фоторепродукциях автографического символа генерального директора и выпуска уникальных токенов, содержащих оригинальный цифровой принт, стало создание новых цифровых произведений. При этом данные результаты творчества отличаются самостоятельностью и юридической независимостью от первоначальных музейных ценностей²⁷⁴. И, как следствие, нет никаких объективных препятствий в объявлении их оригиналами.

²⁷² Вальдес-Мартинес Э. Р. Цифровые объекты изобразительного искусства и NFT: мифы и реальность [Электронный ресурс] // Закон. 2023. № 9 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷³ См.: Об утверждении Правил выплаты автору вознаграждения при перепродаже оригиналов произведений изобразительного искусства, авторских рукописей (автографов) литературных и музыкальных произведений: Постановление Правительства Российской Федерации от 19.04.2008 № 285: ред. от 28.08.2018 // Собрание законодательства Российской Федерации. 28.04.2008. № 17. Ст. 1880.

²⁷⁴ Цыгулева М. В. Первый опыт реализации цифровых изображений произведений из собрания музея и передачи прав на них с использованием невзаимозаменяемых токенов // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 9 (240). С. 86-87.

Почему такая интерпретация представляется теоретически и практически важной? Возможность распространения на цифровые токенизированные результаты интеллектуальной деятельности правового режима оригинальных творений открывает новые грани для реализации интеллектуальных прав. То же известное авторское право следования получает техническую возможность отслеживания всех сделок с цифровыми произведениями, имеющими статус оригинальных, а также автоматизации расчетных операций по выплате авторских вознаграждений. На практике отмечается, что правила площадок, инфраструктурно обеспечивающих соответствующие распорядительные транзакции с использованием NF-токенов, предлагают более широкие условия и возможности для удовлетворения материальных интересов интеллектуальных творцов²⁷⁵.

3. Приращение авторских произведений, имеющих только цифровой формат объективизации, характеристиками оригинальных экземпляров, представляющих собой индивидуально-определенное благо и выступающих в гражданском обороте обособленным товаром, усиливает аргументацию сторонников вещно-правового режима для указанных цифровых объектов.

Однако, у противников подобного подхода на теоретическом вооружении остается, пожалуй, основной содержательный довод, имеющий под собой многовековую доктринальную основу. Речь идет о физической осязаемости объектов вещного права в отличие от виртуальных сущностей²⁷⁶, с чем безусловно не поспоришь. Вместе с тем, в этом отношении профессор Е. В. Вавилин не без оснований отмечает тенденцию к универсализации гражданско-правовых инструментов, когда классическая градация имущества на «вещи» и «не вещи» теряет актуальность в цифровой сфере²⁷⁷. Поэтому следует заключить, что политико-правовые обстоятельства, обусловленные реалиями хозяйственных связей участников правоотношений, создают предпосылки для возможного отказа

²⁷⁵ Вальдес-Мартинес Э. Р. Указ. соч.

²⁷⁶ Суханов Е. А. Указ. соч.

²⁷⁷ Вавилин Е. В. Цифровой рубль: формирование механизма правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 204.

в некоторых случаях от бинарного состояния (вещь – не вещь) при оценке юридической судьбы отдельных объектов гражданских прав.

В свое время К. П. Победоносцев, проникая в мировоззренческий контекст отношений собственности, обосновал «живую связь» человека с вещью как своего рода философско-правовую идею²⁷⁸, в дальнейшем возведенную профессором С. С. Алексеевым в разряд оригинальных традиций отечественного цивилистического уклада²⁷⁹. Развивая данные умозаключения, профессор Г. А. Гаджиев абсолютно справедливо высказывает положение о применении субъективного права собственности к юридическому понятию вещи, которое оторвано только от телесного воплощения объекта и включает бестелесные «как бы» вещи, т.е. «юридические фикции вещей»²⁸⁰. Подобная логика, к примеру, уместна и при исследовании понятия и признаков недвижимости, которые, с одной стороны, в классическом варианте базируются на критерии прочной связи с землей, но, с другой стороны, в текущем законодательном наполнении (ст. 130 ГК РФ) допускают существование юридических фикций недвижимости, не отвечающих данному критерию (воздушные и морские суда и т.д.).

Итак, одним из примером вещи в юридическом смысле, имеющей бестелесное происхождение, но являющейся объектом вещного права, может являться энергия. Известные классики дореволюционной, советской и современной цивилистической мысли обосновывали вещно-правовой характер неосязаемого энергетического ресурса²⁸¹. В частности, по мнению Ю. С. Гамбарова, в основе отнесения электрической энергии к телесным вещам лежит «наше чувственное восприятие и нахождение предмета во внешнем мире с качествами ценности, оборотоспособности и самостоятельности»²⁸². Подобный

²⁷⁸ Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. Москва: Статут, 2002. С. 198 – 199.

²⁷⁹ Алексеев С. С. Право собственности. Проблемы теории. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма : Инфра-М, 2010. С. 9.

²⁸⁰ Гаджиев Г. А. Возрождение традиционной для России цивилистической культуры в Гражданском кодексе РФ 1994 г. // Вестник гражданского права. 2024. Т. 24. № 6. С. 78.

²⁸¹ См., подробнее: Кресс, В. В. Теоретические аспекты определения места энергии (энергетических ресурсов) в системе объектов гражданских прав // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т. 77. № 5 (210). С. 22-35.

²⁸² Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права. Общая часть. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. Т. 1. С. 575.

подход возобладал и в позитивном праве: согласно статье 539 ГК РФ энергия является объектом распоряжения по договору электроснабжения как одному из разновидностей обязательств по купле-продаже вещественных товаров.

Под влиянием указанных рассуждений не усматривается политико-правовых препятствий для применения вещного правового режима и к цифровым произведениям интеллектуальной деятельности. Ведь дифференциация объектов гражданских прав осуществляется как раз по принципу разности регуляторных сценариев, а не исходя из их физических свойств²⁸³. Представляющие собой объективированные результаты творческого труда и имеющие самостоятельную коммерческую ценность для иных участников гражданского оборота, такие объекты обладают свойством товара и вполне могут для целей правоприменения укладываться в «универсалию» вещей в их юридическом смысле. Разумеется, с исключениями и изъятиями при реализации традиционных для телесных вещей гражданско-правовых способов воздействия (например, правила о виндикации).

Практика цифрового рыночного оборота также восприняла подобную модель: именно купля-продажа товаров стала одним из самых распространенных способов структурирования сделок в отношении удостоверенных токеном виртуальных интеллектуальных ценностей²⁸⁴.

И, наконец, третий вариант объективизации связан с цифровой репрезентацией самого исключительного права на результаты научно-творческой активности, выраженные как в вещественной (материальной), так и цифровой форме. К сожалению, зачастую покупатель заблуждается при приобретении уникального токена, маркирующего то или иное произведение, полагая возможным его использовать авторско-правовыми способами, включая его коммерческую репликацию. Хотя цифровые площадки стараются обращать внимание потенциальных приобретателей уникальных токенов на подобные нюансы,

²⁸³ Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. Москва : Статут, 2017. С. 45.

²⁸⁴ Харитонов Ю. С. Указ. соч.

сопровождая их выпуск соответствующей информацией о содержании удостоверенного токеном субъективного права²⁸⁵.

Учитывая, что по умолчанию сторон при переходе токена от одного субъекта к иному лицу исключительное право на соответствующее произведение остается в статике, для целей его оборота необходимо в первую очередь прямо и недвусмысленно формализовать содержание интеллектуального имущественного права в привязке к токenu. Ведь в рамках последующей транзакции это может быть уступка самого исключительного права либо предоставление права пользования интеллектуальным продуктом на ограниченных лицензионных условиях. Серьезных технических сложностей представить в виде хэш-результата (набора цифровых данных) тот или иной объём удостоверяемых токеном субъективных гражданских прав на практике не возникает: в метаданных могут быть отражены любые сведения, направленные на идентификацию имущественного права и объекта его воздействия.

Вместе с тем, заслуживает сомнения теоретическое утверждение, что сам уникальный токен возможно рассматривать как форму договора об отчуждении права или лицензии²⁸⁶. Основываясь на прикладной природе токена как цифрового сертификата имущественной ценности, для распоряжения исключительным правом в цифровой плоскости рациональней все-таки использовать смарт-контракт - с его помощью стороны смогут облечь свои обязательственные намерения в автоматизированную договорную программу.

Как правило, полная токенизация исключительного права характерна для объектов интеллектуальных прав, ключевое значение для правовой охраны которых имеет форма, а не существо результата. Однако, в доктрине описываются случаи монетизации технических решений, защищенных патентами, в рамках лицензирования прав с использованием NF-токенов²⁸⁷. Справедливости ради,

²⁸⁵ Вальдес-Мартинес Э. Р. Указ. соч.

²⁸⁶ Чурилов А. Ю. Правовое регулирование оборота невзаимозаменяемых токенов: проблемы и перспективы.

²⁸⁷ Bamakan S. M. H., Nezhadsistani N., Bodaghi O. et al. Patents and intellectual property assets as non-fungible tokens; key technologies and challenges // Scientific Reports. 2022. Vol. 12 № 1. P. 2.

отметим, что для российского правопорядка такая задача усложняется вследствие необходимости регистрации подобных распорядительных действий.

Важно, что цифровая проекция исключительного права не влечет изменения его правовой природы. В то же время в отдельных случаях, как верно подмечает профессор Л. А. Новосёлова, «цифровая форма позволяет установить гораздо более высокую степень интеграции с выраженным в нем объектом, благодаря которому обладающий средством юридической репрезентации блага субъект может и распоряжаться последним, и осуществлять иные правомочия»²⁸⁸. Какие практические преимущества для участников цифрового гражданского оборота?

Представляется, что токенизация интеллектуальной собственности может иметь для нее как интеграционный, так и дезинтеграционный правовой эффект.

Для примера, правообладатель может сформировать удостоверенный уникальным токеном портфель разноплановых интеллектуальных продуктов, сочетающий объекты авторских, смежных и патентных прав, а также средства индивидуализации товаров, работ и услуг. Подобная версия приобретет актуальный статус в случае, скажем, необходимости коммерциализации новых решений – все результаты творческого труда от конструкторской и программной документации и до символов брендинга продукта могут быть положены в основу оцифрованного сложного объекта.

Либо, наоборот, несколько уникальных токенов на единое исключительное право способны технически решить многолетнюю проблему его декомпоновки и определения долей и правомочий совместных правообладателей. Недаром, председатель комитета по государственному строительству и законодательству Госдумы П. В. Крашенников, информационно предваряя внесение законопроекта о порядке определения долей в исключительном праве²⁸⁹, отмечал

²⁸⁸ Новосёлова Л. А., Полежаев О. А. Указ. соч. С. 86.

²⁸⁹ На момент подготовки настоящей исследовательской работы упомянутый законопроект не принят Государственной Думой Российской Федерации.

наличие конфликта интересов между правообладателями, имеющими разное видение на использование совместных научно-технических разработок²⁹⁰.

Но, воспринимая как пророческие слова Г. Ф. Шершеневича о том, что содержание категории исключительных прав «будет постепенно расти по мере дальнейшего усложнения современной экономической системы и создания совершенно новых отношений»²⁹¹, полагается вероятным, что лучшие примеры практической реализации интеллектуальных прав в цифровом воплощении еще впереди.

Таким образом, представляется, что объективизация интеллектуальной собственности в виртуальной среде представляет собой систему цифровой репрезентации результатов интеллектуальной деятельности и исключительных прав на них с применением уникальных токенов, маркирующих принадлежность соответствующей имущественной ценности определенному субъекту²⁹². Потенциально токенизации могут подлежать следующие объекты:

- права на материальные ценности, воплощающие в себе интеллектуальные достижения. В таких случаях токен будет удостоверять только вещное право на материальный носитель или экземпляр отражения результатов творческого труда автора без цифровой объективизации интеллектуальных прав;

- права на цифровые экземпляры (в том числе оригиналы) результатов творческой деятельности, синтезированные, как правило, с помощью специальных информационно-технологических средств выражения замысла или идей автора или изобретателя. Здесь токен является средством подтверждения вещных или обязательственных прав на цифровую интеллектуальную ценность;

- исключительное право или право пользования на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные как в вещественной (материальной), так и цифровой форме.

²⁹⁰ Внесен проект, направленный на решение вопросов о порядке определения долей в исключительном праве и о распоряжении такими долями [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <https://duma.gov.ru/news/58256> (дата обращения: 14.05.2025).

²⁹¹ Шершеневич Г. Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань: тип. Имп. ун-та, 1891. С. 74.

²⁹² Лагошин Е. В. Цифровая объективизация результатов интеллектуальной деятельности и исключительных прав на них // Актуальные проблемы российского права. 2026. Т. 21. № 2. С. 97.

Для смарт-контракта, обеспечивающего исполнение обязательственных договоренностей сторон с использованием программных алгоритмов, идейно рациональней использовать объекты, не связанные с физическими (телесными) характеристиками. Поэтому полноценное автоматизированное распоряжение исключительными правами (отчуждение или лицензия) возможно применительно к цифровым результатам интеллектуального труда.

§ 2.2. Учет объектов интеллектуальных прав в цифровой среде

Вторая половина XX века в контексте следования эпохе всеобщей информатизации ассоциируется с развитием глобальных вычислительных сетей, венцом которых стала всемирная коммуникационная сеть «Интернет». На конец октября 2025 года число пользователей Интернета превысило отметку в 6 миллиардов человек, в результате чего показатель интерактивного охвата составил 73,2 процентов всего населения планеты²⁹³.

Пожалуй, сложно вообразить сферу общественных отношений, не попавших под влияние тотальной кибернетизации. Сфера творческой или, как становится принято говорить, креативной индустрии в этом смысле - не исключение.

Во-первых, современные программно-аппаратные средства выступают продвинутыми инструментами выражения творческого замысла авторов и позволяют синтезировать впечатляющие произведения²⁹⁴ с минимальными физическими, временными или финансовыми издержками. Не отличившиеся музыкальным, художественным либо инженерным образованием и опытом пользователи программных приложений имеют возможность стать создателями новых креативных продуктов, которые общественное мнение может поставить в один ряд с классическими произведениями. А творческое инструментальное использование нейросетей способнократно увеличить вероятность такого исхода.

²⁹³ Digital 2026 Global Overview Report [Электронный ресурс] // URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2025/10/digital-2026-global-overview-report> (дата обращения: 19.01.2026).

²⁹⁴ Михайлова И. А. Трансформации законодательства об авторском праве в условиях развития искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // Современное право. 2024. № 9 // СПС «КонсультантПлюс».

Во-вторых, сеть «Интернет» является ключевой инфраструктурой для «демократизации» интеллектуального творчества. В современных условиях достаточно считанных секунд, чтобы обнародовать и предоставить всемирный доступ к объекту искусства, проложив путь к двум основным целям создателей – широкому признанию и коммерциализации интеллектуальных ценностей.

Вместе с тем, новые возможности генерируют и новые риски - тенденция к супермобильности интеллектуального капитала возводит в новый ранг уровень и количество заимствований и присвоения объектов авторских и смежных прав в цифровом поле. Достаточно, к примеру, фотографическому или музыкальному произведению появиться в Интернет-пространстве и стихийная волна плагиата способна существенно подорвать имущественную и моральную сферу автора, основанную на внутренней ценности человеческого творчества и открытий.

В целях развития и креативных компетенций, и стимулирования инноваций баланс общественных и частных интересов, склонившийся не в пользу правообладателей творческих продуктов, диктует потребность в адекватных механизмах правовой охраны и обеспечения интеллектуальных гражданских прав.

В частности, отмеченная специфика объектов авторских и смежных прав, обусловленная широкой палитрой средств творческого выражения и многообразием произведений, актуализирует повестку о необходимости установления формального приоритета для них. Изложенное несколько диссонирует с их правовой природой, основанной на, выражаясь определениями В. А. Дозорцева, созидательской системе возникновения правомочий²⁹⁵ и указаниями законодателя об отсутствии необходимости в соблюдении формальностей при осуществлении авторских прав (п. 4 ст. 1259 ГК РФ).

Однако, время не стоит на месте и, как минимум, имеются основания для более детального исследования данного вопроса и выработки теоретической позиции. Тем более, что нельзя не отметить общую тенденцию к изменению отдельных традиционных доктринальных и правоприменительных подходов к

²⁹⁵ Дозорцев В. А. Указ. соч. С. 43.

правовой квалификации произведений науки, литературы и искусства – появляется ранее трудномыслимый термин «параллельное творчество»²⁹⁶, допускающий создание почти идентичных произведений разными авторами независимо друг от друга, а оригинальность, уникальность, новизна творения более не являются абсолютными критериями объекта авторского права²⁹⁷.

Итак, основа идеи о формальном приоритете объектов авторских и смежных прав связана с регистрацией и депонированием авторами своих произведений в государственных или негосударственных реестрах. Указанное предложение в исторической ретроспективе не является новеллой и находило свое применение с момента отделения интеллектуальных прав от вещных, инспирированного средневековым развитием типографского промысла.

Так, первые упоминания об обязательном депонировании печатных произведений в Королевской библиотеке связаны с именем наследника французского престола Франциска I (первая половина XVI века), стремившегося сохранить литературное наследие для последующих поколений и обеспечить контроль за авторскими публикациями. Подобная формальная установка в той или иной процедурной интерпретации возобладала и в других странах Европы (Дания, Бельгия, Великобритания)²⁹⁸, при этом довольно часто именно по мотивам необходимости правительственного цензурирования для исключения политической нестабильности - как это было, к примеру, при заключении парламентского союза между Англией и Шотландией²⁹⁹.

Общемировая тенденция к публичному учету объектов авторских прав просуществовала вплоть до принятия в 1908 году на Берлинской конференции акта о пересмотре Бернской конвенции по охране литературных и художественных

²⁹⁶ См., например: Щербак Н. В. Параллельное творчество или плагиат: сходство, различие, критерии разграничения // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2023. № 2. С. 26-40; Евсеев А. П. Параллельное творчество: в поисках границ. Часть I // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2023. № 8. С. 26-34; Довгалюк, А., Глонина В. Переработка произведения v. "параллельное" творчество: понятие, критерии разграничения // Журнал РШЧП. 2018. № 3. С. 175-197.

²⁹⁷ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», пункт 80 // Российская газета. 06.05.2019. № 96.

²⁹⁸ Москаленко И. А. Регистрация произведений как инструмент защиты авторских прав в трансграничных отношениях (сеть Интернет) // Актуальные проблемы российского права. № 3. 2019. С. 146.

²⁹⁹ Mann A. J. The anatomy of copyright law in Scotland before 1710 // Research Handbook on the History of Copyright Law. Cheltenham (UK), Northampton Massachusetts (USA) : Edward Elgar, 2016. P. 99.

произведений, провозгласившей отказ от выполнения каких-либо формальностей для осуществления авторских прав³⁰⁰. Цель подобной правовой диспозиции вполне понятна – унификация регуляторных механизмов признания и обеспечения прав творческих соиздателей в отношении их произведений, получивших мультиюрисдикционное распространение.

Рассмотрим современное отношение к возможности формального учета результатов интеллектуальной деятельности в цифровых реестрах.

1. Международно-правовой аспект. Актуальная статья 5 (2) Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений, ставшая прообразом для нормы пункта 4 статьи 1259 ГК РФ, декларирует отсутствие необходимости в любых формальностях для осуществления авторских или смежных прав³⁰¹. Критикуя указанное положение как морально устаревшее, О.С. Болотаева исходит из современных возможностей с минимальными издержками обеспечить обязательную регистрацию прав на результаты интеллектуального труда, что не создаст особых препятствий авторам в реализации их субъективных правомочий³⁰².

Вместе с тем, позволив несколько не согласиться с указанной точкой зрения, следует обратить внимание, что обязательная правоустанавливающая регистрация авторских прав, во-первых, ляжет существенным бременем на систему государственного учета, а, во-вторых, станет весомым демотивирующим фактором для креативных создателей, нацеленных на развитие творческого потенциала и создание новых интеллектуальных ценностей вне рамок обязательного публичного оформления их авторских правомочий.

³⁰⁰ Дело в том, что в первоначальной редакции Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 года пользование авторскими правами на территории других стран-участников ставилось в зависимость от выполнения условий и формальностей, установленных законодательством страны происхождения произведения. Щелкина М. П. Эволюция Бернской конвенции об авторских правах // Научный аспект. 2024. Т. 20, № 6. С. 2414.

³⁰¹ Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (дополненная в Париже 4 мая 1896 г., пересмотренная в Берлине 13 ноября 1908 г., дополненная в Берне 20 марта 1914 г. и пересмотренная в Риме 2 июня 1928 г., в Брюсселе 26 июня 1948 г., в Стокгольме 14 июля 1967 г. и в Париже 24 июля 1971 г., измененная 28 сентября 1979 г.) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9. С. 3.

³⁰² Болотаева О. С. Применение технологии блокчейн в сфере интеллектуальной собственности // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6 (222). С. 208.

Поэтому, в телеологическом контексте представляется правильным понимать приведенную норму как исключаящую влияние национальных формальных процедур, включая регистрацию, на возможность осуществления авторских прав и объем их правовой охраны, а также, разумеется, на сам факт признания таких прав. Это означает, что рекомендация для стран-участников Бернской конвенции не запрещает национальные или международные системы добровольной регистрации и учета самих произведений науки, литературы, искусства, что вполне укладывается в рассматриваемую идею.

Более того, подписанная позднее (06 сентября 1952 года) в швейцарском городе Женева Всемирная конвенция об авторском праве допускает существование в государствах - участниках международного акта формальных требований, соблюдение которых является императивным условием охраны авторских прав. Это может быть депонирование экземпляров, их нотариальное удостоверение или регистрация, оговорки о сохранении авторского права и другие³⁰³.

Таким образом, два основных международных договора, олицетворяющих преобладание элементов различных систем охраны авторских прав (Бернская конвенция – французской *droit d'auteur*; Женевская конвенция – английской, основанной на *copyright*)³⁰⁴, нормативно не противодействуют возможности добровольной регистрации, в том числе путем депонирования, цифровых экземпляров, воплощающих результаты авторского творчества.

2. Национально-правовой аспект. Аналогично международным соглашениям нормативно-правовые законодательные и подзаконные предписания, действующие в Российской Федерации, не содержат запрета на формализованный учет объектов авторских и смежных прав в информационных реестрах, а в отдельных случаях, как с программами для ЭВМ или базами данных, прямо предусматривают добровольную правоподтверждающую регистрацию.

³⁰³ Всемирная конвенция об авторском праве, подписанная в Женеве от 6 сентября 1952 г. (пересмотрена в Париже 24 июля 1971 г.). Статья III // СП СССР. 1973. № 24. С. 139.

³⁰⁴ Гаврилов К. М. Как наша страна вступала во Всемирную конвенцию об авторском праве // Патенты и лицензии. 2008. № 11. С. 62-63.

Разумеется, не может быть и речи о сплошном включении в публичные реестры всех авторских творений - требования об их оригинальности и новизне в силу различий художественных форм, жанров, способов выражения не могут быть унифицированы для надлежащей оценки регулятором критериев охраноспособности по аналогии с объектами патентного права³⁰⁵. И, к слову, даже новаторы не могут рассчитывать на абсолютную публичную достоверность реестров Роспатента в отношении своих изобретений, полезных моделей или промышленных образцов вследствие юридических и фактических причин³⁰⁶.

Поэтому, возможность включения в данные систематизированного информационного учета произведений творчества на опциональной основе представляется более чем приемлемым шагом на пути к стабильности рыночного оборота нематериальных активов. Нет сомнений, скажем, в продуктивности уже имеющихся реестров охраняемых интеллектуальных объектов, таких как реестр кинофильмов, отчетов и диссертаций, программного обеспечения и т.д.³⁰⁷.

Однако, в свое время правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации, сформулированная по конкретному делу, поставила под сомнение наличие положительных правовых последствий в случае депонирования произведений. В частности, высшая судебная инстанция посчитала, что при депонировании нельзя рассчитывать на презумпцию авторства, поскольку соответствующий реестр не может служить источником подтверждения сведений об авторе, предусмотренным п. 1 ст. 1300 ГК РФ³⁰⁸.

Во-первых, основы герменевтического анализа совокупности норм, предусмотренных ст. 1257 и п. 1 ст. 1300 ГК РФ, позволяют сделать однозначный

³⁰⁵ Гончаров А. И., Иншакова А. О., Матыцин Д. Е. Имплементация цифровых технологий в правовое регулирование оборота результатов интеллектуальной деятельности и совершенствование защиты прав их авторов [Электронный ресурс] // Юрист. 2022. № 2 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰⁶ См. подробнее: Семёнов А. В. Удивительные приключения регистрации в интеллектуальном праве [Электронный ресурс] // Журнал «Закон». 2023. № 2 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰⁷ Яценко Т. С., Прокш М. Ю. Перспективы использования блокчейна в сфере интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] // Журнал «Закон». 2024. № 8 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰⁸ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17.09.2020 № 305-ЭС20-8198 по делу № А40-46622/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

вывод об открытости перечня источников информации об авторском праве, на что неоднократно указывалось в научной литературе³⁰⁹.

Во-вторых, как ранее было доказано в рамках настоящего исследования, дальнейшее появление уникального токена значительно усилило аргументацию в пользу презюмирующего значения цифрового учетного депонирования экземпляров произведений. Дело в том, что метаданные токена, обеспечивающего цифровую учетную привязку к интеллектуальному продукту, могут содержать указания об авторе или правообладателе произведения, дате его создания и иные сведения для дальнейшего подтверждения аутентичности оригинального объекта. Более того, цифровые формы выражения творческих артефактов сами по себе вполне могут быть объявлены оригиналами (в случае произведений цифрового творчества) либо экземплярами традиционных произведений.

В такой интерпретации описываемый способ цифровой идентификации прямо соответствует закону (п. 1 ст. 1300 ГК РФ), допускающему содержание авторской информации на оригиналах или экземплярах произведений, а также в виде любых цифровых или кодовых значений (метаданные).

При таких обстоятельствах, сведения цифрового учета результатов интеллектуальной деятельности, формируемые на заявительной (добровольной) основе путем регистрации и депонирования творческого объекта, следует признать достаточными для формирования презумпции авторского труда его создателя. Как показано, данный тезис не только соответствует «духу», но и «букве» действующего гражданского законодательства.

3. Правоприменительный аспект. По результатам исследования имеющейся на момент подготовки работы судебной практики по рассмотрению споров о защите исключительных прав установлено значительное количество дел, в рамках которых судом дана положительная оценка документам по депонированию спорных результатов творческой деятельности.

³⁰⁹ См., например: Семенов А. В. Указ. соч.

В частности, суды различных инстанций и территориальных уровней отмечали правоподтверждающий характер цифровых записей, содержащих информацию об авторском праве конкретного правообладателя, в системах регистрации и депонирования, а именно, констатировано, что:

- свидетельство о депонировании произведения в базе данных РАО КОПИРУС подтверждает авторство предпринимателя в отношении научно-практической разработки автоматических подвесных модульных установок пожаротушения, а также связанной с ними технической документации³¹⁰;

- истцу принадлежит исключительное право на произведение дизайна (логотип) на основании свидетельства о депонировании произведения³¹¹;

- авторство истца на защищаемые произведения дизайна подтверждается альбомами к свидетельствам о депонировании, где указаны авторы и дата составления альбомов³¹²;

- факт принадлежности исключительных прав на спорные фотографические произведения подтвержден свидетельствами о депонировании³¹³ и другие акты.

Совершенно очевидно, что нашлось место и противоположной судебной позиции. Так, например, Суд по интеллектуальным правам не признал свидетельства АО «НРИС» о депонировании фотографических произведений доказательством принадлежности авторских прав истцу³¹⁴. Вместе с тем, при детальном изучении описанных судом обстоятельств дела становится понятным, что в основу указанного вывода положены не фундаментальные суждения об отсутствии правоподтверждающего значения у подобных документов, а ненадлежащая идентификация спорных фотоматериалов со стороны истца (на экземплярах отсутствует название произведений и иная атрибутивная информация

³¹⁰ См.: Постановление Суда по интеллектуальным правам Российской Федерации от 10.06.2021 № С01-679/2021 по делу № А40-259932/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

³¹¹ См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда Российской Федерации от 17.05.2019 № 09АП-18300/2019 по делу № А40-209896/18 // СПС «КонсультантПлюс».

³¹² См.: Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда Российской Федерации от 23.08.2023 № 11АП-11652/2023 по делу № А72-11937/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

³¹³ См.: Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда Российской Федерации от 16.05.2023 № 10АП-5509/2023 по делу № А41-72704/22 // СПС «КонсультантПлюс».

³¹⁴ См.: Постановление Суда по интеллектуальным правам Российской Федерации от 22.12.2023 № С01-2325/2023 по делу № А41-55/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

об авторском праве, а заявитель не смог обеспечить их воспроизведение в судебном заседании).

Или в другом деле суд критически оценил свидетельства о депонировании сборника произведений дизайна в базе данных РАО КОПИРУС, но только лишь в связи с тем, что авторство на составной интеллектуальный объект не свидетельствует о наличии авторских прав этого же лица на образующие его самостоятельные произведения³¹⁵, с чем, очевидно, трудно поспорить.

Положительное отношение к интерактивному информационному учету и депонированию креативных продуктов как факту, имеющему правовое значение для установления истины по делу, демонстрируется и Палатой по патентным спорам. В рамках административного разбирательства отмечается применение указанной правореализационной структурой презумпции авторства на основании информации, отраженной при депонировании объекта³¹⁶.

Учитывая изложенное, судебная и иная правоприменительная практика, не сбивая с толку определением Верховного Суда Российской Федерации от 17.09.2020 № 305-ЭС20-8198, демонстрирует устойчивую тенденцию к признанию за системами цифрового учета результатов интеллектуальной деятельности правоподтверждающего значения при условии соблюдения требований к надлежащей идентификации авторства в рамках регистрации и депонирования соответствующих объектов творчества.

4. Доктринальный аспект. Теоретический анализ современной зарубежной и отечественной научной литературы не позволил выявить какие-либо обоснованные и аргументированные точки зрения, выражающие критическое или даже умеренно скептическое отношение к идее цифрового учета объектов интеллектуальных прав в целях подтверждения авторского следа и защиты имущественной сферы творца. Конечно, может быть всему виной, выражаясь словами философа Эдмунда

³¹⁵ См.: Постановление Суда по интеллектуальным правам Российской Федерации от 22.06.2021 № С01-842/2021 по делу № А60-72170/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

³¹⁶ Блинец И. А., Ахметов Р. Р. Депонирование произведений и презумпция авторства [Электронный ресурс] // Юрист. 2024. № 10 // СПС «КонсультантПлюс».

Гуссерля, субъективная феноменологическая рефлексия инициатора поиска, но хочется верить, что она была подкреплена объективными источниками.

Лейтмотив тезисов не только молодых исследователей³¹⁷, но и авторитетных фигур в сфере права интеллектуальной собственности³¹⁸ созвучен в вопросе необходимости придания депонированию творческих произведений правового значения. Более того, довольно часто в трудах формулируется позиция о целесообразности цифрового депонированного учета также сведений об объектах патентного права, включая изобретения³¹⁹, приоритет которых традиционно связан с обязательной государственной регистрацией и выдачей охранного документа.

Так, с одной стороны, механизм добровольной регистрации подобных объектов в распределенном реестре не так востребован в условиях высокого уровня системы обязательного учета со стороны Роспатента³²⁰, но, с другой стороны, рассуждения в этом направлении могут приблизить реализацию унифицированных подходов к эффективной системе управления интеллектуальной собственностью в различных юрисдикционных зонах³²¹.

Тем не менее, наличие определенной научной дискуссии относительно наилучших форм и способов цифровой регистрации результатов интеллектуальной деятельности никоим образом не свидетельствует о противоречиях в правовой оценке данного механизма. Поэтому, полагается верным обратить внимание на единство доктринальных взглядов относительно допустимости имплементации цифровой учётной регистрации объектов авторских, смежных и патентных прав.

5. Деловая практика. В высокоавтоматизированном мире сохранение черновых версий научно-творческих произведений (набросков, чертежей, незаконченных пространственных форм) или «бумеранговая» отправка запечатанных почтовых отправлений с экземплярами оригинальных творений

³¹⁷ См., например: Фролов П. П. Депонирование как ключ к решению проблемы авторства музыкальных произведений [Электронный ресурс] // Право и бизнес. 2021. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».

³¹⁸ См., например: Блинец И. А. Регистрация авторских прав. Как защитить и доказать авторство? [Электронный ресурс] // ИС. Авторское право и смежные права. 2020. № 6 // СПС «КонсультантПлюс».

³¹⁹ См., например: Vamakan S. M. H., Nezhadsistani N., Bodaghi O. et al. Op.cit. P. 11.

³²⁰ Рузакова О. А., Гринь Е. С. Применение технологии Blockchain к систематизации результатов интеллектуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 38. С. 516-517.

³²¹ Porras E. R. Intellectual property and the blockchain sector, a world of potential economic growth and conflict // Intellectual Property – Global Perspective Advances and Challenges. 2023. P. 8.

выглядят несколько архаичными способами подтверждения авторского приоритета. Учитывая, что результаты интеллектуального капитала образуют ядро инновационных продуктов, рынок всегда будет отдавать приоритет более рациональным бизнес-решениям, отражающим современные новаторские подходы. Цифровой учет «формальных» объектов представляется именно таким оптимальным способом подтверждения авторства, отвечающим потребностям как их создателей, так и бизнеса, что под воздействием сетевого каскада в конечном счете благоприятствует общественным и государственным интересам.

Итак, во-первых, специалисты, занимающиеся постановкой бухгалтерского и налогового учета, отдают предпочтение документальным формам отражения сведений о наименовании результата интеллектуальной деятельности, авторе, зафиксированной дате существования произведения в объективной форме. На практике такая функциональная роль отводится свидетельству или сертификату, подтверждающему депонирование объекта в учетном негосударственном регистре. При наличии подобных документов расходы в установленном порядке будут учтены на счёте 04 «Нематериальные активы» для целей бухгалтерского и налогового учета, что является известным деловым стандартом и не вызывает нареканий со стороны контролирующих (надзорных) органов.

Во-вторых, при кредитовании под залог прав интеллектуальной собственности, экономическая имплементация которого достаточно востребована в последнее время, займодавец в первую очередь выясняет вопрос об обладателе исключительного права. Ответ на данный вопрос, как правило, связан с истребованием кредитором охранных документов в виде свидетельства о добровольной регистрации, содержащего необходимые сведения и атрибуты³²².

В-третьих, на практике органы исполнительной власти также не отказывают в принятии подобных документов для совершения административных действий. Ярким примером является предоставление в Минцифры России свидетельства о

³²² Мазур Н. З. Кредитование под залог интеллектуальной собственности и результатов интеллектуальной деятельности [Электронный ресурс] // ЭЖ-Бухгалтер. 2023. № 47 // СПС «КонсультантПлюс».

добровольной регистрации программы в Роспатенте для решения вопроса об ее включении в так называемый реестр отечественного программного обеспечения.

Резюмируя, напрашивается вывод о том, что современные бизнес-процессы абсолютно созрели для активного использования результатов цифрового учета творческих нематериальных активов в финансово-хозяйственной деятельности.

Принимая во внимание рассмотренные основы международно-правового и национально-правового регулирования, результаты доктринального анализа, а также материалы правоприменительной и деловой практики, имеются все теоретические основания признать возможным и перспективным использование факультативной (добровольной) регистрации результатов интеллектуальной деятельности путем их цифрового учетного депонирования для установления презумпции авторства и документального подтверждения интеллектуальных прав. Важно, что в таком случае подобная опциональная регистрация (ее наличие или отсутствие) не влияет на факт первоначального возникновения авторских прав, а также на объем и способность к их правовой охране.

Справедливости ради, не претендуя на исключительный новаторский подход, стоит отметить правоподтверждающее и доказательственное значение свидетельств о регистрации объектов авторских прав и в других странах. Так, например, в Аргентине, Канаде, Китае, Венгрии, Японии, Мексике, Испании такая регистрация позволяет установить презюмирующий статус автора и стать важным источником доказательств при наличии спора³²³, что еще раз подчеркивает интернациональное признание рассматриваемого инструмента обеспечения интеллектуальных прав.

По каким же правилам должна происходить добровольная регистрация результатов интеллектуальной деятельности?

Представляется, что в таком контексте не будет заблуждением отметить глобальный тренд по децентрализации источника истины и устранению централизованных гарантов в системах учета и обеспечения различных

³²³ Близнец И. А. Регистрация и депонирование прав – проект Российского профессорского собрания [Электронный ресурс] // Российская юстиция. 2020. № 8 // СПС «КонсультантПлюс».

транзакций. Для данных целей широко применяется технология распределенных реестров (блокчейн), позволяющая создавать новую институциональную среду для юридико-экономических взаимосвязей, в том числе в творческой индустрии³²⁴.

В этом смысле блокчейн в доктрине обоснованно рассматривается как «гибкая система регистрации, препятствующая фальсификации и цензуре»³²⁵ творческих произведений или, иными словами, устраняющая проблемы, вызвавшие к жизни дискуссию о необходимости отмены формальностей для осуществления авторских гражданских прав.

Во-первых, транспарентный характер блокчейна делает возможным создание и хранение любых неизменяемых сведений и записей транзакций различного функционального содержания. Это позволяет не только устанавливать временной приоритет сведений об авторе и произведении либо депонировать сам результат созидательской деятельности, но реализовывать дальнейшие распорядительные действия в цифровом децентрализованном контуре. Д. А. Лепешин со ссылкой на мнение экспертного сообщества считает, что повышенный уровень прозрачности подобной информации в отношении интеллектуальных продуктов сам по себе станет залогом сокращения случаев их незаконного заимствования³²⁶.

Во-вторых, система блокчейна, основанная на принципах подтверждения информации путем консенсуального взаимодействия между различными ее узлами, выступает крайне надежным источником аутентичной информации относительно правообладания теми или иными нематериальными активами.

В-третьих, по мнению зарубежных исследователей, децентрализованная природа блокчейна откроет новаторам и создателям доступ к глобальным рынкам без необходимости преодолевать традиционные барьеры, такие как бюрократия или территориальные ограничения, а также облегчит трансграничное

³²⁴ Будник Р. А. Риски и перспективы токенизации творчества // *Journal of Digital Technologies and Law*. 1(3). 2023. С. 595.

³²⁵ Нота Ла Диега Г. Блокчейн, смарт-контракты и авторское право // *Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 2019. Т. 14. № 3. С. 22.

³²⁶ Лепешин Д. А. Защита авторских и (или) смежных прав в сети Интернет: текущая ситуация и тенденции совершенствования [Электронный ресурс] // *Российская юстиция*. 2023. № 5 // СПС «КонсультантПлюс».

сотрудничество между ними и конечными пользователями, что, в свою очередь, может способствовать созданию инновационных и качественных продуктов³²⁷.

По итогам обобщения указанных тезисов блокчейн вполне может быть объявлен радикальным новшеством, способным бросить вызов или даже заменить существующие бизнес-модели на рынке интеллектуальной собственности, полагающиеся на доверие третьих лиц. Вместе с тем идеализация подобной технологии в разрезе правоучётной функции, которая зачастую демонстрируется на страницах зарубежной печати³²⁸, полагается преждевременной. Ведь, как известно, прочность цепи проверяется по надежности ее самого слабого звена. Поэтому исследовательская оценка, основанная на принципах объективности и всесторонности, должна учитывать и основные недостатки технологии, особенно имеющие экзистенциальное значение для целей цифрового учета результатов творческих стараний.

В частности, когда ведется речь о блокчейне, в основном, имеется ввиду публичная одноранговая сеть, состоящая из огромного множества узлов, формирующих единый источник истины по правилам согласия большинства. Так, вот, такой открытый блокчейн не способен обеспечить надлежащую идентификацию пользователей - отсутствие установленных правил их авторизации и не вполне приемлемый формат фиксации персональных данных предполагаемого правообладателя идет в разрез с методичными попытками использовать данную технологию для установления презумпции авторства. Может быть поэтому профессор Л. А. Новосёлова не разделяла оптимизма в отношении децентрализованных систем учета интеллектуальных прав, подчеркивая отсутствие у блокчейна свойств публичной достоверности³²⁹.

Кроме этого, по обоснованному мнению В. Б. Нагродской, публичный блокчейн не приспособлен для изменения и адаптации своей регулятивной среды

³²⁷ Yoga I., Dewi C. Transformation of Intellectual Property Rights Protection in the Blockchain Era: Exploring the Potential of Revolution or Evolution in the Management of Innovation and Creativity // *Pena Justisia: Media Komunikasi dan Kajian Hukum*. 2024. Vol. 23. № 3. P. 6.

³²⁸ См., например: Sadeghi M., Molapanah S., Safari M. // *Application of Blockchain in Protecting Intellectual Property Rights and its Practical Dimensions*. Private Law. 2023. № 20 (1). P. 31-44.

³²⁹ Новосёлова Л. А. Об активных системах учета интеллектуальных прав [Электронный ресурс] // *Пермский юридический альманах*. 2018 // СПС «КонсультантПлюс».

под те или иные цели его использования, а также страдает от длительного времени акцепта транзакций, что на практике может иметь негативное значение³³⁰.

И, наконец, еще одна проблема, которая непосредственно не связана со спецификой открытого блокчейна, но, тем не менее, препятствует широкому внедрению цифровых учетных механизмов, лежит в плоскости плюрализма регистрационных систем. Возможности современного рынка позволяют автору выбрать из нескольких десятков предложений инфраструктурную среду, где будут задепонированы его результаты творческого труда³³¹. В итоге, в гипотетическом преломлении не исключена ситуация правоподтверждающей регистрации в отношении одного и того же объекта интеллектуальных прав в нескольких цифровых реестрах разными лицами. Либо дальнейшее распоряжение недобросовестным лицом, пусть и оригинальным автором, тождественным объемом правомочий в отношении одного нематериального объекта в пользу разных лиц по правилам нескольких информационных систем.

Безусловно, право может противостоять подобным негативным сценариям, защитив имущественную и личную неимущественную сферу участников гражданского оборота либо восполнив технологическое несовершенство блокчейна известными юридическими способами³³², однако, нельзя забывать, что основная цель цифровой регистрации – дать авторам и новаторам универсальный инструмент, позволяющий гарантировать недопустимость массового незаконного использования их произведений, упростив правовую охрану их прав, на базе воздвигнутой с помощью современных технологий презумпции авторства.

Учитывая, что «донастроить» публичный блокчейн с учетом обозначенной критики вряд ли видится возможным, на повестке для целей цифрового учета

³³⁰ Нагродская В. Б. Новые технологии (блокчейн / искусственный интеллект) на службе права : научно-методическое пособие [Электронный ресурс]; под ред. Л. А. Новоселовой. Москва : Проспект, 2019 // СПС «КонсультантПлюс».

³³¹ С 2020 года функционирует также транснациональный сервис ВОИС WIPO PROOF, используемый клиентами более чем 110 стран. Подробнее: Фролов П. П. Указ. соч.

³³² Хотя в новейшей доктрине распространено мнение, что правовая система является сдерживающим фактором на пути раскрытия полного потенциала блокчейна и последний должен сопротивляться внешнему правовому воздействию. Подробнее: Martino E. D., Ringe W.-G. The Social Cost of Blockchain: Externalities, Allocation of Property Rights, and the Role of the Law // European Journal of Risk Regulation. 2025. P. 4; Yeung K. Regulation by Blockchain: The Emerging Battle for Supremacy Between the Code of Law and Code as Law // Modern Law Review. 2019. Vol. 82. Iss. 2. P. 207–239.

творческих продуктов должны стоять новые технологические решения, которые, с одной стороны, будут пронизаны основными преимуществами публичного блокчейна, а, с другой стороны, лишены основных его недостатков и проблем.

Представляется правильным в качестве такого решения использовать так называемый «частный» или «консорциумный» блокчейн³³³ - в чем же его преференциальная специфика?

А) В основе построения консорциумного блокчейна лежат те же самые идейные постулаты распределенного публичного реестра: децентрализация истины за счет консенсуального подтверждения транзакций, устойчивая защищенность данных вследствие криптографического шифрования, прозрачный характер записей и т.д. Между тем, в отличие от публичного аналога архитектура частного блокчейна, как правило, представлена значительно меньшим количеством узлов – валидаторов, ответственных за согласование транзакционных решений. Это позволяет упростить процесс подтверждения учетных или депонированных записей правообладателей, а также подчинить его локальным правилам информационной системы, отвечающей, в первую очередь, интересам авторов.

Любопытно, что именно данные обстоятельства положены в основу критики частных блокчейнов, как противоречащие децентрализованному «духу» популярной одноранговой технологии. Так, в научной среде упоминается о том, что частный блокчейн изначально проектируется как централизованная система, где один узел (пользователь) может контролировать процесс создания блоков информации³³⁴. В то же время, на наш взгляд, подобные рассуждения в определенной степени имеют провокационный характер, поскольку частный блокчейн с одним узлом валидации, действительно, есть не что иное, как централизованная информационная система, алгоритмическая обработка данных в которой зависит от одного субъекта. Но на практике, конечно же, частные или консорциумные блокчейны не имеют центрального регулирующего воздействия, а

³³³ В дальнейшем наименования «частный», «консорциумный», «закрытый» блокчейн будут рассматриваться как синонимы.

³³⁴ Konashevych O. Constraints and benefits of the blockchain use for real estate and property rights // Journal of Property, Planning and Environmental Law. 12(2). 2020. P. 113.

коллективный контроль за учитываемыми транзакциями является уделом нескольких десятков независимых друг от друга структур, что полагается достаточным для формирования предпосылок объективной истины.

Б) Возможности частного реестра данных позволяют устанавливать различные сценарии авторизации доступа, обеспечивая конфиденциальность не предназначенной для широкого распространения информации – к примеру, если речь идет об описании технических решений, не получивших к моменту депонирования надлежащей патентно-правовой охраны, либо о закрытом коде программного продукта. Да и, в целом, можно утверждать о гибкости стандартов обмена данными об объектах интеллектуальных прав в цифровой среде, ядром которой выступает закрытый блокчейн.

Таким образом, полагается, что платформенная модель цифровой добровольной регистрации и депонирования творческих результатов должна основываться на консорциумном блокчейне, деятельность которого обеспечивается многочисленными узлами и операторами по правилам консолидированного консенсуса.

Но как быть с ранее обозначенной проблемой дублирования подобных реестров, ведь рынок и право не препятствуют в их масштабировании различными лицами. В этой связи актуальность приобретает установление приоритета между несколькими блокчейнами, хотя бы на уровне внутринационального измерения.

Ответ на подобный вопрос был найден в 2021 году, когда указом Президента Российской Федерации провозглашено создание Российского центра оборота прав на результаты творческой деятельности в форме общероссийской общественно-государственной организации, учредителями которого выступили Минцифры России и ассоциация «Национальный координационный центр обработки транзакций с правами и объектами интеллектуальной собственности»³³⁵. Достижением указанного центра стало создание несколько лет назад общественно-

³³⁵ О создании Общероссийской общественно-государственной организации «Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности»: Указ Президента Российской Федерации № 378 от 28 июня 2021 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.07.2021. № 27 (ч. II). Ст. 5342.

государственной блокчейн-инфраструктуры управления интеллектуальными правами «Сеть РЦИС.РФ». Не имеющее аналогов, инфраструктурное решение не только позволяет учитывать любые объекты интеллектуальных прав, но и предоставляет цифровые инструменты для управления и защиты исключительных прав.

В технологическом плане сеть РЦИС.РФ представляет собой масштабное «озеро данных», куда поступает и где хранится актуальная информация обо всех объектах интеллектуальных прав, как нашедших свое цифровое признание (в специализированных репозиториях), так и прошедших государственную регистрацию Роспатента. Специфика творческого объекта и режим его правовой охраны не имеет значения - весь известный состав креативных и инновационных продуктов записывается в блокчейн-сеть РЦИС.РФ с присвоением уникального идентификатора по инициативе ее участников.

Архитектура указанного консорциумного блокчейна представлена 15 узлами, обеспечивающими функционирование распределенного реестра, создание новых блоков транзакций, согласование закрытия блока с другими узлами сети, передачу изменений между узлами и хранение полной истории транзакций, а также взаимодействующими с другими аналогичными узлами сети в соответствии с установленными правилами³³⁶. Принцип выбора структур, наделенных статусом узла сети, не совсем очевиден. В качестве узлов-валидаторов назначены как государственные органы (Роспатент³³⁷, Суд по интеллектуальным правам), так и коммерческие и некоммерческие организации либо институты развития (ВОИС, Фонд «Сколково», РАО, Московский инновационный кластер, онлайн-биржа IPEx, ассоциация IPChain и другие). При этом, представляется несколько сложным объяснить выбор в пользу госкомпании «Роскосмос» или регионального ГБУ «Государственный архив Республики Татарстан». Но, тем не менее, ключевой состав «игроков», гарантирующих неизменность, достоверность и

³³⁶ Масштаб сети [Электронный ресурс] // URL: <https://сеть.рцис.рф> (дата обращения: 26.06.2025).

³³⁷ Хотя, когда обсуждалась подобная инициатива в 2019 году, Роспатент выступил против создания блокчейн-платформы. См.: Гончаров А. И., Иншакова А. О., Матыцин Д. Е. Указ. соч.

конфиденциальность учетных регистрационных записей об интеллектуальной собственности, позволяет утверждать о формировании инфраструктуры доверия, на базе которой можно презюмировать авторство и принадлежность соответствующих интеллектуальных прав в отношении указанного в реестре лица.

А для публичного ознакомления любого заинтересованного субъекта либо ведомства предлагается соответствующая учетная карточка, содержащая информацию о наименовании и виде результата интеллектуальной деятельности, дате его создания, авторах (правообладателях), режиме правовой охраны, включая ссылки на реквизиты охранных документов (патенты, свидетельства), а также иные дополнительные атрибуты. Все эти сведения по желанию лица могут быть отражены в цифровом или материальном экземпляре свидетельства установленной Российским центром оборота прав на результаты творческой деятельности формы. По сути, можно говорить о творческом паспорте, идентифицирующем автора или иного правообладателя, а также его результаты его творческих мыслей³³⁸.

Немаловажно подчеркнуть, что сеть РЦИС.РФ вполне может рассматриваться как национальная блокчейн-платформа верхнего уровня, имеющая приоритет по отношению к другим коммерческим и некоммерческим репозиториям, предоставляющим услуги по факультативной регистрации и депонированию творческих решений. Это значит, что коллизия аналогичных цифровых учетных данных, отраженных в нескольких распределенных реестрах по инициативе разных лиц, должна по умолчанию решаться по принципу временного приоритета, устанавливаемого по данным сети РЦИС.РФ. Разумеется, это касается, в основном, объектов авторских и смежных прав, поскольку для приоритезации патентно-правовых решений или программ для ЭВМ решающее значение имеют сведения государственного реестра Роспатента.

Таким образом, сеть РЦИС.РФ, построенная на принципах консорциумного блокчейна, образует цифровое пространство доверия и является эффективной

³³⁸ LegalTech в сфере предпринимательской деятельности : монография [Электронный ресурс] / ответственные редакторы И. В. Ершова, О. В. Сушкова // СПС «КонсультантПлюс».

инструментальной средой для консолидированного учета результатов интеллектуальной деятельности и оборота исключительных прав на них.

Необходимо отметить, что цифровой регистрационный учет творческих произведений, помимо доказанной выше основной функции (создание презумпции авторства), способен оказывать положительный кумулятивный эффект на применение иных норм и институтов права интеллектуальной собственности:

- учитывая длительный срок действия исключительного права, особенно для произведений науки, литературы, искусства, неизменяемая на протяжении многих десятилетий цифровая запись об авторстве может решить вопрос с определением точного момента перехода интеллектуального творения в общественное достояние;

- цифровое «озеро данных» способно снизить остроту так называемых сиротских произведений³³⁹, не получивших чьего-либо авторского признания. Или, как минимум, упростить реализацию мер по поиску правообладателя для получения возможности управления исключительными правами (ст.1244.2 ГК РФ);

- децентрализованный реестр данных может выступать доверенной цифровой средой для размещения публичных заявлений о безвозмездном предоставлении возможности использования объектов авторских и смежных прав на определенных условиях и в течение обозначенного срока в порядке п. 5 ст. 1233 ГК РФ³⁴⁰;

- территориально-сетевое место депонирования, следующее из метаданных цифровой записи, будет способствовать подтверждению страны-происхождения произведения на основании применимых коллизионных привязок³⁴¹ и др.

Более того, цифровая факультативная регистрация и депонирование нематериальных артефактов открывают технологические возможности для нового уровня обеспечения их правовой охраны: некоторые из них получили свое развитие в доктрине, другие – и на практике.

К примеру, положительный отклик нашла технология цифрового отпечатка, заключающаяся в извлечении основных характеристик цифрового экземпляра

³³⁹ Нагордская В. Б. Новые технологии (блокчейн / искусственный интеллект) на службе права.

³⁴⁰ Там же.

³⁴¹ Москаленко И. А. Указ. соч. С. 147.

произведения и использовании их в качестве идентификационных маркеров оригинального творения. В случае новой загрузки этого же либо переработанного произведения в цифровое пространство информационная система укажет на плагиат по результатам сопоставления метаданных с имеющимися записями³⁴².

Другой пример на практике – когда авторы, добровольно зарегистрировавшие свои интеллектуальные творения, прибегают к предлагаемой сервисами цифровой защите предметов творчества в виде так называемых звуковых отпечатков, водяных знаков, маркировочных кодов, которые зачастую выступают надежным барьером на пути к незаконному их использованию. Вместе с тем, как известно, сила действия равна силе противодействия: веяния прогресса, помимо средств выражения новаторов, охватывают и инструментарий лиц, имеющих недобрые намерения. И, к сожалению, существующие технологии помогают справиться им с подобными имплицитными идентификаторами - вопрос скорее стоит в уровне заинтересованности в этом недобросовестного субъекта. Поэтому следует рассматривать возможность качественно нового усиления авторско-правовой охраны цифровых объектов.

Для этого представляется необходимым повысить степень участия сервисов и систем, предоставляющих услуги и инфраструктуру для цифровой учетной регистрации. Главным образом, речь идет о входящем контроле и формальной экспресс-оценке в отношении предлагаемых к добровольной регистрации результатов творческого труда. Следуя абстрактным идеям сэра Роберта Ричарда Торренса, воплотившего несколько столетий назад возможность правовой аппликации титула на земельные наделы в регистрационную систему на основании экспертной оценки³⁴³, нужны упрощенные механизмы оперативного скоринга, способные обеспечить сплошной поиск идентичных произведений либо объектов, содержащих ключевые охраноспособные элементы загружаемого творения, будь то музыкальная композиция, видеоролик, сборочный чертеж или программный

³⁴² Орешин Е. И. Эффективные способы защиты авторских и смежных прав в Интернете: иск об обязании владельца сайта использовать фильтрующую программу // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2015. № 9. С. 50.

³⁴³ Лобанова Д. А. Система регистрации прав на недвижимое имущество Роберта Торренса: критический анализ // Вестник гражданского права. 2024. Т. 24. № 3. С. 253.

релиз. Например, в деловой среде достаточно распространенным фактом является поисковая инициация самих профессиональных фотографов в сети Интернет на предмет выявления незаконного использования их фотоматериалов — сопоставление осуществляется как непосредственно по изображению, так и метаданным, как правило, с использованием возможностей нейросетей.

В правовом аспекте подобный проактивный подход регистраторов и репозитариев усилит презумпцию авторства и правообладания, а в практическом плане — даст дополнительные гарантии защиты прав представителей креативной индустрии и, как следствие, сгенерирует новые стимулы для раскрытия их инновационного и творческого потенциала. Апеллируя к возможному сопротивлению входящему контролю со стороны регистрационных сервисов, следует напомнить, что они вполне соответствуют критериям информационного посредника³⁴⁴ и должны соблюдать стандарты должного поведения для исключения их гражданско-правовой ответственности с учетом особенностей, предусмотренных ст. 1253.1 ГК РФ.

В качестве положительного примера, не так давно группа исследователей из КНР на теоретическом уровне детализировала модель экспертного поиска регистрационных сервисов для подтверждения оригинальности депонируемого произведения. А именно, синтезируемый цифровой «отпечаток» объекта служит основой для блокчейн-поиска, а запрашиваемые данные автора-заявителя являются предметом внесетевой проверки. В итоге, сводные результаты автономных запросов, обрабатываемые с использованием алгоритмов машинного обучения, служат близким к абсолютному источником подтверждения приоритета автора³⁴⁵.

А для того, чтобы напрямую не посягать на имущественную сферу цифровых регистраторов вследствие претензий истинных субъектов исключительных прав представляется не лишним введение страхового хеджирования рисков случайных

³⁴⁴ Москаленко А. И. Биткоин, технологии блокчейн и развитие интеллектуальной собственности в сети Интернет СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] // Международное публичное и частное право. 2021. № 5 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁴⁵ См., подробнее: Xu J., Zhang J., Wang J. Digital Image Copyright Protection and Management Approach—Based on Artificial Intelligence and Blockchain Technology // Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research. 2025. Vol. 20 (2). № 76. P. 1-26.

ошибок или формирование компенсационного фонда на случай возмещения имущественных потерь креаторов, обоснованно несогласных с данными реестра.

Наконец, руководствуясь постулатом об отсутствии предела к совершенству, в ранг продуктивной исследовательской идеи хотелось бы возвести стремление к построению единой цифровой институциональной среды или цифровой экосистемы интеллектуальной собственности, которая позволит интегрировать всевозможные интерактивные сервисы, имеющие отношение к циркуляции прав на результаты творческого труда. В зарубежной доктрине встречается упоминание о концепции так называемых гибридных блокчейнов, которые представляют собой синтез частных и публичных блокчейнов: например, в финансовом секторе для оптимизации межбанковских транзакций³⁴⁶.

В свете рассматриваемого вопроса консорциумная блокчейн-сеть РЦИС.РФ, взаимодействующая с национальными цифровыми сервисами учета объектов интеллектуального капитала, имеет значительный потенциал для синергетической интеграции с данными публичного блокчейна и иных мультинациональных реестров в целях построения единой цифровой институциональной среды учета и оборота интеллектуальных прав – экосистемы доверия.

Ну и под воздействием всех изложенных положений, обоснованных как с догматической, так и прагматической точек зрения, логично индуцируется вывод о необходимости перевода цифрового учета результатов интеллектуальной деятельности из разряда устоявшихся обычаев делового оборота в правовую категорию, позитивно установленную гражданским законодательством России. При этом фокус правового регулирования должен быть наведен на добровольный (факультативный) характер регистрации и депонирования творческих объектов, но с одновременным явным установлением презумпции авторства и подтверждения исключительных прав на основании учетной записи, состоявшейся в соответствии со всеми правилами регистратора, а также отвечающей норме и смыслу закона.

³⁴⁶ Asikin U., Yaniza T., Rohani S., et al. Intellectual Property Rights in the Use of Blockchain Technology From A Contemporary Islamic Legal Perspective // Daengku: Journal of Humanities and Social Sciences Innovation. 2023. Vol. 3. № 6. P. 986.

Резюмируя, для установления презумпции авторства и документального подтверждения интеллектуальных прав должна использоваться факультативная (добровольная) регистрация результатов интеллектуальной деятельности в виде их цифрового учетного депонирования в децентрализованных консорциумных информационных системах на базе сети РЦИС.РФ.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СМАРТ- КОНТРАКТА

§ 3.1. Отчуждение и залог исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности

Договорный переход исключительного права от одного лица к другому вполне укладывается в современную композицию отечественного рынка интеллектуальной собственности. Сделки по полному отчуждению прав на произведения науки и творчества одобряются правопорядком и опосредуют цивилизованные хозяйственные отношения по поводу нематериальных ценностей.

Однако, в научной литературе отмечается, что подобный подход не является общепризнанным стандартом в большинстве других государств, правовое регулирование которых либо исключает подобную распорядительную опцию, либо существенно ее ограничивает в интересах авторов³⁴⁷. Виной тому может быть историческая критика господства чисто имущественной природы авторского права, связанная с тем, что на первый план должно выходить не его экономическое содержание, а личные права творца и общественные интересы.

Подобные правозрения были характерны и для отечественного общественно-политического уклада. Так, в считавшемся передовым Законе Российской империи «Об авторском праве» 1911 года автору давалась возможность хранить продукты собственного духовного творчества на уровне своей индивидуальности. Стоило только автору убедиться, что его взгляды существенно изменились и он вправе был изъять свое произведение из внешнего мира, в чьем бы пользовании оно не находилось³⁴⁸. Четвертая часть Гражданского кодекса Российской Федерации

³⁴⁷ Луткова О. Договор отчуждения исключительных прав и лицензионный договор в трансграничных авторских отношениях [Электронный ресурс] // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 10. С. 27-34 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁴⁸ Беляцкий С. А. Новое авторское право в его основных принципах. Санкт-Петербург : Изд. юридич. книжного склада "Право", 1912. С. 37.

примирила существующие в доктрине теории относительно трансфера исключительных прав, объявив о возможности их полного отчуждения на основании соответствующего договора, что, в свою очередь, делает возможным облечение распорядительных действий в конструкцию смарт-контракта.

Но является ли смарт-контракт универсальным инструментом для безусловного оборота прав на любые результаты интеллектуальной деятельности? Буквальное толкование п. 2 ст. 1233 ГК РФ, предусматривающего применение к договорам о распоряжении исключительным правом общих положений об обязательствах, в том числе правил ст. 309 ГК РФ, позволяет на данный вопрос ответить положительно. Вместе с тем подобный вывод выступает ничем иным, как «обманчивым призраком истины», названным Фрэнсисом Бэконом «идолом»³⁴⁹, стремящимся отдалить исследователя от объективной картины в связи с получением им первого логически непротиворечивого вывода.

Только сопоставление ранее выработанных в рамках настоящего исследования особенностей и специфических признаков смарт-контракта с нормативным механизмом договорного распоряжения исключительными правами позволит дать твердую теоретическую опору в указанном вопросе.

Итак, объектом отчуждения в рамках смарт-контракта является токенизированное исключительное право на какой-либо результат творческого труда. Однако, во-первых, следует помнить, что даже в доктрине отсутствует консолидированное мнение по поводу содержания исключительного права и, как следствие, объекта распоряжения по договору отчуждения. С одной стороны, опираясь на авторитетные суждения В. А. Дозорцева, выделяется бинарная структура исключительного права (право использования и распоряжения), с другой стороны, нелогичность последовательности о распоряжении на основании сделки исключительным правом, содержащим правомочие распоряжения им же, диктует необходимость развести указанные категории, определив распорядительную власть исключительным правом в качестве элемента гражданской

³⁴⁹ Минто В. Дедуктивная и индуктивная логика. Мн.: Харвест, 2002. С. 21.

правоспособности³⁵⁰. Безусловно, корни такого логического противоречия берут свое начало в идеальной природе интеллектуальных достижений и их правовой дифференциации с правами на них в отличие от тех же прав вещных, когда передача телесной вещи непосредственна связана с передачей правового титула на нее. Результаты интеллектуальной деятельности - необоротоспособны и не могут принимать форму товара, оставаясь при этом объектами пользования со стороны участников гражданского оборота.

Поэтому в этой научной полемике представляются рациональными выводы А. Л. Маковского, поставившего в центр содержания исключительного права свободу использования продуктов творческих усилий, предполагающую возможность их личного пользования для собственных нужд и использования для вовлечения их производных материальных экземпляров в гражданский оборот (положительный аспект), а также адресованный неопределенному кругу лиц монопольный запрет на их использование (негативный аспект)³⁵¹.

В связи с этим при структурировании предмета смарт-контракта важной гарантией определенности исключительного права и отсутствия возможных споров у сторон является его точное описание в метаданных токена или иных связанных цифровых записях. Но здесь тоже имеются научно-прикладные нюансы.

А именно, следующий «идол», который порождается технической возможностью цифровой репрезентации любых сведений и объектов, связан с отсутствием теоретического единства в вопросе о возможности отчуждения отдельных автономных правомочий, составляющих содержание исключительного права³⁵². Некоторые исследователи даже обосновывают необходимость позитивации нового договора об отчуждении отдельных способов использования интеллектуального продукта³⁵³. И, действительно, на практике отчуждаемый токен

³⁵⁰ Щербак Н. В. Феномен распоряжения исключительным авторским правом // Хозяйство и право. 2017. № 11 (490). С. 83-84.

³⁵¹ Маковский, А. Л. О кодификации гражданского права (1922 - 2006) [Электронный ресурс]; Исследовательский центр частного права при Президенте Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵² Чупрунов И. С. Договор об отчуждении исключительного права и лицензионный договор как формы распоряжения исключительным правом [Электронный ресурс] // Вестник гражданского права. 2008. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵³ Лапин Н. М. Регулирование авторских договоров в России, Нидерландах и Великобритании: правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. С. 23.

на исключительное право иногда представляет собой именно описание совокупности пользовательских правомочий, детализированных в статье 1270 ГК РФ. Более того, цифровая формализация соответствующих правовых способов использования результата интеллектуальной деятельности может быть разнесена по отдельным токенам, отчуждаемая по смарт-контракту совокупность которых должна идейно расцениваться участниками правоотношения как абсолютное исключительное право. Вместе с тем, по результатам правовой экспертизы подобный смарт-контракт, опосредующий трансфер таких токенов, на основании п. 3 ст. 1233 ГК РФ находится под риском переквалификации в лицензионное соглашение как представляющий собой только конститутивное правопреемство в отношении отдельных правомочий или их совокупности - тот случай, когда техническое суммирование слагаемых компонентов не дает гипотетически правильного результата.

Для решения указанной дилеммы представляется единственно верным базироваться на постулате о единстве и неделимости исключительного права, описательное содержание которого в токене должно соответствовать всем правомочиям как позитивной, так и негативной природы (в том числе предусматривать свободу использования творческого результата любыми способами, не запрещенными законом, без ограничений срока и территории), а также указывать на опцию дальнейшего нелимитированного распоряжения им.

Другое дело, что в качестве специфического достоинства смарт-контракта применительно к распоряжению исключительной монополией можно выделить возможность ее технического дробления и гипотетического вовлечения в оборот долей исключительного права. В таком случае объектом распоряжения по смарт-контракту выступит все также исключительное право, но цифровая объективизация которого будет представлена несколькими токенами, каждый из которых будет описательно соответствовать определенной доле в едином исключительном праве на творческий продукт. Разумеется, подобный правовой сценарий без законодательного одобрения не следует рассматривать в качестве базового, но его

важная необходимость вызвана к жизни имеющимися конфликтами личных и коммерческих интересов юридической множественности правообладателей.

Во-вторых, теоретически и практически важно наряду с токенизацией исключительного права, подлежащего отчуждению по смарт-контракту, обеспечить одновременный автоматизированный трансфер экземпляров творческих решений, преобразованных в цифровой вид (цифровые эталоны) либо представляющих собой оригинальные цифровые произведения. Иными словами, переход абстрактного исключительного права на результат интеллектуальной деятельности без предоставления доступа к вещной или цифровой форме его воплощения подрывает ожидания приобретателя, не получившего возможность должным образом использовать искомый артефакт. Например, отчуждение токена в рамках смарт-контракта, маркирующего авторское право на какую-либо нематериальную ценность, будь то музыкальная композиция, сценарный текст, визуализированные технические прототипы, без их непосредственной передачи, не позволит привести исполнение такой сделки к основному правовому эффекту.

Особенно это актуально для компьютерных программ, структурно представленных законом в виде нескольких охраноспособных элементов, каждый из которых имеет экономическую ценность. В этой связи обоснованы рассуждения А. И. Савельева о необходимости отчуждения не только объектного или исходного кода, но и всех подготовительных материалов, в их числе: системная документация, протоколы тестирования, отчеты разработчика, так называемый ложный код, промежуточные версии программного обеспечения и других³⁵⁴.

Поэтому смарт-контракт на отчуждение исключительного права, основанный на принципе автоматизированной транзакционной перспективы, должен опосредовать передачу токена, удостоверяющего саму интеллектуальную монополию, а также присоединяющего цифровую репрезентацию креативного продукта либо предоставляющего условия для цифрового доступа к нему.

³⁵⁴ Савельев А. И. Правовой режим подготовительных материалов, полученных в ходе разработки программ для ЭВМ [Электронный ресурс] // Закон. 2023. № 9 // СПС «КонсультантПлюс».

В-третьих, как было доказано ранее, заключение смарт-контракта по заместительной модели, составленной на языке программирования, вполне укладывается в письменную форму сделки на основании абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ. Однако, отчуждение, равно как и иные распорядительные действия, в отношении прав на отдельные нематериальные объекты, образуют сложный юридический состав, завершающийся государственной регистрацией перехода правомочий, что несколько диссонирует с концепцией смарт-сделки. Это относится к изобретениям, полезным моделям, промышленным образцам, селекционным достижениям, а также добровольно зарегистрированным программам для ЭВМ, базам данных, топологиям интегральных микросхем в государственных реестрах.

При этом изложенное замечание вовсе не означает, что подобные объекты интеллектуальных прав не могут быть вовлечены в распорядительную активность сторон смарт-контракта. Но для этого ключевая задача - определить дальнейшие сценарии развития действий на пути к государственной регистрации перехода исключительных прав. Представляется, что здесь возможны два подхода:

А) Устойчивый - предполагающий возможность информационно-технологической интеграции систем, на базе которых развёртываются смарт-контракты, с интерактивными сервисами Роспатента, посредством которых осуществляется прием, учет и рассмотрение заявлений на регистрацию распоряжений по договорам отчуждения. Тем самым будет обеспечена системная автоматизация исполнения обязательств сторон и достижения основной каузы смарт-контракта по отчуждению исключительных прав в виде удостоверенного государством перехода правомочий. Учитывая, что патентная служба уделяет значительное внимание процессам цифровизации государственных услуг³⁵⁵, подобная полноценная возможность оценивается как вопрос времени.

Надо сказать, что Правительством России уже предпринимались попытки правовой регламентации цифрового взаимодействия участников сделок по

³⁵⁵ Правительство России: Встреча Михаила Мишустина с руководителем Федеральной службы по интеллектуальной собственности Юрием Зубовым [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/pravitelstvo-rossii-22082024> (дата обращения: 09.09.2025).

распоряжению исключительными правами с Роспатентом для интерактивного запуска процедуры регистрации перехода прав³⁵⁶. Однако, представляется, что на момент подготовки соответствующего законопроекта (2020 год) технологическая инфраструктура, представленная разрозненными информационно-учетными сегментами, не могла в должной мере обеспечить унифицированную апробацию новых правил. Только после появления несколько лет назад национальной блокчейн-платформы «Сеть РЦИС.РФ», взаимодействующей со всеми цифровыми сервисами учета объектов интеллектуального капитала и функционирующей с участием государственных и общественных регуляторов, созданы условия для объективной позитивации возможности автоматизированной подачи с помощью информационных систем заявлений в Роспатент для регистрационных действий.

Поэтому полагается необходимым актуализировать ранее разработанную редакцию указанного законопроекта и наполнить четвертую часть Гражданского кодекса России соответствующими изменениями, суть которых - правовое одобрение цифрового взаимодействия информационных систем учета и оборота интеллектуальных прав и сервисов Роспатента по регистрации распоряжений по договорам, включая смарт-контракты.

Б) Ситуационный – после реализации обязательственных действий в рамках смарт-контракта в виде цифрового обмена нематериальных активов на денежные средства или иное встречное предоставление стороны в отсутствие интеграции с сервисами Роспатента должны направить традиционным путем заявление о государственной регистрации трансфера исключительной монополии. Вместе с тем, проецируя возможный кризис доверия на весь юридический состав сделки, нельзя исключать ситуации одностороннего отказа одной из сторон (как правило, ауктора) от совместной подачи заявления.

Иммунитет от подобного оппортунизма субъекта передаваемого исключительного права может быть найден в законе в виде возможности внесения

³⁵⁶ Российская Федерация. О внесении изменений в ч. 4 ГК РФ в части совершенствования регулирования распоряжения правами на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации с использованием информационных систем": проект Федерального закона (подготовлен Минэкономразвития России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 09.01.2020) // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

регистрационной записи на основании заявления одной из сторон договора (п. 3 ст. 1232 ГК РФ). Однако, непременным условием реализации подобной перспективы является представление в уполномоченный орган письменного договора-основания. Вместе с тем, применительно к смарт-контракту, объективированному только в машиноисполнимом формате, в таком случае абсолютно вероятен негативный прогноз в отношении положительного решения Роспатента по мотивам непредставления правоустанавливающего документа в письменном виде.

Выходом из данной ситуации может стать имплементированная разработчиками или держателями цифровой системы построения смарт-контрактов опция конвертации программного кода в аналоговый текст - по аналогии с конструкторами договоров, способными преобразовать сетку существенных условий в оформленный письменный документ. Это позволит выполнить формальные требования при подаче заявки и завершить процесс приобретения исключительного права, не считаясь с возможными контрмерами автора или правообладателя.

В связи с этим, заключение и исполнение смарт-контракта на отчуждение исключительного права возможно в отношении результатов интеллектуальной деятельности:

- не подлежащих обязательной госрегистрации либо добровольно не зарегистрированных в Роспатенте (объекты авторских и смежных прав или секреты производства),

- зарегистрированных в уполномоченном органе в обязательном или добровольном порядке (объекты патентного права, селекционные достижения, программы для ЭВМ, базы данных, топологии интегральных микросхем), но только в случае наличия возможности автоматизированной передачи заявления в Роспатент или Министерство сельского хозяйства Российской Федерации для регистрации перехода исключительных правомочий либо направления одной из сторон смарт-контракта соответствующего заявления с приложением письменного экземпляра договора (в случае отказа какой-либо стороны в подаче совместного заявления).

Имеется ли место иным условным ограничениям для использования смарт-контракта в целях отчуждения исключительных прав? Как общеизвестно, в разрезе матрицы юридической характеристики рассматриваемой договорной разновидности выделяют реальные и консенсуальные, возмездные и безвозмездные, односторонние и двусторонние типы соглашений.

С позиций классического подхода, подкрепленного нормативной дефиницией соответствующего договора, принято считать, что отчуждение может заключаться по альтернативной модели (реальной или консенсуальной)³⁵⁷. Вместе с тем, смарт-контракт идейно представляет собой условную сделку, в рамках которой формализация договоренностей сторон в программный код и их исполнение подчиняется логике «если-то». Соответственно, предмет автоматизированного отчуждения связан с обменом оцифрованными материальными и нематериальными ценностями, фундаментом которого являются права требования, обусловленные наступлением сроков и/или условий. В таком контексте перфекция смарт-контракта на отчуждение исключительного права смещается на второй план, что применительно к нему подтверждает расхожее в отечественной науке отрицание разделения договоров распоряжения на реальные и консенсуальные в силу идеальной природы интеллектуальных ценностей³⁵⁸.

Следующее наблюдение по существу вопроса заключается в том, что пронизанный принципом симметрии автоматизации исполнения смарт-контракт подразумевает синаллагматическую структуру, когда обязанности по передаче исключительного права противопоставляется обязанность по перечислению материального вознаграждения. В связи с этим именно двустороннее возмездное соглашение об отчуждении и должно быть положено в основу смарт-контракта. Хотя в гипотетическом преломлении не усматривается препятствий для информационно-технологического преобразования исполнения безвозмездной договорной программы сторон.

³⁵⁷ Гришаев С. П. Договор об отчуждении исключительного права и лицензионный договор в патентном праве [Электронный ресурс] // Гражданин и право. 2009. № 7 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵⁸ Луткова О. Там же.

Таким образом, конструкция смарт-контракта вполне приспособлена для транслятивного правопреемства в отношении исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности с учетом отмеченных условий и принципов практической реализации, при этом позволяя потенциально решить многолетние проблемы в сфере оборота интеллектуальных прав (возможность отчуждения долей в исключительном праве, игнорирование права следования авторов и др.).

Одновременно с этим, руководствуясь современными рыночными тенденциями, связанными с развитием финансирования реализации инновационных идей под залог нематериальных активов³⁵⁹, фокус научного внимания в контексте исследования смарт-контракта должен быть направлен и на проверку гипотезы о сочетании соответствующей договорной конструкции с традиционными залоговыми инструментами обеспечения обязательств.

Здесь первоначально следует напомнить, что основное функциональное предназначение смарт-контракта заключается в абсолютизации надлежащего исполнения гражданско-правовых обязательств, исключая субъективные возможности неисправности должника. Другими словами, если основное обязательство структурировано в исполняемый программный код, исполнение которого не зависит от текущих умунастроений сторон сделки, необходимость в правовых способах обеспечения такого исполнения стремится к нулю.

Вместе с тем, не исключена и даже вполне интересна ситуация, при которой основная сделка будет заключаться и исполняться в традиционной системе координат, не предполагающей автоматизацию исполнения, а обеспечительная сделка будет сконструирована в виде смарт-контракта. Например, кредитное финансирование предоставляется банком по классической схеме взаимодействия с заемщиком (исполнение заявок в системе дистанционного банковского обслуживания), в то время как возможное обращение взыскания на предмет залога в виде интеллектуальной собственности может быть подчинено программному

³⁵⁹ Зубов Ю. С. Актуальные тенденции развития регулирования в области патентного права в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2023. № 5 // СПС «КонсультантПлюс».

коду. Разумеется, при условии, если правопорядок не препятствует такому сценарию, что предстоит подтвердить или опровергнуть³⁶⁰ далее.

Итак, институт залога исключительных прав является правовой новеллой XXI века, который преодолел вековую траекторию от полного непризнания возможности обращения взыскания на авторское право³⁶¹ до момента поощрения государством залоговой реализации интеллектуальных ценностей. При этом важно осознавать, что в рамках современного правового регулирования предметом залога может выступать само исключительное право, как абсолютная возможность имущественного господства над творческим знанием, так и обязательственные права, возникшие у залогодателя на основании сделок по распоряжению исключительными правами. Разность указанных объектов гражданских прав предопределяет и отличия в регуляторных правилах: в силу п. 3 ст. 358.18 ГК РФ применительно к заложенному исключительному праву, в том числе в рамках смарт-контракта, действуют общие положения о залоге (ст. ст. 334 – 356 ГК РФ).

На этом основании представляется, что в смарт-залог могут быть вовлечены исключительные права на любые продукты интеллектуального труда, имеющие на основании закона транзакционные свойства. Поэтому, по общему правилу, из залогового контура выпадают только секретные изобретения, ограниченные в гражданском обороте в силу их особой специфики.

В то же время, памятуя ранее доказанные тезисы, следует учитывать, что универсальный характер смарт-контракта в отношении объектов патентного права, селекционных достижений, а также зарегистрированных программ, баз данных, топологий интегральных микросхем в государственных реестрах может быть обеспечен только при соблюдении особых условий. Поэтому, в контексте залога подобные условные мотивы усиливаются, как минимум, в два раза, поскольку

³⁶⁰ См. подробнее: Лагошин, Е. В. Смарт-залог исключительных прав: есть ли будущее у новой цифровой договорной конструкции? // Право и экономика. 2026. № 8 (462). С. 70-75.

³⁶¹ Министр юстиции Российской империи раскритиковал представленный редакционной комиссией проект постановления об авторском праве на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения, которым предлагалось предоставить кредиторам право вопреки воле авторов издавать их рукописи и предпринимать новые издания произведений. Министр указал, что именно автор является наиболее компетентным судьей в вопросе возможности тиражирования или выпуска в свет его произведения, неся нравственную ответственность перед обществом. Впоследствии указанная позиция была конвертирована в запрет принудительного взыскания в отношении авторского права в ст. 10 Закона Российской империи «Об авторском праве». См., подробнее: Александровский Ю. В. Авторское право: Закон 20 марта 1911 г.: Исторический очерк, законодательные мотивы и разъяснение, Санкт-Петербург : Т-во по изданию новых законов, 1911, С. 19.

регистрационным действиям, которые пока достаточно сложно увязать с автоматизированным режимом смарт-контракта, будет подвержено не только само залоговое обременение, но и переход исключительного права в случае реализации кредитором своего требования на альтернативное обеспечение по основной сделке.

При такой ориентации, очевидно, что именно объекты авторских и смежных прав более всего подходят на роль залоговых обеспечений, устанавливаемых путем развертывания смарт-контракта, поскольку динамика таких правоотношений не требует дальнейшего обращения к публичному посреднику. К примеру, исключительные монополии на цифровые музыкальные, художественные, аудиовизуальные композиции могут смело быть использованы их авторами в качестве ликвидных залоговых объектов в целях привлечения финансирования для продакшна и популяризации их творений. Это позволит креаторам (композиторам, художникам, писателям) рассчитывать на коммерческое «вдохновение» без угрозы раннего отчуждения всех прав на новые, не известные широкой публике, произведения в пользу финансово обогащенных мейджоров³⁶². Итог – если не абсолютная справедливость в отношении ожиданий творцов, то, как минимум, соблюдение их коммерческих интересов в начале творческого пути³⁶³.

Главное, основываясь на правовых выводах Пленума высшей судебной инстанции, изложенных в п. 46 постановления от 23.04.2019 № 10³⁶⁴, в явном виде определить применительно к токену, выступающему ключом к залогу, что является предметом залогового обременения в рамках смарт-контракта – исключительное право на результат интеллектуальных достижений либо право использования такого результата в предусмотренных сторонами пределах. Дело в том, что залогодатель исключительного права находится в преимущественном положении, позволяющим в период акцессорной связи не только использовать объект залога, но и распоряжаться исключительным правом, например, выдавая эксклюзивные

³⁶² До сих пор отечественная судебная практика подкрепляется решениями, связанными с отчуждением в начале 2000-х годов известными композиторами и авторами своих произведений за символическое вознаграждение в пользу продюсерских центров. См., например: Суды подтвердили отсутствие у лейбла «Джем» прав на песни «Технологии» [Электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/20250916/prava-2042203439.html> (дата обращения: 17.09.2025).

³⁶³ Будник Р. А. Указ. соч. С. 598.

³⁶⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

или простые лицензии на эксплуатацию творческой идеи, если, конечно, распорядительная опция не будет заблокирована договорным усмотрением сторон.

В то же время, как подчеркивал Л. А. Кассо в обоснование облигаторного свойства залогового права в противовес воззрениям романистов о его вещно-правовом статусе, не пользование объектом является основной целью залога, а «получение известного размера его стоимости», что в свою очередь влечет безусловное прекращение самого залогового права³⁶⁵.

Поэтому ключевая целевая установка соотнесения смарт-контракта с залоговым обременением нематериальных активов простирается именно в плоскости поиска ответа на вопрос о возможности получения финансового возмездия из стоимости предмета цифрового залога путем автоматизированного исполнения условий обеспечительной смарт-сделки.

Практическая сложность такой опции заключается в том, что удовлетворению интереса залогодержателя в случае неисполнения залогодателем-должником обеспечиваемого обязательства предшествует трехступенчатый механизм реализации им залогового права, состоящий из обращения взыскания на заложенный актив, реализации предмета обременения и получения возмещения, исходя из его стоимостной оценки³⁶⁶. Как известно, базовым вариантом обращения взыскания на заложенные интеллектуальные права является судебное производство, процессуальным итогом которого является решение, позволяющее инициировать дальнейшую реализацию имущества должника с публичных торгов.

Между тем, уже в рамках судебного механизма обращения взыскания разрешению подлежит комплекс материально-правовых и процессуальных вопросов, объективно не способствующий оперативному удовлетворению интересов залогодержателя. Здесь – и установление факта неисполнения или ненадлежащего исполнения основного обязательства, и оценка соразмерности требований залогодержателя применительно к стоимости имущества, и решение дальнейшей юридической, а иногда и фактической судьбы предмета залога.

³⁶⁵ Кассо Л. А. Понятие о залоге в современном праве : Исслед. Л. Кассо. Юрьев : тип. К. Маттисена, 1898. С. 2-3.

³⁶⁶ Бочарникова К. В. О расширительном толковании условий, исключающих обращение взыскания на предмет залога [Электронный ресурс] // Хозяйство и право. – 2022. – № 1 // СПС «КонсультантПлюс.

Последующее исполнение данного решения путем принудительной реализации с публичных торгов также сопряжено с колоссальными временными издержками: период действий по оценке и монетизации имущественных активов «с молотка» исчисляется месяцами, а порой и годами³⁶⁷.

Однако, проблематика здесь не только и не столько в продолжительных сроках – сама идея смарт-контракта, основанная на принципах антропологической нейтральности и децентрализации источника истины, следует вразрез с вовлечением в обязательственную программу сторон так называемых посредников. Если достижение основного правового эффекта по сделке требует вмешательства или содействия третьих лиц, пусть даже выполняющих публично значимые полномочия (суд, праворегистрирующие органы власти, нотариус и т.п.), то смарт-контракт лишается своего генерального преимущества - не сможет обеспечить цифровой автоматизм тех или иных распорядительных транзакций между лицами. Иными словами, нет смысла отдавать предпочтение цифровому договорному механизму, если его реализация будет осуществляться традиционным порядком.

С учетом изложенного развилка выбора правового способа реализации залогового права в рамках смарт-контракта должна быть пройдена в пользу внесудебного порядка обращения взыскания. К сожалению, диспозитивное устранение вмешательства суда в исход залогового правоотношения имеет объективные пределы, обусловленные защитой социально значимых интересов. В частности, в контексте интеллектуальной собственности судебное взыскание является обязательным, если на чаше залоговых весов находятся объекты, имеющие значительную историческую, художественную или иную культурную ценность для общества (оригинальные работы известных живописцев, скульпторов, композиторов, писателей и т.д.). Но разумно предположить, что количество подобных случаев находится в границах математической погрешности.

В то же время, палитра инструментов внесудебного обращения взыскания на залоговые объекты не является однородной. В одних случаях имплементация решений залогодержателя зависит от воли третьих лиц (при совершении

³⁶⁷ Орлова М. А., Мартынов О. В., Новиков С. А. Практические проблемы определения начальной продажной цены предмета залога на стадии обращения взыскания // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 3(210). С. 83.

исполнительной надписи нотариуса или последующем проведении торгов), в других – достаточно договоренности сторон (оставление предмета залога за кредитором).

Традиционно, в разрезе внесудебной системы обращения взыскания практика делового оборота предпочитает прибегать к исполнительной надписи нотариуса для удостоверения факта неисправности должника-залогодателя и запуска процедуры реализации его имущества, являющегося предметом залогового обременения. При этом не исключается вмешательство судебных органов на любой стадии в качестве резервной инстанции³⁶⁸.

И все же, как следствие изложенных выше причин, приведенное внесудебное развитие событий с участием нотариуса также не может быть положено в основу смарт-контракта, нацеленного на автоматизацию двусторонней обязательственной программы сторон сделки без участия внешних сил. Дополнительно к этому, соблюдение формальной стороны вопроса в виде обязательного нотариального удостоверения соглашения о залоге (п. 6 ст. 349 ГК РФ) является красной линией на пути к приведению смарт-залога в гражданско-правовое исполнение.

Гипотетически, конечно, можно соотнести договорную конструкцию смарт-контракта с возможностью внесудебной реализации исключительного права на основании п. 1 ст. 350.1 ГК РФ на цифровых торгах, выбор которых должен быть предварительно утвержден участниками залогового правоотношения. К примеру, информационная платформа IPEx позиционирует себя как биржевой конструктор интеллектуальной собственности, а информация обо всех сделках на данной онлайн-бирже отражается в общественно-государственной блокчейн-инфраструктуре управления интеллектуальными правами «сеть РЦИС.РФ»³⁶⁹. Поэтому в теории - взаимная интеграция (по протоколу API или в ином порядке) информационной системы развертывания смарт-залога с цифровой торговой площадкой в силах обеспечить воплощение в жизнь сложного сценария залоговой связи, начиная от факта установления обременения и заканчивая проведением

³⁶⁸ Соменков С. А. Об обращении взыскания на предмет залога // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 5. С. 23-24.

³⁶⁹ IPEx [Электронный ресурс] // <https://ipex.ru> (дата обращения: 22.09.2025).

окончательных расчетов между сторонами обеспечительной сделки после положительного завершения цифровых публичных торгов.

Тем не менее, рассуждая с позиций разумного реализма, приходится констатировать текущую неготовность информационно-технологической инфраструктуры для синхронизации смарт-контракта, опосредующего формализацию залогового статуса в отношении интеллектуальных прав, и цифровых площадок для их публичной реализации в качестве безупречного стандарта достижения абсолютно автоматизированной динамики залогового правоотношения. В связи с этим отсутствие либо изменение волеизъявления залогодателя на любом из шагов, связанных с онлайн-продажей заложенных прав на творческие результаты, может лишить смарт-сделку транзакционной перспективы и повлечь необходимость использования привычных гражданско-правовых способов урегулирования имущественных разногласий.

С учетом приведенных рассуждений и следуя остаточному принципу, единственно оптимальным вариантом оформления и развития цифровой акцессорной связи следует расценивать смарт-зalog, стороны которого пришли к соглашению об обращении предмета залога в собственность залогодержателя в случае дефолта должника (*lex commissoria*). Крайне любопытно, что в этом контексте смарт-зalog оказался побратим с древнерусским залогом – как отмечали классики дореволюционной цивилистики Л. А. Кассо и Д. И. Мейер, право залогодержателя присвоить имущество в собственность в случае просрочки должника стало наиболее характерной чертой каждой залоговой сделки³⁷⁰.

В отличие от древнерусского уклада современный рыночный оборот рассматривает залоговое *lex commissoria* скорее как факультативный сценарий³⁷¹. Однако, не исключено, что именно смарт-контракт и позволит дать ему «вторую жизнь», инспирированную удобством цифрового трансфера нематериальных активов. В чем же преференциальные особенности такого смарт-залога?

1. Положения о внесудебном обращении взыскания на исключительные права путем их оставления за залогодержателем могут быть в явном виде

³⁷⁰ Звоницкий А. С. О залоге по русскому праву. Киев, СПб. : Н. Я. Оглоблин, 1912. С. 93-94.

³⁷¹ Рыбалов А. О. *Lex commissoria* в современном праве [Электронный ресурс] // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2013. № 3 // СПС «КонсультантПлюс».

структурированы в программный код, исполняемый без дальнейшего волеизъявления сторон. Тогда при поступлении из внешних доверенных источников сведений о наступлении оснований для инициации смарт-контракта, от имени залогодержателя в информационной системе залогодателя-должнику направляется уведомление о начале обращения взыскания (п. 8 ст. 349 ГК РФ). Далее, не ранее чем через десять дней, если больший срок не согласован сторонами, выполняется транзакция о передаче залогодержателю токена, удостоверяющего исключительное право на соответствующую интеллектуальную ценность.

2. Основываясь на п. 7 ст. 349 ГК РФ, в обязательном порядке в смарт-залоге следует указать стоимость заложенных исключительных прав либо порядок ее исчисления. Вместе с тем, рыночная оценка стоимости интеллектуальной собственности является архисложной задачей, находящейся в фокусе внимания не только федеральных регуляторов³⁷², но и игроков кредитно-банковского сектора³⁷³. Может ли цифровизация сферы договорных залоговых правоотношений и применение смарт-контракта устранить либо снизить имеющиеся проблемы?

В первую очередь необходимо признать, что методология оценки авторских и патентных прав, как следует из современных теоретико-практических очерков, напрямую зависит от уровня технологической зрелости общественных и бизнес-процессов: затратный подход эффективен в условиях неустойчивого технологического рынка, доходный – отвечает своей задаче по мере его развития, а рыночный подход – индикатор его полной зрелости³⁷⁴.

Представляется, что применительно к отечественному рынку технологий, пронизанному доходными принципами оценки ликвидности нематериальных активов, назрела потребность в установлении отраслевых или объектных ставок и мультипликаторов для определения рыночной стоимости исключительных прав либо размера роялти. Выполнено это может быть в виде цифровой базы

³⁷² Основополагающую роль здесь играет Роспатент, разрабатывающий методические рекомендации по оценке стоимости интеллектуальной собственности, а также формирующий совместно с иными федеральными ведомствами изменения в ФСБУ. См., подробнее: Зубов Ю. С. Указ. соч.

³⁷³ Ключевым условием для предоставления кредитного «плеча» под залог интеллектуальных прав является оценка банками их ликвидности путем анализа ретроспективных данных об экономическом эффекте использования инновационных решений, что зачастую недоступно (новая разработка) либо нерелевантно рыночным значениям. См., подробнее: Мазур Н. Указ. соч.

³⁷⁴ Dong X. Types and Methods of Assessing the Value of Intellectual Property Pledge Financing // Academic Journal of Management and Social Sciences. 2023. № 5(2). P. 98.

агрегированных данных, верифицированных государством и профессиональным сообществом, а также подлежащих актуализации на периодической основе.

При таких обстоятельствах смарт-контракт станет передовым договорным инструментом, позволяющим реализовать залоговые права на интеллектуальные решения исходя из стоимости, определяемой на автоматизированной основе. Технически, программа исчислит стоимостный показатель на момент совершения передаточной транзакции в рамках *lex commissoria* по договорной формуле, расчетной основой для которой станут релевантные ставки и коэффициенты-мультипликаторы. Более того, если исчисленная стоимость заложенного исключительного права превысит размер неисполненного обязательства залогодателя, в пользу последнего будет совершен автоматический платеж в размере разницы соответствующих значений, чем будет обеспечен имущественный баланс интересов сторон залогового правоотношения, страдающий на практике³⁷⁵.

3. Принято считать, что всякая рациональная залоговая система должна быть построена на фундаментальных началах гласности³⁷⁶. По мнению Р. С. Бевзенко, эффект публичности исторически может быть достигнут в двух вариациях: путем знаковых отметок на предмете залога, доступных для восприятия третьих лиц, вступающих в отношения с залогодателем (так называемый «твердый залог») либо регистрации в специальных реестрах, открытых для любых заинтересованных³⁷⁷.

Применительно к смарт-контракту ассоциированные с уникальным токеном исключительные права без особых технических препятствий могут сопровождаться цифровой учётной меткой об имеющемся залоговом ранге. В классическом варианте способом внешней объективизации залогового статуса являются метаданные токена, доступные для внешнего пользователя системы, но не исключена и презентация соответствующей информации в виде звуковых отпечатков, водяных знаков, маркировочных кодов и других идентификационных символов артефакта - такой условно обозначаемый цифровой «твердый залог».

³⁷⁵ Кондратьев В. А. Отдельные проблемы обращения взыскания на предмет залога в судебном порядке и способы их решения [Электронный ресурс] // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1 // СПС «КонсультантПлюс.

³⁷⁶ Гантовер Л. В. Залоговое право : Объясн. к положениям гл. IV разд. I проекта вотчин. устава. Санкт-Петербург : Гос. тип., 1890. С. 5.

³⁷⁷ Бевзенко Р. С. Борьба за залог: третий этап реформы залогового права России // Вестник гражданского права. 2015. Т. 15. № 2. С. 36.

В дополнение к этому, основываясь на ранее выработанном исследовательском тезисе о практической необходимости цифровой учётной регистрации результатов творчества, роль надежного источника истины для отражения приоритета залоговой информации будут играть уже имеющиеся и формируемые децентрализованные информационные системы на базе общественно-государственной инфраструктуры верхнего уровня (сеть РЦИС.РФ). А именно, публичные сведения о залоговых транзакциях в отношении токенизированных интеллектуальных прав способны генерировать устойчивые предпосылки для осведомленности потенциального участника цифрового залогового правоотношения относительно наличия обременения.

В связи с этим, синтезированное или даже обособленное применение освещенных проекций публичности залога в рамках смарт-контракта способно вывести на качественно новый уровень реализацию залоговых правоотношений по поводу исключительных прав на продукты интеллектуального труда, особенно авторские и смежные творения. Это позволит претендовать на решение известной доктрине проблемы о непродуктивности залога нерегистрируемых объектов исключительной монополии³⁷⁸.

4. Программным алгоритмам смарт-залога может быть подвержен контроль над различными обстоятельствами, имеющими существенное значение для сторон обеспечительной сделки. В частности, если предметом залогового требования являются патентные права на изобретения или полезные модели, то в контуре интереса залогодержателя должны быть сроки их действия, а также выполнение залогодателем обязанности по поддержанию соответствующих патентов в силе³⁷⁹. Настройка исполняемого программного кода предоставит опцию по автоматической проверке ежегодной оплаты держателем патента госпошлины и по предоставлению соответствующего отчета залогодержателю.

³⁷⁸ См., например: Новосёлова Л. А., Гринь О. С. Реализация интеллектуальных прав в качестве предмета залога (процедурные аспекты) [Электронный ресурс] // Вестник гражданского процесса. 2020. № 5 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁷⁹ Клишина И. В. Заключение договора о залоге исключительного права на объекты интеллектуальной собственности // Имущественные отношения в РФ. 2013. № 4 (139). С. 98.

Учитывая с определенной долей условности изложенные позиции, правовой сферой применения смарт-контракта являются такие залоговые правоотношения сторон, где объектом являются исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, обращение взыскания на которые осуществляется во внесудебном порядке путем автоматизированного их перевода на залогодержателя в информационной системе. При этом такая трансформация поведенческого кода в программный код позволяет исключить теоретические и практические сложности реализации традиционной договорно-залоговой связи по поводу интеллектуальных активов (порядок взаимодействия сторон при внесудебном обращении взыскания, вопросы определения стоимости заложенного имущества и их соотнесения с размером неисполненных обязательств, залог на нерегистрируемые объекты авторских и смежных прав и т.п.).

В то же время в целях универсализации смарт-залога с условием *lex commissoria* и активного внедрения указанного цифрового договорного инструмента на рынке интеллектуальной собственности представляется верным законодательно расширить сферу применения такого условия в рамках исполнения смарт-контракта, не ограничивая статус залогодателя причастностью к бизнес-деятельности, как это установлено в текущей редакции п. 2 ст. 350.1 ГК РФ.

Представляется, что ранее отмеченная специфика смарт-контракта абсолютно точно сможет нивелировать риски дисбаланса имущественных ожиданий и обязательственных возможностей сторон залогового правоотношения, которые, наверняка, и стали фундаментом для принятия действующей нормы права.

§ 3.2. Предоставление права использования результатов интеллектуальной деятельности по лицензионному смарт-контракту

Практика показывает, что в большинстве случаев конвергенция децентрализованных информационных систем и интеллектуальной собственности имеет своим следствием именно построение лицензионных правоотношений по

поводу творческих и технологических достижений, права на использование которых передаются между сторонами по модели смарт-контракта. Даже рискуем предположить, что именно доктринальные рассуждения о цифровых лицензиях и задают тон в общей повестке российских и зарубежных источников, посвященной автоматизированному трансферу прав на интеллектуальные достижения.

Так, в частности, профессор Р. А. Будник совершенно обыденно описывает ситуацию, при которой заинтересованные в использовании патентных решений лица вступают своей волей в смарт-контракт с правообладателями, предлагая фиатные или цифровые денежные средства в качестве встречного вознаграждения. А программная логика смарт-контракта обеспечивает автоматизированный контроль и исполнение условий соответствующей лицензионной сделки³⁸⁰.

Или, например, страницы иностранной печати наполняются прикладным описанием различных случаев смарт-лицензионного распоряжения правами на объекты интеллектуального труда, выраженные в невзаимозаменяемых токенах³⁸¹. Безусловно, подобный научно-публицистический интерес именно к цифровым лицензионным договорам может толковаться в контексте отсутствия во многих государствах правовой возможности абсолютного отчуждения исключительного права. Однако, представляется, что это не единственная причина такого теоретического и практического внимания к использованию смарт-контракта применительно к лицензионной передаче исключительных или неисключительных правомочий по эксплуатации объектов авторского или технического творчества. Источники истинных мотивов – значительно глубже.

Как общеизвестно, теория не должна отставать от практики, а знания от умений. Поэтому далее логично напрашивается вопрос о том, действительно ли договорная конструкция смарт-контракта, облеченная в позитивную формулу благодаря статье 309 ГК РФ, может, а при наличии существенных преимуществ для участников гражданского оборота – должна использоваться для оформления и

³⁸⁰ Будник Р. А. Указ. соч. С. 603.

³⁸¹ См., например: Bamakan S. M. H., Nezhadsistani N., Bodaghi O. et al. Op.cit.; Duan Z., Feng W., Zhong W. et al. Op.cit.

реализации лицензионных обязательств в отношении результатов интеллектуальной деятельности? Либо речь идет только о новомодном технологическом явлении, лишенном праворегуляторной перспективы для участников рынка интеллектуальной собственности? Конечно, в рациональных поисках ответа на эти вопросы не обойтись без твердой цивилистической почвы относительно юридической природы лицензионных правоотношений.

Итак, в классическом понимании предмет лицензионного договора связан с предоставлением автором или иным правообладателем права использования интеллектуального продукта другому лицу с функциональными, территориальными или временными ограничениями, содержание которых определяется участниками сделки либо восполняется гражданским законом. При этом по общему правилу при лицензии не происходит стеснения исключительного права лицензиара – он по-прежнему сохраняет перспективы собственного пользования нематериальными активами в личной или коммерческой сферах.

В этой связи встречающиеся в научной литературе предложения по отнесению оборота исключительных прав к сфере правопреемства могут быть актуальны для случаев их наследования или реорганизации хозяйствующих образований³⁸², но вряд ли будут применимы для лицензионного дозволения. Ведь, как справедливо отмечал немецкий профессор римского права Б. Виндшейд, юридическое правопреемство построено на идее перехода всех или части прав предместника на личность преемника, блокируя возможность осуществления предместником переведенных в пользу другого лица правомочий³⁸³.

Разделяя и продолжая указанную линию рассуждений, далее целесообразно сфокусироваться на основных особенностях ключевых элементов лицензионного правоотношения, опосредованного заключением и исполнением смарт-контракта.

1. Субъектный состав. Как представляется, не будет заблуждением считать традиционным вариантом участие в лицензионно-правовой связи непосредственно

³⁸² Родионова О. М. Определение предмета и иных условий договора об отчуждении исключительного права // Право и экономика. 2017. № 5(351). С. 42.

³⁸³ Виндшейд Б. Учебник пандектного права: В 2 т.; пер. с нем. под ред. и с предисл. С. В. Пахмана. СПб.: Гиероглифов и Никифоров, 1874. Т. 1: Общая часть. С. 145.

автора и потенциального пользователя креативного продукта - когда музыкант, поэт, сценарист или художник своим лицензионным дозволением исключает для определенного лица действие законодательного запрета на неправомерное использование своего духовного творения, выдавая ему сепаратную привилегию.

Вместе с тем, практика делового оборота допускает различные комбинации при определении стороны договора о предоставлении права использования творческого результата. На позиции лицензиара могут быть не только лица, создавшие своими интеллектуальными усилиями произведение, но и производные носители исключительных или лицензионных прав, делегированных им на основании сделок. Место лицензиата в правоотношении, в свою очередь, может быть занято любыми субъектами, преследующими индивидуальный либо сугубо коммерческий интерес.

Смарт-контракт, воплощающий в себе лицензионный договор, в этом плане не генерирует каких-либо изъятий и исключений – носители гражданских прав публичного, корпоративного, унитарного или личностного статуса по общему правилу способны представлять субъектный состав смарт-лицензии, в том числе допуская ситуации множественности лиц на стороне лицензиара или лицензиата.

Однако, в субъектном контуре лицензионного трансфера исключительных прав зачастую встречается еще одно действующее лицо – организация по коллективному управлению авторскими и смежными правомочиями. Имеющие своим историческим началом литературные сообщества драматургов³⁸⁴, соответствующие некоммерческие образования представляют собой связующее звено между имущественными интересами креаторов и потребностями заинтересованной в эксплуатации творческого замысла публики. Иными словами, основной функционал подобных организаций складывается из сплошного или выборочного контроля за правомерным использованием произведений

³⁸⁴ Первое авторское общество - Бюро правовой защиты драматургов основано в 1777 году во Франции по инициативе Пьера Огюстена Карона де Бомарше, в то время как на отечественной почве общество драматических писателей, положившее начало системе коллективного управления правами, появилось только в 1870 году. См., подробнее: Федотов М. А. Проблемы и перспективы коллективного управления авторскими и смежными правами // Труды по интеллектуальной собственности. 2007. Т. 8. № 1. С. 5-6.

литературы, искусства или музыки в сочетании с реализацией возможностей по их рыночной монетизации в интересах правообладателей (как это делается Российским авторским обществом, Всемирной организацией интеллектуальной собственности и иными уполномоченными структурами).

С одной стороны, указанная идея выглядит вполне прогрессивной, нацеленной на достижение правореализационного равновесия на рынке интеллектуальной собственности. В то же время, в практике коллективного управления правами нельзя не замечать регулярно возникающих сложностей и споров, зачастую формирующих на самом высоком уровне государственные импульсы для правовых перемен. Так, например, одно из поручений главы государства касалось совершенствования системы сбора и распределения авторского вознаграждения в целях обеспечения прозрачности и сбалансированности финансовых платежей³⁸⁵.

Но на сегодняшний момент вряд ли следует констатировать существенный положительный сдвиг в деятельностном подходе коллективных организаций, осуществляющих совместное управление творческими полномочиями – ключевое направление по транспарентному изъятию справедливых лицензионных вознаграждений требует большего внимания, особенно, как представляется, с учетом современных цифровых достижений науки и технологий.

В частности, одним из способов повышения эффективности управленческой работы РАО и иных коллективных некоммерческих образований может выступить имплементация в их текущие операционные процессы взаимодействия с авторами, правообладателями, как правило из мира музыкальной индустрии, и бизнеса комплементарной или заместительной модели смарт-контракта.

Итак, во-первых, правовые отношения между авторами и организациями по коллективному управлению правами, как правило, начинаются с заключения договора о передаче соответствующих полномочий. Важно подчеркнуть, что правовая природа указанного гражданско-правового соглашения находится под

³⁸⁵ Масальцева А. И. Реформа коллективного управления авторским правом и смежными правами в РФ: быть или не быть? // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 3. С. 20.

прицелом длительной доктринальной полемики, следуя по пути отнесения его к разновидности посреднических договоров (В. А. Дозорцев³⁸⁶, Е. А. Суханов³⁸⁷) либо договора доверительного управления имуществом (Э. П. Гаврилов³⁸⁸), или, наконец, к смешанной договорной форме³⁸⁹.

Сущностно не вдаваясь в указанную дискуссию, следует только заметить возникновение на основании указанного договора денежных обязательств организаций по коллективному управлению правами в пользу авторов или правообладателей, исполнение которых возможно довести до цифрового автоматизма путем программируемого смарт-контракта. Это позволит повысить финансовую дисциплину и гарантировать надлежащее исполнение платежей.

Во-вторых, в исполняемый программный код смарт-контракта может быть преобразована и обязательственная программа традиционных лицензионных соглашений или договоров о выплате вознаграждения, заключаемых коллективными управляющими с пользователями объектов творчества. Такая цифровая трансформация денежных обещаний позволит достигнуть неизбежный характер совершаемых финансовых транзакций – по крайней мере, не зависящий от текущего волеизъявления инициатора соответствующего платежа.

И, в-третьих, автоматизированный потенциал смарт-контракта допускает осуществление на принципах условной логики (если – то) технологической интеграции обязательственных действий сторон лицензионного договора (договора о выплате вознаграждения) и договора о передаче полномочий таким образом, чтобы обеспечить оперативный, прозрачный и справедливый сбор и распределение причитающихся авторских платежей в интересах носителей исключительных прав, что существенно укрепит роль организаций по коллективному управлению правами в удовлетворении материальных интересов творческих деятелей.

³⁸⁶ Дозорцев В. А. Указ. соч. С. 343.

³⁸⁷ Суханов Е. А. Договор доверительного управления имуществом [Электронный ресурс] // Вестник ВАС РФ. № 1. 2000 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁸⁸ Гаврилов Э. П. Комментарий к закону об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс]; изд. четвертое, перераб. и доп. // СПС «КонсультантПлюс».

³⁸⁹ Семенникова Н. Сущность и правовая природа договора коллективного управления авторскими и смежными правами // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2018. № 11. С. 56.

Вместе с тем, несмотря на освещенные преимущества внедрения смарт-контракта в договорную практику коллективных гильдий по управлению интеллектуальными правами, сама постановка ситуации выглядит дихотомической дилеммой. Дело здесь в том, что сущностная идея появления и функционирования смарт-контракта основана на принципах исключения любых посредников в цепочке правовой связи участников гражданского оборота.

Как следствие, в поисках децентрализованного источника истины, не зависящего от волевых интенций третьих лиц, стороны прибегают к объективному информационно-технологическому решению, облеченному в программируемый код смарт-сделки. Поэтому целевая задача указанной цифровой договорной конструкции – устранить вмешательство посреднических инстанций или, как минимум, сделать их участие в правоотношении исключительной опцией³⁹⁰.

Теперь от теории к практике: блокчейн - проекты «Ujo» и «PeerTracks» предоставляют возможность непосредственно авторам загружать музыкальные композиции, каждая из которых связывается с конкретным смарт-контрактом, посредством которого осуществляется прямая лицензионная передача прав на воспроизведение пользователям и ответное получение авторских выплат без баснословных комиссионных удержаний посредников. При этом технология позволяет распределить творческую роль и долевое вознаграждение всех соавторов, что особенно актуально для музыкальной индустрии³⁹¹ (в редких случаях песня представляет собой творческий продукт одного лица, обычно в ее создании участвует композитор, автор текста, саунд-дизайнер и другие лица).

Таким образом, подобные технологические возможности ставят перед творческими коллекторскими организациями экзистенциальный вопрос, обусловленный эволюционной стагнацией системы внешнего управления правами под натиском цифровых способов персонального администрирования авторских платежей. Представляется, что данный тренд имеет глобальное распространение.

³⁹⁰ Гармашев М. А. Смарт-контракт как договор. Виды, способы заключения и совершения, проблемы исполнения // Правовое регулирование экономической деятельности. 2023. № 2 (8). С. 85.

³⁹¹ Morabito V. Business Innovation Through Blockchain. The B³ Perspective. – Cham : Springer International Publishing AG, 2017. P. 106.

Интересно, что в некоторых случаях организации по коллективному управлению правами сами переходят на цифровые площадки, позволяющие автоматизировать лицензионные правоотношения музыкантов и пользователей.

Так, музыкальный блокчейн-стартап «Revelator», работающий со службой распознавания музыки «ВМАТ», используется финским музыкальным коллекторским обществом «Teosto». При этом архитектура смарт-контрактов развернута непосредственно на блокчейн-платформе «Revelator», куда каждые 2 часа поступают результаты распознавания музыки, воспроизводимой на различных сервисах, по алгоритмам идентификации системы «ВМАТ». Далее площадка «Revelator» обеспечивает адресные транзакции в пользу правообладателей или финского общества «Teosto» в виде токенов, которые могут быть конвертированы в национальную валюту. Отмечается, что данная система позволяет производить платежи за публичное исполнение музыкальных произведений практически в режиме реального времени вместо обычной ежеквартальной схемы выплат³⁹².

Учитывая изложенное, лицензионный оборот прав использования продуктов творческих усилий на основе договорной конструкции смарт-контракта позволяет, как минимум, существенно оптимизировать деятельность организаций по коллективному управлению исключительными правомочиями, а, как максимум, в долгосрочной перспективе исключить институциональных посредников из контура взаимоотношений деятелей творчества и потребителей контента, делегируя бизнес-процессы по сбору и распределению роялти информационно-программной среде.

2. Объект правоотношения. В первую очередь, дабы не вовлекаться в обширную и, вместе с тем, крайне интересную многолетнюю научно-теоретическую дискуссию относительно понятия объекта гражданско-правовых отношений³⁹³, в рамках настоящего исследования признаем, что лицензионное правоотношение возникает по поводу исключительного имущественного права, а именно - его структурных элементов, содержание и пределы осуществления

³⁹² Hauck R. Blockchain, smart contracts and intellectual property. Using distributed ledger technology to protect, license and enforce intellectual property rights // Legal Issues in the Digital Age. 2021. № 1. P. 36.

³⁹³ См., например: Яковлев А. С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений. Теория и практика : монография. Москва : Ось-89, 2005. 191 с.

которых определяются договорным усмотрением сторон. В этом смысле необходимо поставить дальнейшей знак равенства между объектом лицензионного правоотношения и объектом лицензионного распоряжения.

С учетом изложенного, основываясь на ранее выработанных тезисах применительно к специфике объекта отчуждения по договорной модели смарт-контракта, следует проанализировать и векторно обозначить основные аспекты, характерные для объекта смарт-лицензии.

А) Ключевым средством цифровой объективизации имущественных прав для целей реализации смарт-контракта является уникальный токен, который должен содержать недвусмысленную информацию об искомом приобретателе нематериального блага – результате творческого созидания (в том числе со ссылкой на цифровой идентификатор в системе блокчейн), а также о конкретных способах его использования. Для этого целесообразно придерживаться следующих правил:

- чтобы исключить передачу лицензиату «голового» токенизированного права, виртуальной учетной репрезентации следует подвергнуть и сам аналоговый или цифровой экземпляр лицензионных творческих либо технологических достижений (музыкального трека, видеоролика, трехмерной модели промышленной разработки или исходного кода программного обеспечения). Юридическая и техническая привязка произведений к передаваемому токenu поможет реализовать целевую установку по расширению возможности его использования, в том числе посредством свободных (открытых) лицензий, с соблюдением прав авторов в бесконечной цепочке пользователей³⁹⁴;

- метаданным токена отводится роль информационного контейнера, содержащего перечень конкретных правомочий по использованию креативного продукта. Такой перечень может быть следствием взаимного волеизъявления сторон или результатом одностороннего выбора, как например при формулировании условий открытой лицензии. При этом для содержательного наполнения лицензионных действий можно воспользоваться нормативно-правовой

³⁹⁴ Нагорская В. К вопросу о совместимости свободных (открытых) лицензий и возможности их использования в технологии Blockchain. С. 51.

подсказкой, предусмотренной ч. 2 ст. 1270 ГК РФ, или дополнить их необходимыми вариантами эксплуатации творческого замысла, что особенно актуально для современной палитры средств и сред распространения интеллектуальных творений. Более того, не исключена правовая и техническая вариация ограничения распорядительной активности лицензиара, что позволяет не делать исключений в использовании смарт-контракта для разных видов лицензии (простой или исключительной).

Иными словами, особенность лицензионной сделки, осуществляемой в виде программного исполнения смарт-контракта, заключается в индикации ее существенных условий в уникальном токене. Вместе с тем, памятуя необходимость конвертации бинарного кода смарт-контракта в понятное для человеческого восприятия содержание сделки в качестве одного из условий соблюдения письменной формы лицензионного соглашения, в обязательном порядке следует дублировать указанные условия в «теле» самого смарт-контракта, разворачиваемого в децентрализованный информационный системе, не полагаясь только на метаданные токена.

Б) Как ранее было отмечено, требование об обязательной госрегистрации распоряжения исключительным правом несколько усложняет перспективы достижения автоматизированного правового эффекта в рамках смарт-контракта. Это касается результатов интеллектуального труда, подлежащих публичному регистрационному учету как в императивном, так и в диспозитивном порядке.

Вместе с тем, позиция законодателя, отраженная в ч. 5 ст. 1262 ГК РФ, исключает необходимость государственной регистрации делегирования права использования программных продуктов и баз данных на основании лицензионных или сублицензионных соглашений, что позволяет причислить указанные нематериальные активы к безусловным объектам прав по смарт-лицензии - в отличие от тех же смарт-контрактов по отчуждению исключительных прав на них.

Для возможности реализации смарт-лицензии в отношении иных регистрируемых результатов интеллектуальной сферы действуют аналогичные правила, как при автоматизированном отчуждении исключительной монополии. В

частности, в качестве системного решения предполагается информационно-технологическая интеграция систем, на базе которых развёртываются смарт-контракты, с интерактивными сервисами Роспатента, посредством которых осуществляется прием, учет и рассмотрение заявлений на регистрацию распоряжений по лицензионным сделкам.

Знаковым событием в этом направлении послужила взаимная интеграция контент-маркета IPЕХ, являющегося биржевой платформой для лицензионного предоставления интеллектуальных правомочий, и правоучетной информационной системы Роспатента. Результатом такого технологического взаимодействия стала автоматизированная регистрация цифрового трансфера «портфеля прав», включающего как охраняемые авторскими правами объекты (архитектурно-инженерные чертежи), так и запатентованные решения (конструкция кровли): размещенные в блокчейн - сети РЦИС.РФ сведения о лицензионном договоре автоматически переданы в систему документооборота патентной службы³⁹⁵.

Важно подчеркнуть, что подобная опция позволит также сократить в кратном измерении продолжительность административных процедур, связанных с регистрационным учетом цифрового перехода прав на инновационные достижения, в угоду всем участникам рынка интеллектуальной собственности. В мире, где в отдельных развивающихся государствах срок установления изобретательского приоритета все еще составляет от 4 до 6 лет (как в Индии)³⁹⁶, такая перспектива имеет поистине прорывное значение.

Единственное, для универсализации смарт-лицензии с высокой долей реализма хочется рассчитывать на масштабирование отмеченной инициативы на иные информационные сегменты (помимо IPЕХ), являющиеся инфраструктурным ядром для заключения и реализации смарт-контрактов.

³⁹⁵ РЦИС и Роспатент зарегистрировали первую в России цифровую сделку с патентом [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/30-09-2025-rcis-i-rospatent-zaregistrirovali-pervuyu-v-rossii-cifrovuyu-sdelku-s-patentom>. (дата обращения: 29.10.2025).

³⁹⁶ Chandratre A., Pathak A. Blockchain Based Intellectual Property Management [Электронный ресурс] / URL: <https://ssrn.com/abstract=3800734>.

В противном случае – при отказе какой-либо стороны в подаче совместного заявления для завершения лицензионного правоотношения по поводу патентных прав потребуются направление в традиционном порядке одной из сторон смарт-контракта заявления в Роспатент с приложением письменного экземпляра электронного договора для государственной регистрации соответствующего автоматизированного лицензионного дозволения. Главное, чтобы указанное соглашение содержало набор обязательных и желательно факультативных сведений, предусмотренных абз. 11-15 п. 3 ст. 1232 ГК РФ.

Таким образом, заключение и исполнение смарт-лицензии возможно в отношении: объектов авторских и смежных прав, программного обеспечения для ЭВМ и баз данных; зарегистрированных в уполномоченном органе в обязательном или добровольном порядке объектов патентного права, селекционных достижений и топологий интегральных микросхем - в случае наличия возможности автоматизированной передачи заявления в Роспатент или Министерство сельского хозяйства Российской Федерации для регистрации предоставления прав использования лицензиату либо направления одной из сторон смарт-контракта соответствующего заявления с приложением письменного экземпляра договора.

3. Содержание правоотношения. Основная функция технологии, лежащей в основе смарт-контрактов, заключается в программной формализации обязательств сторон и цифровом мониторинге их исполнения.

В контексте лицензионной кооперации основные права и обязанности участников сделки связаны с передачей лицензиату на ограниченных условиях мандата на использование творческих артефактов и с корреспондирующей этому возможностью получения лицензиаром материального вознаграждения. Не усматривается никаких сомнений в наличии у такой обязательственной программы транзакционной перспективы – и передача удостоверенного уникальным токеном права в связке с цифровым экземпляром произведения, и совершение денежных платежей однозначно укладываются в цифровую плоскость смарт-контракта, делая указанные обязательственные действия автоматически детерминированными.

На этом основании в современных литературных источниках приводятся свидетельства практических случаев имплементации смарт-технологии для лицензионного управления интеллектуальной собственностью в различных социально-экономических сферах. Так, например, положительное признание получило использование смарт-контрактов для цифрового оборота интеллектуальных прав на фотографические произведения (KodakOne), для отслеживания и распределения прав на фармацевтическую продукцию (Cronicled) и даже для обеспечения продовольственной безопасности в цепочке поставок (IBM Food Trust Network)³⁹⁷.

Между тем, для авторского контроля за использованием своих духовных творений, а также с учетом дифференциации форм лицензионного вознаграждения (единовременный платеж, постоянные или переменные роялти, иные), некоторые из которых привязаны к обстоятельствам такого использования, одним из ключевых обязанностей в содержании лицензионного правоотношения выступает представление лицензиатом отчетности о своих пользовательских действиях.

Однако, в теоретической и практической плоскости отмечаются сложности в традиционном осуществлении указанного отчетного должностования лицензиата и, как следствие, ответных контрольных полномочий лицензиара.

Так, исследователем-практиком А. В. Таболиным скептически оценивается эффективность текущих процессов сбора отчетной информации о лицензиатах и контроля за соблюдением условий их доступа к объектам интеллектуальной собственности, в особенности, когда речь ведется о производителе программных продуктов, имеющем огромный пул лицензионных пользователей³⁹⁸.

Кроме того, в Суд по интеллектуальным правам на регулярной основе попадают на пересмотр судебные дела, посвященные игнорированию лицензиатами предусмотренной законом и договором обязанности по

³⁹⁷ Raj P. Leveraging Smart Contracts for Fair and Transparent Intellectual Property Transactions on Block Chain // Kashmir Journal of Legal Studies. 2024. № 1. P. 267.

³⁹⁸ Таболин А. В. Правовое регулирование интеллектуальной собственности: проблемы лицензионных договоров [Электронный ресурс] // Юридический мир. 2014. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

периодическому предоставлению отчетов о пользовании объектами творчества³⁹⁹, которые в отдельных случаях являются экономической базой для расчета роялти.

Какое влияние на подобную проблему может оказать смарт-контракт?

Во-первых, автоматизированное лицензионное соглашение устраним корреляционную связь между направлением отчетов и получением справедливого авторского вознаграждения, в том числе в тех случаях, когда последнее имеет переменное значение, обусловленное достижением каких-либо экономических показателей (фиксация определенного объема выручки, количества последующих пользователей цифрового контента либо доли охвата условленного географического или товарного рынка). Расчет лицензионных платежей будет делегирован сторонами правоотношения информационно-программной системе, которая обеспечит алгоритмические транзакции, а условием для них могут быть и объективные входные экономические данные без документальных отчетных форм.

Не лишним, как подчеркивалось ранее, будет и установление отраслевых или объектных ставок и мультипликаторов для определения рыночного размера роялти для типовых лицензионных соглашений.

Во-вторых, смарт-лицензия, опосредующая передачу токенизированных исключительных правомочий, способна к самоконтролю, суть которого заключается в технологическом мониторинге условий потребления интеллектуального продукта. Например, в индустрии программного обеспечения смарт-контракт в состоянии отслеживать количество активных пользователей лицензированного приложения и инициировать выплаты роялти лицензиару после достижения заранее установленных пороговых значений (как это применяется в компаниях IBM и Microsoft). Аналогичным образом, в секторе развлечений смарт-контракты выступают инструментом для автоматизированной выплаты артистам и

³⁹⁹ См., например: Постановление Суда по интеллектуальным правам Российской Федерации от 07.12.2022 № С01-2163/2022 по делу № А40-28385/2022 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Суда по интеллектуальным правам Российской Федерации от 09.01.2023 № С01-1751/2021 по делу № А40-187843/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Суда по интеллектуальным правам Российской Федерации от 09.09.2024 № С01-1150/2024 по делу № А40-165672/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

креаторам на основе показателей потоковой передачи музыки или видеороликов, гарантируя справедливое и оперативное распределение авторских отчислений⁴⁰⁰.

В свете изложенного обличие лицензионного договора в конструкцию смарт-контракта позволит не только автоматизировать реализацию основных прав и исполнение ключевых обязанностей сторон, но и существенно модернизировать их содержание и логику применения, обеспечивая дополнительные гарантии баланса имущественных ожиданий участников рынка нематериальных активов.

Отдавая положительную дань подобной тенденции, в доктрине указывается на предпочтительность нормативного регулирования цифровых правореализационных процессов в лицензионном общественном отношении. К примеру, А. В. Захаркина и Е. Ю. Мартянова настаивают на корректировке действующих норм, связанной с возможностью предоставления отчетов по смарт-лицензии (п. 1 ст. 1237 ГК РФ) и реализации секундарного права на одностороннее расторжение контракта (п. 4 ст. 1237 ГК РФ) посредством информационных технологий⁴⁰¹. Опция цифрового отчета лицензиата по использованию творческого или инновационного продукта закладывалась в законопроект Министерства экономического развития России⁴⁰², так и не внесенного, к сожалению, на рассмотрение в нижнюю палату парламента Российской Федерации.

В свое время известным цивилистом Е. В. Васьковским подчеркивалось, что всякому поступательному движению можно содействовать тремя способами: советом, примером или правилом⁴⁰³. Поэтому, безусловно, формирование юридической почвы под цифровыми технологическими процессами позволит обеспечить высокую эффективность цифрового оборота интеллектуальных прав и

⁴⁰⁰ Nkechi A., Mbah G. Smart Contracts, Artificial Intelligence and Intellectual Property: Transforming Licensing Agreements in the Tech Industry // International Journal of Research Publication and Reviews. 2024. Vol. 5. № 12. P. 320.

⁴⁰¹ Захаркина А. В., Мартянова Е. Ю. Смарт-лицензия: гражданско-правовая характеристика договора [Электронный ресурс] // Право и экономика. 2020. № 11 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁰² О внесении изменений в ч. 4 ГК РФ в части совершенствования регулирования распоряжения правами на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации с использованием информационных систем": проект Федерального закона (подготовлен Минэкономразвития России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 09.01.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁰³ Васьковский Е. В. Цивилистическая методология : Ч. 1. Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса : "Экон." тип., 1901. 376 с. Предисловие.

даст новый импульс для выбора смарт-контракта в качестве передового договорного инструмента.

Вместе с тем, несмотря на отсутствие прямых норм в предлагаемой коллегами редакции, вряд ли можно констатировать наличие правового пробела при регулировании рассматриваемых вопросов, поскольку правовой режим интеллектуальной собственности, наиболее подверженной социальной и экономической модернизации, основан, как видится, на ультрадиспозитивных началах. Соответственно, основной регулятивный базис цифровых сделок по распоряжению исключительными правами заложен общими подходами к правовой регламентации договоров и обязательств из них, разумеется, с учетом специфики нематериальных имущественных объектов. Это означает отсутствие политико-правовых препятствий к текущему развитию цифровой динамики лицензионных связей субъектов гражданских прав, сопряженных с реализацией ими прав и обязанностей в информационно-технологической среде.

Проанализировав основные элементы лицензионного правоотношения и выделив их специфические особенности при заключении и исполнении смарт-контракта, для теоретико-прикладных целей полагается рациональным объединить их под новым договорным термином – смарт-лицензия. Под ней следует понимать электронное соглашение, по которому осуществляется программно детерминированная автоматизированная передача удостоверенных уникальным токеном прав использования результатов интеллектуальной деятельности и цифровых экземпляров их воплощения (либо предоставления условий для электронного доступа к ним) в предусмотренных договором и токеном пределах.

Выбор сторонами смарт-лицензии для договорного распоряжения исключительными правомочиями позволяет рассчитывать им на абсолютно надлежащее исполнение согласованной обязательственной программы и оперативное достижение материальной и духовной удовлетворенности результатами соответствующей лицензионной сделки. Кратно сокращая административные и транзакционные издержки, а также укрепляя контур доверия между контрагентами, новые технологические возможности по

автоматизированному обороту интеллектуальных прав позволяют творческим созидателям сосредоточиться на новых идеях, а правообладателям – на максимизации коммерческой ценности своей интеллектуальной собственности.

Наряду с этим, учитывая сложный для практического восприятия механизм создания и развертывания смарт-контракта, целесообразно сделать выбор в пользу стандартизации условий смарт-лицензий на базе различных сервисов и платформ (начиная от экосистемы банковских структур и заканчивая многочисленными контент-биржами). Интересанту, не погруженному в основы программирования, достаточно будет посредством инструментов пользовательского интерфейса выбрать искомый творческий объект и существенные условия его использования. Далее блокчейн - инфраструктура иницирует программную логику смарт-контракта и дальнейшую реализацию ожиданий лицензиата.

А рассуждая в терминах и условиях глобализации рынка интеллектуальной собственности, смарт-лицензия может стать ключевым способом построения международных стандартов автоматизированного лицензирования интеллектуальных достижений, обеспечив высокий уровень прозрачности финансовых потоков, о чем неоднократно декларируется в зарубежных источниках⁴⁰⁴.

§ 3.3. Применение смарт-контракта к иным договорным способам распоряжения исключительными правами

В классическом понимании распорядительная власть автора и иного правообладателя в отношении собственных прав на результаты интеллектуальной работы реализуется двумя основными способами – путем их бесповоротного отчуждения (договор отчуждения) либо частичного предоставления правомочий в заранее оговоренных пределах (лицензионный договор). Вместе с тем, динамично

⁴⁰⁴ См., например: Bodo B., Gervais D., Quintais J. Blockchain and smart contracts: the missing link in copyright licensing? // International Journal of Law and Information Technology. 2018. № 26. P. 316, 330, 336; Nkechi A., Mbah G. Op.cit. P. 319.

развивающиеся условия гражданского оборота вызывают к жизни новые договорные формы, посредством которых возможен целевой трансфер исключительных прав.

Одним из таких договоров является коммерческая концессия, получившая законодательное признание только в 1996 году с принятием части второй Гражданского кодекса Российской Федерации, хотя экономические предпосылки концессионного расширения отечественного бизнеса начали появляться уже к началу 90-х годов прошлого столетия⁴⁰⁵.

Несмотря на то, что с момента введения в правовое пространство указанного института гражданского права прошло более 30 лет, теоретические споры относительно его правовой природы, а также соотношения со смежными договорными институтами не имеют завершенного состояния. Так, одними исследователями франчайзинг по совокупности признаков объявляется самостоятельным договорным видом, другими - полагается правильным признавать его разновидностью устоявшихся договорных конструкций (лицензионного договора, договора оказания услуг, договора по передаче объектов гражданских прав в пользование и т.д.)⁴⁰⁶.

Учитывая методологические цели настоящего исследования, досконально погружаться в указанную дискуссию не представляется необходимым. В то же время достижение истины в вопросе о соотносимости смарт-контракта с концессионным распоряжением исключительными правами невозможно без юридического представления о договоре франчайзинга. Недаром профессор Д. Д. Grimm подчеркивал в качестве первоосновы необходимость определения юридической характеристики правового явления путем установления постоянной комбинации его однородных признаков⁴⁰⁷.

⁴⁰⁵ Еремин А. А. История становления и развития правового регулирования договора коммерческой концессии в России [Электронный ресурс] // История государства и права. 2015. № 2 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁰⁶ См.: Формакидов Д. А. Договор коммерческой концессии: правовая природа и существенные условия [Электронный ресурс] // Российский юридический журнал. 2023. № 5 (152) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁰⁷ Grimm Д. Д. Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права : Прологомены к общ. теории гражд. права. Санкт-Петербург : скл. изд. в кн. маг. тип. М.М. Стасюлевича, 1900. Т. 1. С. 8 - 9.

Итак, следуя толкованию легальной дефиниции договора коммерческой концессии (п. 1 ст. 1027 ГК РФ), очевиден вывод, что основной элемент предмета договора связан с возмездной трансляцией для предпринимательских целей права использования комплекса исключительных прав на средства индивидуализации товаров, работ, услуг или бизнеса, а также на любые интеллектуальные артефакты. Подобный юридический состав не может не вызывать справедливую ассоциацию с лицензионным договором, чем и руководствуются сторонники причисления коммерческой концессии к разновидности лицензионного соглашения⁴⁰⁸.

Возможно, генетическая связь между рассматриваемыми договорными видами имеет историко-эволюционные корни⁴⁰⁹ - по крайней мере, в отечественном гражданском правопорядке юридическая характеристика франчайзинга явно опирается на лицензионный способ распоряжения исключительными правами.

В этой связи можно было бы поставить точку в дальнейших изысканиях и применить выработанные для смарт-лицензии правила к договору коммерческой концессии. Однако, даже из исторической ретроспективы⁴¹⁰ понятно, что франчайзинг представляет собой более сложную юридическую комбинацию, фундаментом которой является координация предпринимательских усилий.

Некоторые правоведы полагают, что демаркационная линия между лицензионным и франчайзинговым соглашением проходит через специфику объекта правоотношения. Так, например, Ю. А. Демедюк, опираясь на позицию профессора Е. А. Суханова, рассуждает, что в отличие от лицензии коммерческая концессия наделяет заинтересованное лицо правомочиями по использованию сразу нескольких объектов интеллектуальных прав⁴¹¹.

⁴⁰⁸ См., например: Городов О. А. Право на средства индивидуализации: товарные знаки, знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров, фирменные наименования, коммерческие обозначения : учебно-практическое издание. Москва : Волтерс Клувер, 2006. С. 220.

⁴⁰⁹ Юрицин А. А. Франчайзинг и договор коммерческой концессии: итоги и перспективы правового регулирования монография. Москва : Юстицинформ, 2018. С. 113.

⁴¹⁰ Создание франчайзинговой системы связано с развитием фирмы Исаака Зингера, организовавшей массовое серийное производство швейных машин, но при этом не предоставляющей сервисных услуг. В итоге – заинтересованные компании получили исключительное право не только на продажу, но и на обслуживание швейных машин, что позволило существенно расширить рынки сбыта. Подробнее: Марченко М. Ю. Договор коммерческой концессии: понятие и правовые основы // Вестник магистратуры. 2014. № 4-3(31). С. 66.

⁴¹¹ Демедюк Ю. А. Договор коммерческой концессии и лицензионный договор: сравнительный анализ [Электронный ресурс] // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2024. № 4. С. 60-63 // СПС «КонсультантПлюс».

Однако, в порядке возражения, закон не запрещает единовременное предоставление в рамках лицензионного дозволения прав использования на множественность результатов интеллектуальной деятельности. Более того, практика заключения лицензионных соглашений зачастую демонстрирует именно «портфельную» передачу исключительных правомочий одновременно в отношении нескольких взаимосвязанных интеллектуальных объектов (к примеру, программного обеспечения, конструкторской и программной документации).

Не усматривается оснований согласиться и с тем, что лицензионный договор в противовес франчайзинговому соглашению не накладывает никаких ограничений для лицензиата, а его деятельность не подчинена контролю со стороны правообладателя⁴¹². Дело в том, что само лицензионное распоряжение в отличие от отчуждения предполагает пределы реализации пользователем исключительных правомочий – это могут быть территориальные (география использования), временные (период использования) или функциональные (способы использования) границы осуществления интеллектуальных прав. При этом законом прямо предусматривается необходимость предоставления лицензиару отчетов для контроля за условиями использования нематериального продукта.

Все-таки, на наш взгляд, основы дифференциации между лицензионной и концессионной сделкой простираются в плоскости каузальных оснований их совершения. В частности, если непосредственная цель лицензионного правоотношения заключается в делегировании прав использования интеллектуального продукта, то во франчайзинговой модели взаимодействия центр тяжести смещается в сферу предпринимательской координации. А именно, побуждаемая экономическими мотивами в виде расширения рынков сбыта и увеличения объема продаж, генеральная целевая установка правообладателя связана с передачей бренда, деловой репутации, знаний и компетенций партнеру, способному заместить его во взаимоотношениях с участниками товарного рынка.

Иными словами, заключение договора коммерческой концессии преследует

⁴¹² Там же.

не возможность передачи комплекса исключительных прав как таковой (это непосредственный правовой результат сделки), а имеет своим побудительным основанием создание доверенной бизнес-единицы, которая будет прочно ассоциироваться у конечных потребителей с владельцем франшизы. Поэтому, например, профессор О. А. Рузакова не без оснований относит его к комплексным договорам с преобладанием элементов лицензионного договора о предоставлении исключительных прав на индивидуализирующие элементы⁴¹³.

В любом случае, очевидно, что содержание франчайзинговой сделки, помимо центрального элемента в виде лицензионного распоряжения интеллектуальными правами на коммерческие наработки, представлено сложной архитектурой прав и обязанностей для организации полноценной сетевой дистрибуции. На практике обязательственная программа участников концессионной кооперации состоит из множества действий в целях наполнения нового партнера информационным знанием (проведение обучающих сессий; передача рекламных и маркетинговых материалов, документов по организации бизнесы, стандартов продаж, скриптов общения с клиентами, образцов локальных и внутренних документов, правил визуального оформления деловой активности и т.д.), а также постановки и следования бизнес-ориентирам. Экономическая природа указанных правоотношений предполагает их длительный и взаимообусловленный характер.

Что это означает в вопросе применимости смарт-контракта к отношениям коммерческой концессии?

Во-первых, лицензионная передача в рамках договора франчайзинга вполне укладывается в автоматизированный цифровой контур выполнения обязательств с использованием децентрализованных информационных систем. Соответственно, к подобным транзакциям будут применяться все правила и принципы, характерные для заключения и исполнения смарт-лицензии (требования по токенизации объекта распоряжения, подходы к государственной регистрации предоставления правомочий в отношении интеллектуальной собственности и другие).

⁴¹³ Рузакова О. А. Система договоров о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2007. С. 350.

Во-вторых, отмеченная сложная и комплексная специфика сопутствующих обязательств сторон франчайзинговой договоренности зачастую не всегда позволяет преобразовать условия сделки в исполняемый программный код. Для наглядности, сложно вообразить делегирование информационной системе треков по реализации тренировочного или тестового обслуживания клиентов, проведению контрольных мероприятий готовности объекта торговли, постоянных итераций согласования с правообладателем перечня оборудования, сырья, материалов, очно-консультативных мероприятий и т.д. Основа всех указанных действий – физическое взаимодействие субъектов франшизы в реальном мире, трансформация которого в виртуальный мир не только не целесообразна, но и невозможна.

Более того, к обоснованному суждению приходит правовед А. С. Райников, усмотревший лично-доверительные (фидуциарные) начала между сторонами договора коммерческой концессии, что их партнерские отношения пронизаны высоким уровнем доверия и глубокой степенью сотрудничества⁴¹⁴. Тесная интеграционная связь участников франшизных проектов предопределяется и в соответствии с законодательством стран Европейского союза⁴¹⁵.

По сути своей, речь идет об обязательственных действиях, которые не соответствуют ранее предложенному критерию транзакционной перспективы, смысл которого – в допустимости применения смарт-контракта для цифровой формализации только таких обязательств, исполнение которых полностью протекает в информационной системе для преодоления кризиса доверия.

Изложенное означает прикладную невозможность структурирования всего спектра субъективных прав и юридических обязанностей, возникающих в правоотношении правообладателя и пользователя, с использованием механизма смарт-контрактования, а искусственное, в угоду цифровым технологиям, ограничение содержания концессионной сделки только лицензионным

⁴¹⁴ Райников А. С. Соотношение договора коммерческой концессии со смежными гражданско-правовыми институтами [Электронный ресурс] // Вестник гражданского права. 2008. № 3 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴¹⁵ Мжаванадзе В. Э. Модернизация положений о договоре коммерческой концессии в рамках цифровой экономики [Электронный ресурс] // Цивилист. 2023. № 2(42) // СПС «КонсультантПлюс».

распоряжением не отвечает целям правового регулирования рассматриваемого договорного института.

Единственный выход из сложившейся ситуации – использование комплементарного типа смарт-контракта, позволяющего автоматизировать отдельные обязательственные распоряжения. В контексте коммерческой концессии таковыми являются транслятивные акты в отношении прав использования средств индивидуализации и иных интеллектуальных достижений, включая коммерческие сведения, охраняемые как секреты производства, а также, например, финансово-расчетные операции, в том числе обусловленные достижением плановых экономических показателей.

Подобную практику предлагает онлайн-платформа SCALE IT, позволяющая совершить цифровую сделку на блокчейн-инфраструктуре на условиях франшизы⁴¹⁶. Заинтересованное лицо наделено опцией выбора любых коммерческих артефактов, представляющих бизнес-ценность, в целях дальнейшей возмездной передачи прав на их имплементацию в собственной хозяйственной деятельности. Положительно отмечая подобную инициативу на рынке интеллектуальной собственности, стоит надеяться на расширение количества аналогичных сервисов цифрового оборота исключительных прав.

Необходимо отметить, что соглашение о коммерческой концессии далеко не единственный договорный инструмент, предметом которого является распоряжение интеллектуальной привилегией правообладателя.

Исключительные права в силу прямого указания закона могут выступать, скажем, объектом доверительного управления по одноименному договору (п. 1 ст. 1013 ГК РФ) либо вкладом товарищей по договору о совместной деятельности (п. 1 ст. 1042 ГК РФ) и т.д.

Вместе с тем, представляется, что мотивы изложенных тезисов относительно следования принципу транзакционной перспективы актуальны, помимо франчайзинговых договоров, и для иных нетрадиционных договорных способов

⁴¹⁶ Онлайн платформа для создания, продажи и покупки франшизы на базе блокчейн-технологий Scale IT [Электронный ресурс] // URL: <https://scaleit.ru> (дата обращения: 16.12.2025).

распоряжения авторскими или патентными правами. Широкая палитра обязательственных действий, лишенных свойств цифровой репродукции, на фоне личного фидуциарного контекста правоотношений в рамках таких договоров не позволяет рассчитывать на возможность применения заместительного типа смарт-контракта (не имеющего письменного аналога и не способного обеспечить исполнение реальных поведенческих актов).

Недаром российский государственный деятель К. П. Победоносцев со ссылкой на римское право в качестве признака фидуциарности договоров простого товарищества отмечал возможность личного общения членов торгового союза⁴¹⁷. Смарт-контракт в метафорическом смысле личного общения товарищей или участников доверительного управления не создает, а, соответственно, не может полноценно служить правовым механизмом реализации всех их договоренностей.

Но время не стоит на месте и ритмичное развитие цифровой экономики или, говоря современными формулировками, экономики данных оказывает непосредственное влияние на правовые формы взаимодействия субъектов частного права на финансовых и товарных рынках⁴¹⁸. Ранее неизвестные цифровые феномены, такие как утилитарные токены, краудфандинговые площадки, благодаря принятому Федеральному закону от 02.08.2019 № 259-ФЗ приобрели нормативно-правовое очертание и позволили обратить в электронную среду инвестиционные правоотношения. В итоге деловая практика получила в распоряжение инвестиционный механизм финансирования заинтересованных лиц, опосредованный новыми договорными формами, имеющими цифровые особенности имплементации.

Главным образом речь идет о новом виде соглашений – договоре о приобретении утилитарных цифровых прав (п. 2 ст. 13 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ). Какие основные его особенности следует выделить?

⁴¹⁷ Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства. Москва: Статут, 2003. С. 488.

⁴¹⁸ Илюхина Д. Ю. Правовые формы инвестирования в цифровой экономике [Электронный ресурс] // Юрист. 2024. № 8 // СПС «КонсультантПлюс».

1. Указанный договор заключается между инвестором и реципиентом инвестиций и исполняется только на инвестиционной платформе с применением цифровых технологий. Это касается всего жизненного цикла правоотношения от направления оферты и до фактического погашения утилитарного цифрового права вследствие исполнения права требования инвестора и получения им целевого имущественного актива.

2. Условия инвестиционных обязательств устанавливаются не только в тексте самого договора, но и следуют из правил цифровой платформы, утвержденной оператором для регламентации основ технологического взаимодействия участников финансовых вложений, а также из инвестиционных предложений и деклараций, детализирующих финансовые запросы потенциального реципиента денежных средств⁴¹⁹.

3. Юридическим фактом, запускаящим цифровую договорную связь, выступает акцепт инвестиционных условий и перечисление денежных средств лицу, привлекающему инвестиции, что причисляет рассматриваемый договор к категории реальных сделок.

4. Возмездным эквивалентом финансовых вложений является получение инвестором права требования передачи исключительных прав на будущий результат интеллектуальной деятельности⁴²⁰. Иными словами, на основании договора инвесторы становятся финансово сопричастными к новой инновационной разработке, получая юридическую возможность трансформировать свои денежные вклады в интеллектуальные имущественные права. По законам экономической логики и исходя из ожиданий инвесторов, стоимость этих прав должна существенно превышать размер первоначальных вложений.

5. Встречное право требования кредитора имеет юридическую форму токенизированного утилитарного цифрового права, возникновение, осуществление и распоряжение которым осуществляется строго в инвестиционной платформе.

⁴¹⁹ Илюхина Д. Ю. Правовые средства организации инвестирования в цифровой экономике [Электронный ресурс]// Юрист. 2024. № 3 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴²⁰ Пашенко И. Ю., Потапенко С. В. Цифровизация гражданского оборота: утилитарные цифровые права и инвестирование // Труды по интеллектуальной собственности. 2024. Т. 48. № 1. С. 37.

Отсюда и легальное название договора – договор о приобретении утилитарных цифровых прав. По большому счету, мысль о применении к реализации токена, равно как и в целом к виртуальным объектам, конструкции купли-продажи вещи или имущества находит положительный отклик в современной доктрине, поскольку позволяет теоретически выстраивать эффективную линию правовой защиты пользователей цифровых платформ⁴²¹.

Однако, здесь ключевую роль для инвестора все-таки играет базовое субъективное гражданское право, имеющее обязательственную природу, но технически «упакованное» в цифровое. В этом смысле прав А. Ю. Петраков, что утилитарное цифровое право хотя и выступает в качестве объекта договора, но, по сути, имеет вспомогательное значение: интерес инвестора связан не с приобретением утилитарного цифрового права как такового, а с получением статуса кредитора по конкретному обязательству, удостоверяемому цифровой записью⁴²².

В итоге, по совокупности указанных признаков имеем дело с договором, в рамках которого одна сторона получает денежные средства, а другая – право требования передачи исключительных прав или прав использования результатов интеллектуальной деятельности в информационно-цифровой среде, что в большей степени указывает на предмет классических распорядительных договоров в отношении объектов нематериального капитала – договора отчуждения и лицензионного соглашения. Между тем, нельзя лишить внимания имеющуюся специфику инвестиционных правоотношений, опосредованных новым договором.

Как минимум, разница усматривается в побудительном мотиве – в договоре о приобретении утилитарных цифровых прав будущий правообладатель главным образом руководствуется ожиданием положительного экономического эффекта от своих финансовых вложений в инновационный проект. В то время как кауза для

⁴²¹ См.: Харитонов Ю. С. Утилитарные невзаимозаменяемые токены в российском правовом порядке: проблемы легализации [Электронный ресурс] // Закон. 2023. № 9 // СПС «КонсультантПлюс»; Кирсанова Е. Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2021. С. 10-11.

⁴²² Петраков А. Ю. Правовое регулирование предпринимательской деятельности на территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. С. 187.

сукцессора или лицензиата может формироваться из широкого спектра резонансов, вполне не связанных лишь с финансовой окупаемостью вложенного капитала.

Но, как известно, по общему правилу, мотивы сторон сделки правового значения не имеют⁴²³. Основная характерная точка лежит в плоскости содержания обязательственной программы субъектов цифрового инвестирования. Сложная архитектура их правовой связи представлена: во-первых, относительным правоотношением по обмену утилитарного цифрового права на инвестиционные взносы; во-вторых, относительным правоотношением по передаче или обременению полученного цифрового права в пользу третьих лиц либо его погашению фактическими действиями должника – реципиента инвестиций.

Иными словами, достижение инвестором правового эффекта по цифровой инвестиционной сделке осуществляется в два этапа – получение цифрового права требования и его осуществление в информационной системе в соответствии с установленными правилами. В конечном счете, разумеется, результат будет аналогичный классическому лицензионному распоряжению или договору отчуждения исключительных прав, но в более сложном воплощении с учетом цифровой специфики.

В этой связи предложения некоторых ученых обособить инвестиционный договор от иных видов гражданско-правовых соглашений в отдельную главу цивилистической конституции⁴²⁴ выглядят, как минимум, преждевременными. Инвестиционный договор – по существу более тяготеет к собирательному термину, указывающему скорее на экономические предпосылки возникновения правоотношения, нежели на специфику новой юридической конструкции. Ведь инвестиционные цели могут преследоваться и при предоставлении займов, открытии банковского счета, подрядном строительстве объектов недвижимости и т.д. А сложный характер инвестиционных связей, как показано, всецело укладывается в имеющиеся договорно-правовые категории.

⁴²³ Новицкий И. Б. Сделки: Исковая давность. Москва : Госюриздат, 1954. С. 23.

⁴²⁴ См.: Лебедев К. К. Инвестиционный контракт: понятие и место в системе договорного права [Электронный ресурс] // Конкурентное право. 2020. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».

Итак, познание юридической квалификации договора о приобретении утилитарного цифрового права существенно приближает решение вопроса о применимости смарт-контракта к структурированию рассматриваемых инвестиционных правоотношений, формула которых представлена следующими элементами:

- субъекты – пользователи инвестиционно-цифровой площадки, прошедшие процедуру идентификации и аутентификации, способные выражать волеизъявление на возложение и исполнение обязательств с применением программно-технических средств по модели присоединения к цифровым договорным положениям;

- объект – токенизированное право требования кредитора по переводу на себя прав использования интеллектуальной собственности при достижении отлагательных условий (как правило, речь идет только о наступлении определенного срока);

- содержание – обязательственная программа, представленная расчетными транзакциями (по переводу денежных средств реципиенту инвестиций или их возврат инвестору), а также ответным учетным трансфером выпущенного утилитарного цифрового права, подчинена программному коду, что означает возможность автоматизации соответствующих поведенческих действий.

Вспоминая отправные точки идеи о смарт-контракте по обеспечению гарантированного осуществления прав и надлежащего исполнения обязанностей с использованием программно-исполнимого механизма, не представляется никаких сомнений, что инвестиционное приобретение утилитарных цифровых прав, объектом которых выступают кредиторские требования исключительных правомочий, и даже их осуществление (погашение) может быть подчинено автоматизированному договору.

Вместе с тем, сразу следует оговориться, что законодатель установил правовые условия для возможности обмена утилитарного цифрового права в том числе на исключительную привилегию творца. Но, если исходить из господствующей концепции единства и неделимости исключительного права,

изложенное будет означать, что только один инвестор может стать исключительным правообладателем интеллектуального результата.

Код может стерпеть все, и в гипотетическом преломлении такой сценарий конечно возможен, однако, думается, маловероятен. Причина в том, что культовым признаком краудфандингового инвестирования является множественность лиц на стороне инвесторов⁴²⁵. Соответственно, выдача им утилитарных цифровых прав, содержание каждого из которых представлено правом требования отчуждения исключительного права, будет противоречить букве закону.

Поэтому объектами утилитарного цифрового права, приобретаемого по инвестиционному договору в информационной системе, в том числе в рамках смарт-контракта, должны быть только ограниченные права лицензионного использования вновь создаваемых инновационных продуктов. Например, логично, если выпущенное цифровое право воплотит возможность получения всеми инвесторами простой лицензии на профинансированную ими разработку.

Некоторые ученые скептически относятся к перспективам выпуска утилитарных цифровых прав, базовым объектом по которым выступают патентные и иные правомочия на регистрируемые инновационные продукты⁴²⁶. Так, например, профессор О. А. Городов по мотивам необходимости обращения к Роспатенту выводит из цифрового гражданского оборота исключительные права на изобретения, промышленные образцы, полезные модели, топологии интегральных микросхем и т.д.⁴²⁷.

Между тем, в оправдание развития цифровых договорных связей в отношении нематериальных активов и справедливости ради хотелось бы обратить внимание, что законодатель исключил из объектного контура утилитарных цифровых прав только регистрируемые в публичных реестрах имущественные права либо сделки с ними (п. 2 ст. 8 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ).

⁴²⁵ Майфат, А. В. Инвестирование: способы, риски, субъекты [Электронный ресурс] / А. В. Майфат // СПС «КонсультантПлюс».

⁴²⁶ См.: Савина В. С., Гурко В. А. Понятие и правовая природа утилитарных цифровых прав [Электронный ресурс] // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2022. № 10 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴²⁷ Городов О. А. Приобретение утилитарных цифровых прав как новый способ инвестирования по законодательству России [Электронный ресурс] // Право и цифровая экономика. 2020. № 1(07) // СПС «КонсультантПлюс».

Исключительные права на промышленные или селекционные достижения и распорядительные сделки в отношении них не относятся к подобному изъятию – публичному регистрационному учету в Роспатенте или Министерство сельского хозяйства Российской Федерации подлежит только переход интеллектуальных прав на основании заключаемых в письменной форме сделок, а не сами права или сделки.

Во-вторых, сфера применения смарт-контракта для распорядительной активности по поводу прав использования регистрируемых рационализаторских объектов существенно расширена за счет обеспечения возможности автоматизированной передачи заявления в уполномоченный орган для регистрации перехода исключительных правомочий либо направления одной из сторон смарт-контракта соответствующего заявления с приложением письменного экземпляра договора (в случае отказа какой-либо стороны в подаче совместного заявления).

Эти же правила применимы и для инвестиционного договора о приобретении и осуществлении утилитарного цифрового права требования инвестора в отношении интеллектуальных правомочий. В случае отсутствия системного решения по цифровой интеграции с базами данных Роспатента инвестор или иной кредитор не лишены возможности регистрации состоявшегося в инвестиционной платформе транслятивного или конститутивного перевода прав.

Учитывая приведенные результаты сопоставления договорной концепции смарт-контракта с особенностями юридической динамики инвестиционных правоотношений в цифровой среде, следует однозначный вывод о возможности полноценного структурирования обязательств сторон по приобретению и осуществлению утилитарного цифрового права, реализация которых опосредует трансфер исключительных правомочий в пользу инвесторов, с использованием заместительного типа смарт-контракта.

Таким образом, заместительная разновидность смарт-контракта не предназначена для применения к сделкам коммерческой концессии, простого товарищества, доверительного управления, в рамках которых осуществляется распоряжение исключительными правами, вследствие невозможности полного

обеспечения автоматизированного исполнения всей обязательственной программы сторон таких договоров.

Наряду с этим, с использованием договорной конструкции смарт-контракта может быть автоматизированно отчуждение или лицензионное предоставление исключительных правомочий на результаты интеллектуальной деятельности, а также распоряжение интеллектуальными правами во исполнение инвестиционных договоров в отношении утилитарных цифровых прав с учетом отмеченных условий и принципов исполнения обязательств сторон.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как подчеркивалось на самом высоком уровне, в нынешнее время ключевое значение для отечественного рынка инноваций должны иметь перспективные наукоемкие инициативы, а также результаты интеллектуального творческого потенциала, которые необходимо должным образом реализовать и коммерциализировать⁴²⁸.

Представляется, смарт-контракт в этой системе государственных ориентиров выступает одним из наиболее перспективных инструментов для управления и распоряжения интеллектуальными правами. Более того, Центральный банк Российской Федерации возлагает на смарт-контракты роль договорно-правовой основы для всех инноваций в финансовых технологиях – самоисполняемые сделки должны стать надежным, безопасным и удобным способом достижения участниками гражданского оборота необходимого правового эффекта⁴²⁹.

Однако, эволюционный переход на автоматизированную форму реализации гражданско-правовых отношений, в том числе в сфере интеллектуальной собственности, наталкивается на различные сложности и вопросы, как информационно-технологического, так и социально-правового генеза. При этом их последовательное решение невозможно без целостного и системного научно-теоретического базиса в отношении цифровой договорной конструкции и правил ее имплементации для трансфера прав на нематериальные активы. И если изучению феномена смарт-контрактов все-таки находится в последнее время место в рамках научных изысканий, то правовой режим их применения для автоматизированного оборота интеллектуальных прав на творческие и инновационные продукты остается малоизученным сегментом в отечественной доктрине гражданского права.

⁴²⁸ ПМЭФ-2024: Президент о значимости интеллектуальной собственности для развития страны (дата обращения: 20.01.2026).

⁴²⁹ Цифровой рубль: текущий статус проекта [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/177415/digital_ruble_30062025.pdf (дата обращения: 20.01.2026).

Настоящим диссертационным исследованием сделаны первые теоретические шаги в направлении формирования фундаментального научного представления относительно автоматизированного цифрового оборота исключительных прав на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности в современной системе рыночных отношений.

В ходе анализа различных подходов к понятию смарт-контракта идентифицированы его конститутивные признаки, сущностно отличающие его от иных смежных правовых явлений. Установлено, что генеральная характеристика смарт-контракта – автоматизация надлежащего исполнения гражданско-правовых обязательств способна обеспечить субституцию доверия участников сделок за счет делегирования их обязательственных действий информационным технологиям и программным средствам.

Для правоприменительной дифференциации цифровых договорных форм взаимоотношений сторон предложены критерии их отнесения к смарт-контракту и применения соответствующего правового режима. Основываясь на методологических принципах экономического анализа права, обозначены факультативные социально-экономические эффекты применения смарт-контракта. Исследован регулятивный потенциал смарт-контрактов, по итогам – сформулированы предложения по общественно-правовому позиционированию новой договорной конструкции.

Исторически эволютивное развитие договора как гражданско-правового средства регулирования общественных отношений разделено на несколько этапов, на каждом из которых выявлена системообразующая специфика субъективного исполнения гражданско-правовых обязательств. Как следствие, автором выделены два основных типа смарт-контракта – комплементарный и заместительный, приведена аргументация для определения их гражданско-правовой природы и места в системе обязательственного права, в том числе путем соотнесения с традиционной типологией договорных форм и категорий.

В целях гармонизации нормативно-правовой основы применения смарт-контрактов сформулированы инициативы и предложения по внесению изменений

в действующее гражданское законодательство, включая статью 309 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Значительное внимание уделено характеристике объектов гражданских правоотношений, опосредованных смарт-контрактом. Цифровые права, цифровая валюта (криптовалюта), виртуальное имущество и иные подобные сущности объединены под родовым термином цифровые активы - представленные в виде цифровых данных объекты информационно-технологической среды, обладающие действительной или потенциальной коммерческой ценностью.

В рамках исследования выявлены объективные и субъективные пределы использования цифровой договорной конструкции в целях структурирования обязательственной программы сторон, для индикации которых автором введены критериальные принципы. Представлена классификация способов заключения смарт-контракта, а также приведены гражданско-правовые и технологические способы и механизмы защиты и восстановления нарушенных прав участников автоматизированной сделки на базе принципа регуляторного дуализма.

Последовательно выработана теоретическая позиция относительно правовой природы и основных признаков токена в контексте интеллектуальных прав. Автором на основе анализа различных научных подходов определены порядок и условия репрезентации результатов творческих достижений в цифровой среде, а также предложена система возможных вариантов цифровой объективизации интеллектуальной собственности. Отдельно в рамках исследования обоснована юридическая природа оригинальных произведений цифрового искусства, допускающая применение к ним вещно-правового режима регулирования.

Исследуя основы международно-правового и национально-правового регулирования, результаты доктринального анализа, а также материалы правоприменительной и деловой практики, приведены теоретические основания признания возможным и перспективным использование факультативной (добровольной) регистрации результатов интеллектуальной деятельности путем их цифрового учетного депонирования для установления презумпции авторства и документального подтверждения интеллектуальных прав. При этом дана научно-

теоретическая оценка различным вариантам и правилам такого цифрового регистрационного учета, а также установлены предпосылки для создания единой цифровой институциональной среды учета и оборота интеллектуальных прав.

В настоящей диссертационной работе раскрыты основные особенности ключевых элементов правоотношений по отчуждению исключительных правомочий и лицензионному предоставлению прав использования, опосредованных заключением и исполнением смарт-контракта. По результатам обобщения - синтезирован термин смарт-лицензия, отражающий специфику новой договорной категории. В целях универсализации применения смарт-контракта для автоматизированного цифрового распоряжения правами на любые результаты интеллектуальной деятельности сформулированы теоретические предложения.

Научным путем подтверждена гипотеза о применении договорной конструкции смарт-контракта для регулирования залоговых отношений, в рамках которых в случае неисполнения залогодателем обеспечиваемых обязательств обращение взыскания на исключительные права осуществляется во внесудебном порядке путем автоматизированного их перевода на залогодержателя в информационной системе. Как следствие, сформулированы рекомендации по законодательному расширению сферы применения условия *lex commissoria*.

Кроме того, отдельное внимание посвящено теоретической возможности автоматизированного распоряжения исключительными правами в рамках иных распорядительных сделок. Перспективы такой конвергенции в вопросе цифрового трансфера интеллектуальных прав выявлены только применительно к заключению и исполнению смарт-контракта о приобретении утилитарного цифрового права, удостоверяющего соответствующие интеллектуальные правомочия.

Учитывая изложенное, выводы и положения, сформулированные в результате проведения настоящего диссертационного исследования, могут быть использованы в качестве научно обоснованных рекомендаций в нормотворческой и правоприменительной деятельности, а также в качестве теоретической базы для дальнейших научных изысканий отраслевого и межотраслевого уровня.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

I. Международные договоры

1. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (дополненная в Париже 4 мая 1896 г., пересмотренная в Берлине 13 ноября 1908 г., дополненная в Берне 20 марта 1914 г. и пересмотренная в Риме 2 июня 1928 г., в Брюсселе 26 июня 1948 г., в Стокгольме 14 июля 1967 г. и в Париже 24 июля 1971 г., измененная 28 сентября 1979 г.) // Бюллетень международных договоров. – 2003. - № 9. – С. 3.

2. Всемирная конвенция об авторском праве, подписанная в Женеве от 6 сентября 1952 г. (пересмотрена в Париже 24 июля 1971 г.) // СП СССР. – 1973. – № 24. – С. 139.

II. Нормативные правовые акты Российской Федерации и иные официальные документы

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.

4. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ: действ. ред. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 25.03.2019. – № 12. – Ст. 1224.

5. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02 августа 2019 г. № 259-ФЗ: ред. от 08.08.2024 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.08.2019. – № 31. – Ст. 4418.

6. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ: ред. от 08.08.2024 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.08.2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5018.

7. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ: ред. от 02.07.2021 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.08.2020. – № 31 (часть 1). – Ст. 5017.

8. О создании Общероссийской общественно-государственной организации «Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности»: Указ Президента Российской Федерации от 28 июня 2021 г. № 378 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.07.2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5342.

9. Об утверждении Правил выплаты автору вознаграждения при перепродаже оригиналов произведений изобразительного искусства, авторских рукописей (автографов) литературных и музыкальных произведений: Постановление Правительства Российской Федерации от 19.04.2008 № 285: ред. от 28.08.2018 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 28.04.2008. – № 17. – Ст. 1880.

10. О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 27.11.2021 № 3363-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 13.12.2021. – № 50 (часть IV). – Ст. 8613.

11. О внесении изменений в статью 1225 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (в части расширения перечня охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в виде невзаимозаменяемых токенов): Законопроект № 126586-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/126586-8>.

12. О внесении изменений в ч. 4 ГК РФ в части совершенствования регулирования распоряжения правами на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации с использованием информационных

систем": проект Федерального закона (подготовлен Минэкономразвития России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 09.01.2020) // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

13. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Законопроект № 419059-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7>.

14. Экспертное заключение по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 17.01.2019 № 183-1/2019) // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

III. Акты российской и зарубежной судебной практики

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.10.2015 № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части 1 статьи 150 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.А. Татарникова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 19.10.2015. – № 42. – Ст. 5857.

16. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 06.05.2019. – № 96.

17. Постановление Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 06.11.2012 № 8728/12 по делу А56-44428/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

18. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.11.2013 № 18002/12 по делу № А47-7950/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

19. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.06.2016 № 308-ЭС14-1400 по делу № А20-2391/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

20. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17.09.2020 № 305-ЭС20-8198 по делу № А40-46622/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

21. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2021 № 307-ЭС21-25091 по делу № А56-115380/2019// СПС «КонсультантПлюс».

22. Постановление Суда по интеллектуальным правам Российской Федерации от 10.06.2021 № С01-679/2021 по делу № А40-259932/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

23. Постановление Суда по интеллектуальным правам Российской Федерации от 22.06.2021 № С01-842/2021 по делу № А60-72170/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

24. Постановление Суда по интеллектуальным правам Российской Федерации от 07.12.2022 № С01-2163/2022 по делу № А40-28385/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

25. Постановление Суда по интеллектуальным правам Российской Федерации от 09.01.2023 № С01-1751/2021 по делу № А40-187843/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

26. Постановление Суда по интеллектуальным правам Российской Федерации от 22.12.2023 № С01-2325/2023 по делу № А41-55/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

27. Постановление Суда по интеллектуальным правам Российской Федерации от 09.09.2024 № С01-1150/2024 по делу № А40-165672/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

28. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда Российской Федерации от 17.05.2019 № 09АП-18300/2019 по делу № А40-209896/18 // СПС «КонсультантПлюс».

29. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда Российской Федерации от 16.05.2023 № 10АП-5509/2023 по делу № А41-72704/22// СПС «КонсультантПлюс».

30. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда Российской Федерации от 23.08.2023 № 11АП-11652/2023 по делу № А72-11937/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

31. B2C2 Ltd v. Quoine Pte Ltd [2019] SGHC (I) 03. 24 February 2020 Court of Appeal [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.elitigation.sg/gd/sic/2019_SGHCI_3.

IV. Монографии и учебные пособия

32. Александровский, Ю. В. Авторское право: Закон 20 марта 1911 г.: Исторический очерк, законодательные мотивы и разъяснение / Ю. В. Александровский, – Санкт-Петербург : Т-во по изданию новых законов, 1911. – 176 с.

33. Алексеев, С. С. Право собственности. Проблемы теории / С. С. Алексеев – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : Инфра-М, 2010. – 240 с.

34. Алексеев, С. С. Право: азбука-теория-философия: опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – Москва : Статут, 1999. – 709 с.

35. Беляцкий, С. А. Новое авторское право в его основных принципах / С. А. Беляцкий. – Санкт-Петербург : Изд. юридич. книжного склада "Право", 1912. – 151 с.

36. Брагинский, М. И., Витрянский, В. В. Договорное право. Книга первая : Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – 3-е изд., стер. – Москва: Статут, 2011. – 847 с.

37. Васьковский, Е. В. Цивилистическая методология : Ч. 1 / Е. В. Васьковский. Учение о толковании и применении гражданских законов — Одесса : "Экон." тип., 1901. – 376 с.

38. Виндшейд, Б. Учебник пандектного права: В 2 т. / Виндшейд Б. Т. 1: Общая часть; пер. с нем. под ред. и с предисл. С. В. Пахмана. – Санкт-Петербург : Гиероглифов и Никифоров, 1874. – 375 с.

39. Гаврилов, Э. П. Комментарий к закону об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс] / Э. П. Гаврилов. – Изд. четвертое, перераб. и доп. // СПС «КонсультантПлюс».

40. Гамбаров, Ю. С. Курс гражданского права. / Ю. С. Гамбаров. Т. 1 : Общая часть. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. – 780 с.

41. Гантовер, Л. В. Залоговое право : Объясн. к положениям гл. IV разд. I проекта вотчин. устава / [Соч.] Л. В. Гантовера. — Санкт-Петербург : Гос. тип., 1890. – 773 с.

42. Гобсс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf.

43. Городов, О. А. Право на средства индивидуализации: товарные знаки, знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров, фирменные наименования, коммерческие обозначения : учебно-практическое издание / О. А. Городов. — Москва : Волтерс Клувер, 2006. — 427 с.

44. Гражданское право : Учебник. В 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. Т. 2. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2017. – 543 с.

45. Гражданское право : учебник: в 4 т. / отв. ред. д-р юрид. наук., проф. Е. А. Суханов. —3-е изд., перераб. и доп. Т. 1: Общая часть. — Москва : Статут. 2023. – 624 с.

46. Гражданское право : учебник: в 4 т. / отв. ред. д-р юрид. наук., проф. Е. А. Суханов. —3-е изд., перераб. и доп. Т. 3: Общая часть. — Москва : Статут. 2023. – 524 с.

47. Гримм, Д. Д. Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права : Прологомены к общ. теории гражд. права. / Д. Д. Гримм. Т. 1 / 23. — Санкт-Петербург : скл. изд. в кн. маг. тип. М.М. Стасюлевича, 1900. — 300 с.

48. Дозорцев, В. А. Интеллектуальные права : Понятие. Система. Задачи кодификации : Сб. статей / В. А. Дозорцев ; Исслед. центр част. права. – Москва : Статут, 2003. – 413 с.
49. Звоницкий, А. С. О залоге по русскому праву / А. С. Звоницкий. — Киев, СПб. : Н. Я. Оглоблин, 1912. — 401 с.
50. Зорькин, В. Д. Право против хаоса: монография / В. Д. Зорькин – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2018. – 367 с.
51. Иоффе, О. С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» / О. С. Иоффе. – 3-е изд., испр. – Москва : Статут, 2009. – 782 с.
52. Канторович, Я. А. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения: Сист. коммент. к закону 20 марта 1911 г. - с ист. очерком и объясн., осн. на законодат. мотивах, лит. источниках, иностр. законодательствах и судеб. практике / Я. А. Канторович, присяж. пов. – 2-е изд., знач. доп. – Петроград : тип. АО б. "Брокгауз-Ефрон", 1916. – 791 с.
53. Карапетов, А. Г. Экономический анализ / А. Г. Карапетов. – Москва : Статут, 2016. – 527 с.
54. Кассо, Л. А. Понятие о залоге в современном праве : Исслед. Л. Кассо / Л. А. Кассо. — Юрьев : тип. К. Маттисена, 1898. – 415 с.
55. Концепция правового регулирования отношений, осложненных использованием смарт-контрактов: монография / А.Я. Ахмедов, А.А. Волос, Е.П. Волос. – Москва : Проспект, 2021. – 224 с.
56. Майфат, А. В. Инвестирование: способы, риски, субъекты [Электронный ресурс] / А. В. Майфат // СПС «КонсультантПлюс».
57. Маковский, А. Л. О кодификации гражданского права (1922 - 2006) [Электронный ресурс] / А. Л. Маковский ; Исследовательский центр частного права при Президенте Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

58. Мейер, Д.И. Избранные труды : в 3 т. / Д. И. Мейер ; отв. ред. д-р юрид. наук, проф. П. В. Крашенинников, д-р юрид. наук, проф. Д. Х. Валеев. Т. 1 – Москва : Статут, 2022. – 848 с.
59. Минто, В. Дедуктивная и индуктивная логика / В. Минто. – Мн.: Харвест, 2002. – 352 с.
60. Нагородская, В. Б. Новые технологии (блокчейн / искусственный интеллект) на службе права : научно-методическое пособие [Электронный ресурс] / В. Б. Нагородская ; под ред. Л. А. Новоселовой. // СПС «КонсультантПлюс».
61. Новицкий, И. Б. Сделки: Исковая давность / проф. И. Б. Новицкий. – Москва : Госюриздат, 1954. – 248 с.
62. Пиленко, А. А. Право изобретателя / А. А. Пиленко. – Москва : Статут, 2001. – 686 с.
63. Победоносцев, К. П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права / К. П. Победоносцев. – Москва : Статут, 2002. – 800 с.
64. Победоносцев, К. П. Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства / К. П. Победоносцев. – Москва : Статут, 2003. – 622 с.
65. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – Москва : Статут, 1998. – 353 с.
66. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики / А. В. Белицкая, В. С. Белых, О. А. Беляева [и др.]. – Москва : Юридический Дом "Юстицинформ", 2019. – 376 с.
67. Римское частное право : учебник / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. — Москва : КНОРУС, 2014. — 608 с.
68. Рожкова, М. А. Нематериальные объекты и имущественные права на них в системе абсолютных прав: монография / М. А. Рожкова. – Москва: ГАУГН Пресс, 2024. – 258 с.
69. Серебровский, В. И. Вопросы советского авторского права / В. И. Серебровский. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1956. – 283 с.
70. Суханов, Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк / Е. А. Суханова. – Москва : Статут, 2017. – 559 с.

71. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие [Электронный ресурс] / под ред. И. И. Кучерова, С. А. Сеницына // СПС «КонсультантПлюс».
72. Цифровое право: учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. – Москва : Проспект, 2020. – 637 с.
73. Фаткудинов, З. М. Право и автоматизированная система плановых расчетов / З. М. Фаткудинов. – Казань : Изд-во КазГУ, 1977. – 203 с.
74. Флейшиц, Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения / Е. А. Флейшиц; Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. – Москва: Гос. изд-во юрид. лит., 1951. – 239 с.
75. Флейшиц, Е. А. Избранные труды по гражданскому праву: сборник научных трудов в 2 т. Том 1 / Е. А. Флейшиц. – Москва: Статут. 2015. – 512 с.
76. Шершеневич, Г. Ф. Авторское право на литературные произведения / Г.Ф. Шершеневич. – Казань : тип. Имп. ун-та, 1891. – 313 с.
77. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права : (по изданиям 1912 и 1914 – 1915 гг.) : в 2 т./ Г. Ф. Шершеневич. – Москва : Статут, 2021. – 896 с.
78. Шершеневич, Г.Ф. Учебник торгового права (по изданию 1914 г.) / Г. Ф. Шершеневич. – Москва: Спарк, 1994. – 335 с.
79. Юрицин, А. А. Франчайзинг и договор коммерческой концессии: итоги и перспективы правового регулирования: монография / А. А. Юрицин. — Москва : Юстицинформ, 2018. — 262 с.
80. Яковлев, А. С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений. Теория и практика : монография / А. С. Яковлев. – Москва : Ось-89, 2005. – 191 с.
81. LegalTech в сфере предпринимательской деятельности : монография [Электронный ресурс] / ответственные редакторы И. В. Ершова, О. В. Сушкова // СПС «КонсультантПлюс».

V. Статьи в научных журналах и иных изданиях

82. Автонова, Е.Д. Смарт-контракты в современном российском праве: возможности реализации технологии / Е. Д. Автонова // Плехановский барометр. – 2017. – № 4. – С. 25-28.

83. Агарков, М. М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву / М. М. Агарков // Советское государство и право. 1946. – № 3, 4. – С. 41-55.

84. Акинфиева, В.В. Утилитарные цифровые права в современных условиях трансформации экономики / В. В. Акинфиева // Пермский юридический альманах. – 2020. – № 3. – С. 397-407.

85. Александрова, В.С. Заключение электронного договора с использованием интеллектуальных агентов (электронных агентов) // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России : Коллективная монография. В 4-х томах. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2020. – С. 250-255.

86. Алексеев, А.Ю. Тестовый компьютеризм как методологическая парадигма искусственных обществ [Электронный ресурс] / А. Ю. Алексеев // Искусственные общества. – 2018. – Т. 13. – Выпуск 1-2. – Режим доступа: <https://artsoc.jes.su/s207751800000119-9-1/>.

87. Алексеев, С. С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования / С. С. Алексеев // Теоретические проблемы гражданского права. – Вып. 13. – 1970. – С. 46-63.

88. Андрющенко, А. В. Организационный договор как общая договорная конструкция / А. В. Андрющенко // Юридические исследования. – 2017. – № 5. – С. 71-84.

89. Архипов, И. В. Цифровые эквиваленты имущества в функциональной теории права [Электронный ресурс] / И.В. Архипов // Юридическая наука. – 2021. – № 9. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-ekvivalenty-imuschestva-v-funktsionalnoy-teorii-prava>.

90. Афанасьев, М. В. О понятии обязательства в публичном праве / М.В. Афанасьев, А.С. Емельянов // Вестник Тюменского государственного университета. – 2014. – № 3. – С. 87-97.
91. Ахмедов, А. Я. К вопросу о признаках смарт-контракта как договорной конструкции / А. Я. Ахмедов // Право и цифровая экономика. – 2020. – № 2 (08). – С. 22-25.
92. Аюшеева, И. З. Обусловленное исполнение обязательства в гражданском праве Российской Федерации / И. З. Аюшеева // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 7(80). – С. 59-66.
93. Бевзенко, Р. С. Борьба за залог: третий этап реформы залогового права России / Р.С. Бевзенко // Вестник гражданского права. – 2015. – Т. 15, № 2. – С. 8-50.
94. Березина, Е. А. Использование смарт-контракта как правовая технология: отечественная и зарубежная практика / Е. А. Березина // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 1 (63). – С. 97-118.
95. Белых, В. С. Проблемы правового регулирования смарт-контрактов в России / В. С. Белых, М. О. Болобонова // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики. – Москва : Юридический Дом "Юстицинформ", 2019. – С. 97-116.
96. Блинец, И. А. Депонирование произведений и презумпция авторства [Электронный ресурс] / И. А. Блинец, Р. Р. Ахметов // Юрист. – 2024. – № 10 // СПС «КонсультантПлюс».
97. Блинец, И. А. Регистрация авторских прав. Как защитить и доказать авторство? [Электронный ресурс] / И. А. Блинец // ИС. Авторское право и смежные права. – 2020. – № 6 // СПС «КонсультантПлюс».
98. Блинец, И. А. Регистрация и депонирование прав – проект Российского профессорского собрания [Электронный ресурс] / И. А. Блинец // Российская юстиция. – 2020. – № 8 // СПС «КонсультантПлюс».

99. Богданов, Д. Е. Несостоявшаяся технологическая революция в договорном праве: апологетика традиционалистской трактовки договора / Д. Е. Богданов // Lex Russica (Русский закон). – 2023. – Т. 76, № 3(196). – С. 21-40.

100. Богданова, Е. Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом / Е. Е. Богданова // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 7 (152). – С. 108-118.

101. Болотаева, О. С. Применение технологии блокчейн в сфере интеллектуальной собственности / О. С. Болотаева // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 6 (222). – С. 206-208.

102. Бочарникова, К. В. О расширительном толковании условий, исключающих обращение взыскания на предмет залога [Электронный ресурс] / К. В. Бочарникова // Хозяйство и право. – 2022. – № 1. – С. 22-35 // СПС «КонсультантПлюс».

103. Будник, Р. А. Риски и перспективы токенизации творчества / Р. А. Будник // Journal of Digital Technologies and Law. – 1(3). – 2023. – С. 587 – 611.

104. Вавилин, Е. В. Цифровой рубль: формирование механизма правового регулирования / Е. В. Вавилин // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 489. – С. 201-206.

105. Вайпан, В. А. Источники цифрового права / В. А. Вайпан // Вестник арбитражной практики, – 2024. – № 1 (110). – С. 3-29.

106. Вайпан, В. А. Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе / В. А. Вайпан // Право и экономика, – 2024. – № 1. – С. 5-27.

107. Вальдес-Мартинес, Э. Р. Цифровые объекты изобразительного искусства и NFT: мифы и реальность [Электронный ресурс] / Э. Р. Вальдес-Мартинес // Закон. – 2023. – № 9 // СПС «КонсультантПлюс».

108. Василевская, Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права / Л. Ю. Василевская // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5. – С. 111-119.

109. Василишин, И. И. Смарт-контракт: отдельные проблемы определения и правовой регламентации / И. И. Василишин, А. П. Назинцева // Вестник

Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2023. – № 1 (846). – С. 86-91.

110. Волос, А. А. Нормы Гражданского кодекса Российской Федерации и цифровые технологии: вопросы судебной практики / А. А. Волос // Lex Russica (Русский закон). – 2025. – Т. 78, № 5. – С. 68-76.

111. Волос, А. А. Смарт-контракты и принципы гражданского права / А. А. Волос // Российская юстиция. – 2018. – № 12. – С. 5-7.

112. Воронцов, М. И. Click-wrap-соглашение как форма смарт-контракта [Электронный ресурс] / М. И. Воронцов, А. П. Горчакова // Право и бизнес, – 2023. – № 2 // СПС «КонсультантПлюс».

113. Габов, А. В. Платформенные отношения как предмет правового регулирования / А. В. Габов, С. П. Саяпин // Lex Russica (Русский закон). – 2025. – Т. 78, № 11(228). – С. 9-33.

114. Гаврилов, К. М. Как наша страна вступала во Всемирную конвенцию об авторском праве / К. М. Гаврилов // Патенты и лицензии. – 2008. – № 11. – С. 60-68.

115. Гаджиев, Г. А. Возрождение традиционной для России цивилистической культуры в Гражданском кодексе РФ 1994 г / Г. А. Гаджиев // Вестник гражданского права. – 2024. – Т. 24, № 6. – С. 75-82.

116. Гармашев, М. А. Смарт-контракт как договор. Виды, способы заключения и совершения, проблемы исполнения / М. А. Гармашев // Legal Bulletin. – 2023. – Т. 8, № 2. – С. 77-87.

117. Гонгало Б. М. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права? / Б. М. Гонгало, Л. А. Новоселова // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 179–192.

118. Гончаров, А. И. Имплементация цифровых технологий в правовое регулирование оборота результатов интеллектуальной деятельности и совершенствование защиты прав их авторов [Электронный ресурс] / А. И. Гончаров, А. О. Иншакова, Д. Е. Матыцин // Юрист. – 2022. – № 2 // СПС «КонсультантПлюс».

119. Городов, О. А. Приобретение утилитарных цифровых прав как новый способ инвестирования по законодательству России [Электронный ресурс] / О. А. Городов // Право и цифровая экономика. – 2020. – № 1(07). – С. 5-10 // СПС «КонсультантПлюс».

120. Гринь, О. С. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения / О. С. Гринь, Е. С. Гринь, А. В. Соловьев // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 8 (153). – С. 51-62.

121. Гришаев, С. П. Договор об отчуждении исключительного права и лицензионный договор в патентном праве [Электронный ресурс] / С. П. Гришаев // Гражданин и право. – 2009. – № 7. – С. 78-85 // СПС «КонсультантПлюс».

122. Гришаев, С. П. Правовая охрана произведений науки, литературы и искусства как объектов авторского права по новому законодательству Российской Федерации [Электронный ресурс] / С. П. Гришаев // СПС «КонсультантПлюс».

123. Демедюк, Ю. А. Договор коммерческой концессии и лицензионный договор: сравнительный анализ [Электронный ресурс] / Ю. А. Демедюк // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2024. – № 4. – С. 60-63. // СПС «КонсультантПлюс».

124. Дерюгина, Т. В. К вопросу о сущностных характеристиках и правовой природе цифрового права / Т. В. Дерюгина // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2022. – Т. 17, № 2. – С. 35-54.

125. Довгалюк, А. Переработка произведения v. "параллельное" творчество: понятие, критерии разграничения / А. Довгалюк, В. Глоница // Журнал РШЧП. – 2018. – № 3. – С. 175-197.

126. Евсеев, А. П. Параллельное творчество: в поисках границ. Часть I / А. П. Евсеев // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2023. – № 8. – С. 26-34.

127. Емельянов, Д. С. Невзаимозаменяемые токены (nft) как самостоятельный объект правового регулирования / Д. С. Емельянов, И. С. Емельянов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2021. – № 10 (241). – С. 71-76.

128. Еремин, А. А. История становления и развития правового регулирования договора коммерческой концессии в России [Электронный ресурс] / А. А. Еремин // История государства и права. – 2015. – № 2 // СПС «КонсультантПлюс».

129. Ефимова, Л. Г. Альтернативный взгляд на правовое регулирование гражданско-правовых отношений в условиях цифровой экономики / Л. Г. Ефимова // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 8(129). – С. 52-62.

130. Ефимова, Л. Г. Еще раз о понятии и правовой природе электронной формы сделки / Л. Г. Ефимова // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 8(153). – С. 129-137.

131. Ефимова, Л. Г. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах / Л. Г. Ефимова, И. Е. Михеева, Д. В. Чуб // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 4. – С. 79-105.

132. Жуков, Е. Н. Некоторые проблемы применения реституции / Е.Н. Жуков, Е.В. Киреева // Право и практика. – 2018. – № 3. – С. 151-156.

133. Залюбовская, А. Д. NFT: самостоятельный результат интеллектуальной деятельности или экономический суррогат творчества [Электронный ресурс] / А. Д. Залюбовская // Право и бизнес. – 2023. – № 2 // СПС «КонсультантПлюс».

134. Зарапина, Л. В. Соотношение договора присоединения и продиктованного договора в гражданском праве / Л. В. Зарапина // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2019. – Т. 31, № 3. – С. 78-82.

135. Засемкова, О. Ф. Разрешение споров с помощью технологии блокчейн / О. Ф. Засемкова // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 4 (101). – С. 160-167.

136. Захаркина, А. В. Смарт-лицензия: гражданско-правовая характеристика договора [Электронный ресурс] / А.В. Захаркина, Е.Ю. Мартынова // Право и экономика. – 2020. – № 11. – С. 41 – 47 // СПС «КонсультантПлюс».

137. Захаркина, А. В. Смарт-контракт в условиях формирования нормативной платформы экосистемы цифровой экономики Российской Федерации /

А. В. Захаркина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2020. – № 47. – С. 66-82.

138. Зорин, В. С. Понятие и содержание фидуциарных правоотношений / В. С. Зорин // Вестник гражданского права. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 220-241.

139. Зубов, Ю. С. Актуальные тенденции развития регулирования в области патентного права в Российской Федерации [Электронный ресурс] / Ю. С. Зубов // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2023. – №5 // СПС «КонсультантПлюс.

140. Зуйкова, М. С. Смарт-контракт как актуальная проблема гражданского права [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2022/11/24/smart_kontrakty_kak_aktualnaya_problema_grazhdanskogo_prava.

141. Иванова, С. А. К вопросу о содержании понятия односторонней сделки / С. А. Иванова // Проблемы российского законодательства. – 2017. – № 10. – С. 65-69.

142. Илюхина, Д. Ю. Правовые средства организации инвестирования в цифровой экономике [Электронный ресурс] / Д. Ю. Илюхина // Юрист. – 2024. – № 3 // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

143. Илюхина, Д. Ю. Правовые формы инвестирования в цифровой экономике [Электронный ресурс] // Юрист. – 2024. – № 8 // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

144. Калятин, В. О. О правовых последствиях отчуждения оригинала произведения / В. О. Калятин // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2016. – № 7. – С. 5-16.

145. Камалян, В. М. Понятие и правовые особенности смарт-контрактов / В. М. Камалян // Юрист. – 2019. – № 4. – С. 20-27.

146. Камалян, В. М. Технологический и правовой аспекты смарт-контракта / В. М. Камалян // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 8(72). – С. 144-157.

147. Кирсанов, А. Н. Смарт-контракт как особая договорная конструкция в российском законодательстве / А. Н. Кирсанов, А. В. Кузьмин // Право и управление. XXI век. – 2023. – Т. 19, № 3(68). – С. 45-52.

148. Клишина, И. В. Заключение договора о залоге исключительного права на объекты интеллектуальной собственности / И. В. Клишина // Имущественные отношения в РФ. – 2013. – № 4 (139). – С. 94-106.

149. Кондратьев, В. А. Отдельные проблемы обращения взыскания на предмет залога в судебном порядке и способы их решения [Электронный ресурс] // Вестник Российской правовой академии. – 2024. – № 1 // СПС «КонсультантПлюс.

150. Красавчиков, О. А. Гражданские организационно-правовые отношения / О. А. Красавчиков // Антология уральской цивилистики: 1925 - 1989: Сборник статей. – 2001. – С. 156-165.

151. Крашенинников, Е. А. Односторонние и многосторонние сделки [Электронный ресурс] / Е. А. Крашенинников, Ю. В. Байгушева // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. – 2012. – № 7 // СПС «КонсультантПлюс».

152. Кресс, В. В. Теоретические аспекты определения места энергии (энергетических ресурсов) в системе объектов гражданских прав / В. В. Кресс // Lex Russica (Русский закон). – 2024. – Т. 77, № 5 (210). – С. 22-35.

153. Лагошин, Е. В. Договорная концептуализация смарт-контракта в системе гражданско-правового регулирования / Е. В. Лагошин // Юридический мир. – 2024. – № 11. – С. 19-23.

154. Лагошин, Е. В. Смарт-заклад исключительных прав: есть ли будущее у новой цифровой договорной конструкции? / Е. В. Лагошин // Право и экономика. – 2026. – № 8 (462). – С. 70-75.

155. Лагошин, Е. В. Смарт-контракт как метафорическая форма человеческого сознания в системе компьютерного функционализма / Е. В. Лагошин // Право и экономика. – 2024. – № 7 (437). – С. 66-70.

156. Лагошин, Е. В. Цифровая объективизация результатов интеллектуальной деятельности и исключительных прав на них / Е. В. Лагошин // Актуальные проблемы российского права. – 2026. – Т. 21, № 2 (183). – С. 91-99.

157. Лагошин, Е. В. Цифровые сделки: угроза безопасности или фактор экономического развития? / Е. В. Лагошин // Право и экономика. – 2025. – № 1(443). – С. 65-69.

158. Ладенков, Н. Е. Трансформация правовой системы под влиянием цифровизации: причины и тенденции / Н. Е. Ладенков // Философия права. – 2021. – № 1 (96). – С. 164-168.

159. Лебедев, К. К. Инвестиционный контракт: понятие и место в системе договорного права [Электронный ресурс] / К. К. Лебедев // Конкурентное право. – 2020. – № 4 // СПС «КонсультантПлюс».

160. Лепешин, Д. А. Защита авторских и (или) смежных прав в сети Интернет: текущая ситуация и тенденции совершенствования [Электронный ресурс] / Д. А. Лепешин // Российская юстиция. – 2023. – № 5 // СПС «КонсультантПлюс».

161. Лобанова, Д. А. Система регистрации прав на недвижимое имущество Роберта Торренса: критический анализ / Д. А. Лобанова // Вестник гражданского права. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 247-272.

162. Луткова, О. Договор отчуждения исключительных прав и лицензионный договор в трансграничных авторских отношениях [Электронный ресурс] / О. Луткова // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 10. – С. 27-34 // СПС «КонсультантПлюс».

163. Лушников, А. М. "Экономический анализ права" и юриспруденция: различия и общие подходы / А. М. Лушников // Lex Russica (Русский закон). – 2017. – № 8(129). – С. 79-89.

164. Лякин, В. Е. К вопросу о поступке, воле и волеизъявлении / В.Е. Лякин // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 399. – С. 18-23.

165. Мазур, Н. З. Кредитование под залог интеллектуальной собственности и результатов интеллектуальной деятельности [Электронный ресурс] / Н.З. Мазур // – ЭЖ-Бухгалтер. – 2023. – № 47 // СПС «КонсультантПлюс».

166. Маковский, А. Л. Исключительные права и концепция части четвертой Гражданского кодекса [Электронный ресурс] // Гражданское право современной России – 2008 // СПС «КонсультантПлюс».

167. Маколдина, А. А. Конклюдентные действия в гражданском праве / А. А. Маколдина // Вестник гражданского права. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 7-59.

168. Марченко, М. Ю. Договор коммерческой концессии: понятие и правовые основы / М. Ю. Марченко // Вестник магистратуры. – 2014. – № 4-3(31). – С. 66-71.

169. Масальцева, А. И. Реформа коллективного управления авторским правом и смежными правами в РФ: быть или не быть? / А. И. Масальцева // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 3. – С. 19-26.

170. Медушевская, И. Е. Трансакционные издержки коммерческой организации / И. Е. Медушевская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Экономические науки. – 2016. – № 1(4). – С. 29-36.

171. Мжаванадзе, В. Э. Модернизация положений о договоре коммерческой концессии в рамках цифровой экономики [Электронный ресурс] / В. Э. Мжаванадзе // Цивилист. – 2023. – № 2 (42) // СПС «КонсультантПлюс».

172. Михайлова, И. А. Проблемы наследования цифровых активов и возможные направления их решения / И. А. Михайлова, И. Н. Романова // Нотариус. – 2022. – № 2. – С. 20-25.

173. Михайлова, И. А. Трансформации законодательства об авторском праве в условиях развития искусственного интеллекта [Электронный ресурс] / И. А. Михайлова // Современное право. – 2024. – № 9 // СПС «КонсультантПлюс».

174. Москаленко, А. И. Биткоин, технологии блокчейн и развитие интеллектуальной собственности в сети Интернет [Электронный ресурс] / А. И. Москаленко // Международное публичное и частное право. – 2021. – № 5 // СПС «КонсультантПлюс».

175. Москаленко, И. А. Регистрация произведений как инструмент защиты авторских прав в трансграничных отношениях (сеть Интернет) / А. И. Москаленко // Актуальные проблемы российского права. – № 3. – 2019. – С. 142-150.

176. Мураев, Н. В. Субсидиарность иска из неосновательного обогащения / Н. В. Мураев // Вестник гражданского права. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 90-129.

177. Нагородская, В. К вопросу о совместимости свободных (открытых) лицензий и возможности их использования в технологии Blockchain / В. Нагородская // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 11. – С. 39-55.

178. Нестеров, А. В. О цифровых правах и объектах цифровых прав / А. В. Нестеров // Право и цифровая экономика. – 2020. – № 1(07). – С. 11-16.

179. Новосёлова, Л. А. Об активных системах учета интеллектуальных прав [Электронный ресурс] / Л. А. Новосёлова // Пермский юридический альманах. 2018 // СПС «КонсультантПлюс».

180. Новосёлова, Л. А. Реализация интеллектуальных прав в качестве предмета залога (процедурные аспекты) [Электронный ресурс] / Л. А. Новосёлова, О.С. Гринь // Вестник гражданского процесса. – 2020. – № 5 // СПС «КонсультантПлюс».

181. Новосёлова, Л. А. Цифровые финансовые активы как объекты имущественных отношений: актуальные вопросы теории и практики / Л. А. Новосёлова, О. А. Полежаев // Власть Закона. – 2021. – № 2(46). – С. 75-91.

182. Нота Ла Диега, Г. Блокчейн, смарт-контракты и авторское право / Г. Нота Ла Диега // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. – 2019. – Т. 14, № 3. – С. 9–48.

183. Одинцов, С. В. Смарт-контракты в предпринимательской деятельности: сравнительно-правовой анализ правового регулирования / С. В. Одинцов, Е. А. Наклескина // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2022. – № 10(253). – С. 53-63.

184. Орешин, Е. И. Эффективные способы защиты авторских и смежных прав в Интернете: иск об обязании владельца сайта использовать фильтрующую программу / Е.И. Орешин // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2015. – № 9. – С. 48-55.

185. Орлова, М. А. Практические проблемы определения начальной продажной цены предмета залога на стадии обращения взыскания / М. А. Орлова, О. В. Мартынов, С. А. Новиков // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2019. – № 3(210). – С. 80-85.

186. Панов, А. А. К вопросу о категориях воли, волеизъявления и порока воли в теории юридической сделки / А.А. Полежаев // Вестник гражданского права. – 2011. – Т. 11 №1. – С. 52-81.

187. Пашенко, И. Ю. Цифровизация гражданского оборота: утилитарные цифровые права и инвестирование / И. Ю. Пашенко, С. В. Потапенко // Труды по интеллектуальной собственности. – 2024. – Т. 48, № 1. – С. 36-42.

188. Полежаев, О. А. NFT-активы в системе объектов гражданских прав: проблемы юридической квалификации отношений [Электронный ресурс] / О.А. Полежаев // Закон. – 2023. – № 9 // СПС «КонсультантПлюс».

189. Попова, А. В. Онтология (бытие) права в современных реалиях правового регулирования социально ориентированной экономики / А. В. Попова // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 3. — С. 80—89.

190. Райников, А. С. Соотношение договора коммерческой концессии со смежными гражданско-правовыми институтами [Электронный ресурс] / А.С. Райников // Вестник гражданского права. – 2008. – № 3 // СПС «КонсультантПлюс».

191. Резанов, Н. В. Односторонние сделки: общие принципы правового регулирования (часть 1) [Электронный ресурс] / Н. В. Резанов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2022. – № 9 // СПС «КонсультантПлюс».

192. Родионова, О. М. Определение предмета и иных условий договора об отчуждении исключительного права / О. М. Родионова // Право и экономика. – 2017. – № 5(351). – С. 41-44.

193. Рожкова, М. А. Смарт-контракт в договорной практике: программный код и «цифровая надстройка» классического договора [Электронный ресурс] / М. А. Рожкова // Журнал суда по интеллектуальным правам. – 2023. – № 1 (39). – Режим доступа: <https://ipcmagazine.ru/articles/1729328>.

194. Рожкова, М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым [Электронный ресурс] / М.А. Рожкова // Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym.

195. Рузакова, О. А. Договоры в сфере интеллектуальной собственности и цифровые технологии / О.А. Рузакова // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2019. – № 9. – С. 2-7.

196. Рузакова, О. А. Применение технологии Blockchain к систематизации результатов интеллектуальной деятельности / О. А. Рузакова, Е. С. Гринь // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – № 38. – С. 508-520.

197. Рыбалов, А. О. Lex commissoria в современном праве [Электронный ресурс] / А.О. Рыбалов // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. – 2013. – № 3 // СПС «КонсультантПлюс».

198. Савельев, А. И. Договорное право 2.0: "умные" контракты как начало конца классического договорного права / А. И. Савельев // Вестник гражданского права. – 2016. – Т. 16, № 3. – С. 32-60.

199. Савельев, А. И. Правовой режим подготовительных материалов, полученных в ходе разработки программ для ЭВМ [Электронный ресурс] / А. И. Савельев // Закон. – 2023. – № 9 // СПС «КонсультантПлюс».

200. Савина, В. С. Понятие и правовая природа утилитарных цифровых прав [Электронный ресурс] / В. С. Савина, А. В. Гурко, В. А. Свечников // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2022. – № 10 // СПС «КонсультантПлюс».

201. Сафарли, Н. Э. Смарт-контракт: понятие, правовая природа, особенности заключения и исполнения / Н. Э. Сафарли // Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 54-60.

202. Севрюгин, Ю. В. Классификация автоматизированных биржевых торговых стратегий - торговых роботов / Ю. В. Севрюгин, Н. А. Сошин // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. – 2022. – № 2(40). – С. 7-11.

203. Семенникова, Н. Сущность и правовая природа договора коллективного управления авторскими и смежными правами / Н. Семенникова // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2018. – № 11. – С. 51-60.

204. Семёнов, А.В. Удивительные приключения регистрации в интеллектуальном праве [Электронный ресурс] / А.В. Семёнов // Журнал «Закон». – 2023. – № 2 // СПС «КонсультантПлюс».

205. Синюков, В. Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы / В. Н. Синюков // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 9(154). – С. 9-18.

206. Снопкова, А. В. Проблемы правовой охраны объектов digital art / А.В. Снопкова // Право цифровой экономики. – 2022. – № 18. – С. 62-97.

207. Соменков, С. А. Об обращении взыскания на предмет залога / С. А. Соменков // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 5. – С. 20-25.

208. Сомова, Е. В. Смарт-контракт в договорном праве / Е. В. Сомова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2019. — № 2. — С. 79–86.

209. Суханов, Е. А. Договор доверительного управления имуществом [Электронный ресурс] / Е. А. Суханов // Вестник ВАС РФ. — № 1, —2000. // СПС «КонсультантПлюс».

210. Суханов, Е. А. О гражданско-правовой природе "цифрового имущества" [Электронный ресурс] / Е. А. Суханов // Вестник гражданского права. – 2021. – Т. 21, № 6 // СПС «КонсультантПлюс».

211. Таболин, А. В. Правовое регулирование интеллектуальной собственности: проблемы лицензионных договоров [Электронный ресурс] / А. В. Таболин // Юридический мир. – 2014. – № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

212. Талапина, Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы / Э. В. Талапина // Журнал российского права. – 2018. – № 2(254). – С. 5-17.

213. Телюкина, М. В. Кондикционные обязательства (теория и практика неосновательного обогащения) / М. В. Телюкина // Законодательство – 2002. – № 3. – С. 8-16.

214. Трунцевский, Ю. В. Смарт-контракт: от определения к определенности / Ю. В. Трунцевский, В. В. Севальнев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 1. – С. 118-148.

215. Уткин, В. В. К вопросу о правовом регулировании смарт-контрактов / В. В. Уткин // Хозяйство и право. – 2022. – № 11(550). – С. 92-98.

216. Федотов, М. А. Проблемы и перспективы коллективного управления авторскими и смежными правами / М.А. Федотов // Труды по интеллектуальной собственности. – 2007. – Т. 8, № 1. – С. 3-8.

217. Фёдоров, Д. В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта / Д. В. Фёдоров // Вестник гражданского права. – 2018. – Т. 18, № 2. – С. 30-74.

218. Формакидов, Д. А. Договор коммерческой концессии: правовая природа и существенные условия [Электронный ресурс] / Д. А. Формакидов // Российский юридический журнал. – 2023. – № 5 (152) // СПС «КонсультантПлюс».

219. Фролов, П. П. Депонирование как ключ к решению проблемы авторства музыкальных произведений [Электронный ресурс] / П. П. Фролов // Право и бизнес. – 2021. – № 4 // СПС «КонсультантПлюс».

220. Хабриева, Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2019. – № 12. – С. 5-18.

221. Харитонова, Ю. С. Токенизация искусства и право интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] / Ю.С. Харитонова // Юрист. – 2021. – № 9 // СПС «КонсультантПлюс».

222. Харитонова, Ю. С. Утилитарные невзаимозаменяемые токены в российском правовом порядке: проблемы легализации [Электронный ресурс] / Ю.С. Харитонова // Закон. – 2023. – № 9 // СПС «КонсультантПлюс».

223. Целлер, А. И. О некоторых особенностях практики акцептования оферты конклюдентными действиями / А. И. Целлер // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – Т. 4, № 2. – С. 96-101.

224. Цепов, Г. В. К цивилистической теории смарт-контрактов [Электронный ресурс] / Г. В. Цепов, Н. В. Иванов // Закон. – 2022. – № 3. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

225. Цыгулева, М. В. Первый опыт реализации цифровых изображений произведений из собрания музея и передачи прав на них с использованием невзаимозаменяемых токенов / М.В. Цыгулева // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2021. — № 9 (240). — С. 84-95.

226. Чаннов, С. Е. Легализация программного кода как социального регулятора: возможности и проблемы / С. Е. Чаннов // Информационное право. — 2021. — № 4. — С. 27-31.

227. Челышева, Н. Ю. Концепция правового регулирования смарт-контракта в гражданском праве [Электронный ресурс] / Н. Ю. Челышева // Право и экономика. – 2022. – № 7(413) // СПС «КонсультантПлюс».

228. Чирков А. В. Регулирование рисков потребителя при заключении и исполнении смарт-контракта / А. В. Чирков // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 11. — С. 180–189.

229. Чупрунов, И. С. Договор об отчуждении исключительного права и лицензионный договор как формы распоряжения исключительным правом [Электронный ресурс] / И.С. Чупрунов // Вестник гражданского права. – 2008. – № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

230. Чурилов, А. Ю. Правовое регулирование оборота невзаимозаменяемых токенов: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] / А. Ю. Чурилов // Хозяйство и право. — 2022. — № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

231. Чурилов, А. Ю. Фиксация и оборот исключительных прав на объекты авторского права с помощью смарт-контрактов: миф или реальность? / А. Ю. Чурилов // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 3. — С. 89–99.

232. Шугаев, Р. И. Электронная форма сделок: вопросы правового регулирования / Р. И. Шугаев // Цифровое право. – 2023. – Т. 4, № 2. – С. 40-63.

233. Щелкина, М. П. Эволюция Бернской конвенции об авторских правах / М. П. Щелкина // Научный аспект. – 2024. – Т. 20, № 6. – С. 2412-2417.

234. Щербак, Н. В. Digital art в условиях электронной коммерции [Электронный ресурс] / Н. В. Щербак // ИС. Авторское право и смежные права. – 2022. – № 7 // СПС «КонсультантПлюс».

235. Щербак, Н. В. Параллельное творчество или плагиат: сходство, различие, критерии разграничения / Н. В. Щербак // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2023. – № 2. – С. 26-40.

236. Щербак, Н. В. Феномен распоряжения исключительным авторским правом / Н. В. Щербак // Хозяйство и право. – 2017. – № 11(490). – С. 83-101.

237. Юрасов, М. Ю. Смарт-контракт и перспективы его правового регулирования в эпоху технологии блокчейн [Электронный ресурс] / М. Ю. Юрасов, Д. А. Поздняков. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2017/10/9/smartkontrakt_i_perspektivy_ego_pravovogo_regulirovaniya_v_epohu_tehnologii_blokchejn#_ftn10.

238. Якунин, В. А. Смарт-контракт. Смарт-Бухгалтерия? / В. А. Якунин // Факторы успеха. – 2018. – № 1(10). – С. 128-131.

239. Яценко, Т.С. Перспективы использования блокчейна в сфере интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] / Т. С. Яценко, М. Ю. Прокш // Журнал «Закон». – 2024. – № 8 // СПС «КонсультантПлюс».

VI. Диссертации и авторефераты диссертаций

240. Балашова, А. И. Сроки в патентном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3. / Балашова Анна Игоревна. – Москва, 2024. – 318 с.

241. Зайнутдинова, Е. В. Смарт-контракт в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Зайнутдинова Елизавета Владимировна. – Новосибирск, 2022. – 238 с.

242. Кирсанова, Е. Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Кирсанова Екатерина Евгеньевна. – Москва, 2021. – 27 с.

243. Кобыляцкий, Д. А. Правовая охрана произведений в сети интернет : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Кобыляцкий Дмитрий Андреевич. – Ростов-на-Дону, 2015. – 196 с.

244. Котенко, Е. С. Мультимедийный продукт как объект авторских прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Котенко Елена Сергеевна. – Москва, 2012. – 26 с.

245. Лапин, Н. М. Регулирование авторских договоров в России, Нидерландах и Великобритании: правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Лапин Никита Михайлович. – Москва, 2012. – 27 с.

246. Петраков, А. Ю. Правовое регулирование предпринимательской деятельности на территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Петраков Андрей Юрьевич. – Москва, 2018. – 224 с.

247. Петраков, Н. А. Цифровое имущество как объект гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3. Петраков Никита Андреевич — Москва, 2024. — 252 с.

248. Рузакова, О. А. Система договоров о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Рузакова Ольга Александровна – Москва, 2007. – 497 с.

249. Садков, В. А. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав и их оборот : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Садков Виталий Андреевич. – Волгоград, 2022. – 211 с.

250. Сарбаш, С. В. Общее учение об исполнении договорных обязательств : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Сарбаш Сергей Васильевич. – Москва, 2005. – 49 с.

251. Толстой, В. С. Понятие и значение односторонних сделок в советском гражданском праве : автореферат дис. ... канд. юрид. наук / Толстой Владимир Степанович. – Москва. 1966. – 15 с.

VII. Иностранные источники

252. Allen, D. The Governance of Blockchain Dispute Resolution / D. Allen, A. Lane, M. Poblet // Harvard Negotiation Law Review. – 2019. – Vol. 25. – P. 75-101.

253. Asikin, U. Intellectual Property Rights in the Use of Blockchain Technology From A Contemporary Islamic Legal Perspective / U. Asikin, T. Yaniza, S. Rohani, D. Sari [и др.] // Daengku: Journal of Humanities and Social Sciences Innovation. – 2023. – Vol. 3. – № 6. – P. 981-997.

254. Bamakan, S. M. H. Patents and intellectual property assets as non-fungible tokens; key technologies and challenges / S. M. H. Bamakan, N. Nezhadsistani, O. Bodaghi [и др.] // Scientific Reports. – 2022. – Vol. 12. – № 1– P. 1-13.

255. Bodo, B. Blockchain and smart contracts: the missing link in copyright licensing? / B. Bodo, D. Gervais, J. Quintais // International Journal of Law and Information Technology. – 2018. – № 26. – P. 311–336.

256. Buchleitner, C. Blockchain und Smart Contracts. Revolution oder alter Wein imdigitalen Schlauch? / C. Buchleitner, T. Rabl // Ecolex. – 2017. – № 1. – P. 4–14.

257. Catchlove, P. Smart Contracts: A New Era of Contract Use. Queensland University of Technology [Электронный ресурс] / P. Catchlove. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3090226>.

258. Chandratre, A. Blockchain Based Intellectual Property Management [Электронный ресурс] / A. Chandratre, A. Pathak. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3800734>.

259. Corbet, S. Cryptocurrency liquidity and volatility interrelationships during the COVID-19 pandemic / S. Corbet, G. Hou, Y. Hu [и др.] // Financ. Res. Lett. – 2022. – Vol. 45. – № 102137. – P. 1-9.

260. Cuccuru, P. Beyond bitcoin: An early overview on smart contracts / P. Cuccuru // International Journal of Law and Information Technology. – 2017. – № 25. – P. 179-195.
261. Cutts, T. Smart Contracts and Consumers / T. Cutts // West Virginia Law Review. – 2019. – Vol. 122. – № 2. – P. 389-445.
262. Dong, X. Types and Methods of Assessing the Value of Intellectual Property Pledge Financing / X. Dong // Academic Journal of Management and Social Sciences. – 2023. – № 5(2). – P. 94-98.
263. Dowling, M. Is non-fungible token pricing driven by cryptocurrencies? / M. Dowling // Finance Research Letters. – 2021. – № 44. – P. 1-13.
264. Duan, Z. Form Specification of Smart Contract for Intellectual Property Transaction Based on Blockchain / Z. Duan, W. Feng, W. Zhong [и др.] // Wireless Communications and Mobile Computing. – 2022. – P. 1-9.
265. Felten, E. Smart Contracts: Neither Smart nor Contracts [Электронный ресурс] / E. Felten // Freedom to Tinker. – Режим доступа: <https://freedom-to-tinker.com/2017/02/20/smart-contracts-neither-smart-not-contracts>.
266. Ferreira, A. Smart Contracts and the Law / A. Ferreira // Blockchain and the Law. Information Technology and Law Series. – 2024. – Vol 37. – P. 125-143.
267. Forbes, L. Consumer Protection in the Face of Smart Contracts / L. Forbes // Loyola Consumer Law Review. – 2022. – Vol. 34. – № 1. – P. 45-78.
268. Freni, P. Tokenomics and blockchain tokens: A design-oriented morphological framework / P. Freni, E. Ferro, R. Moncada // Blockchain Res. Appl. – 2022. – Vol. 3. – № 100069. – P. 1-16.
269. Ghodoosi, F. Contracting in the Age of Smart Contracts / F. Ghodoosi // Washington Law Review. – 2021. – № 51. – P. 51-92.
270. Grigg, I. The Ricardian contract [Электронный ресурс] / I. Grigg – Режим доступа: https://www.iang.org/papers/ricardian_contract.html.
271. Habib, A. Promises [Электронный ресурс] / A. Habib // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. – Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/promises>.

272. Harrak, M. E. Smart Contracts and Intellectual Property: Revolutionizing Management and Enforcement of patents, Copyrights and Trademarks in the Digital Age/ M. E. Harrak // *Revue libre de Droit*. – 2021. – P. 107-111.

273. Hauck, R. Blockchain, smart contracts and intellectual property. Using distributed ledger technology to protect, license and enforce intellectual property rights / R. Hauck // *Legal Issues in the Digital Age*. – 2021. – № 1. – P. 17–41.

274. Heckelmann, M. Zulässigkeit und Handhabung von Smart Contracts / M. Heckelmann // *Neue Juristische Wochenschrift*. – 2018. – Vol.71. – № 8. – P. 504 – 510.

275. Hillis, A. The reading process and its disorders / A. Hillis, A. Caramazza // *Cognitive neuropsychology in clinical practice*. Oxford University Press; New York. – 1992. – P. 229-261.

276. Horst, S. The computational theory of mind [Электронный ресурс] / S. Horst // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. – Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/computational-mind>.

277. Jaccard, G. Smart Contracts and the Role of Law [Электронный ресурс] / G. Jaccard – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3099885>.

278. Kazeeva, I. Sui Generis Intellectual Property Protection. Comparison of EU and U.S. Regulatory Approaches / I. Kazeeva. – Singapore : Springer, 2024. – 94 p.

279. Köksal, B. The Smart Contracts Trilemma [Электронный ресурс] / B. Köksal, R. Sarel. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=4689013>.

280. Konashevych, O. Constraints and benefits of the blockchain use for real estate and property rights / O. Konashevych // *Journal of Property, Planning and Environmental Law*. – 2020. – № 12(2). – P. 109–127.

281. Koziol, H. Basic Questions of Tort Law From a Germanic Perspective / H. Koziol. – Wien : Jan Sramek Verlag, 2012. – 382 p.

282. Künnapas, K. From Bitcoin to Smart Contracts: Legal Revolution or Evolution from the Perspective of de lege ferenda? / K. Künnapas // *The Future of Law and eTechnologies*. – Bern : Springer International, 2016. – 233 p.

283. Lessig, L. Code and Other Laws of Cyberspace / L. Lessig. – New York : Basic Books, 1999. – 297 p.

284. Lessig, L. Code is Law: On Liberty in Cyberspace [Электронный ресурс] / L. Lessig // Harvard Magazine. – Режим доступа: <https://harvardmagazine.com/2000/01/code-is-law.html>.

285. Levi, S. D. An Introduction to Smart Contracts and Their Potential and Inherent Limitations [Электронный ресурс] / S. D. Levi, A. B. Lipton. – Режим доступа: <https://corpgov.law.harvard.edu/2018/05/26/an-introduction-to-smart-contracts-and-their-potential-and-inherent-limitations>.

286. Ma, A. Blockchain-Enabled Smart Legal Contracts / A. Ma // Blockchain Applications – Transforming Industries, Enhancing Security, and Addressing Ethical Considerations. – 2023. – P. 1-17.

287. Madir, J. Smart Contracts: (How) Do They Fit Under Existing Legal Frameworks? [Электронный ресурс] / J. Madir. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3301463>.

288. Magnanini, F. Efficient License Management Based on Smart Contracts Between Software Vendors and Service Providers [Электронный ресурс] / F. Magnanini, L. Ferretti, M. Colajanni. – Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/338077339>.

289. Mann, A. J. The anatomy of copyright law in Scotland before 1710 / A. J. Mann // Research Handbook on the History of Copyright Law. – Cheltenham (UK), Northampton Massachusetts (USA) : Edward Elgar. – 2016. – P. 96-118.

290. Martino, E. D. The Social Cost of Blockchain: Externalities, Allocation of Property Rights, and the Role of the Law / E. D. Martino, W.-G. Ringe // European Journal of Risk Regulation. – 2025. – P. 1-18.

291. Meitinger, T. H. Smart Contracts [Электронный ресурс] / T. H. Meitinger // Informatik-Spektrum. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s00287-017-1045-2>.

292. Meyer, O. Stopping the Unstoppable - Termination and Unwinding of Smart Contracts [Электронный ресурс] / O. Meyer // Journal of European Consumer and Market Law (EuCML). – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3537477>.

293. Morabito, V. Business Innovation Through Blockchain. The B³ Perspective / V. Morabito. – Cham : Springer International Publishing AG , 2017. – P. 173.

294. Nkechi, A. Smart Contracts, Artificial Intelligence and Intellectual Property: Transforming Licensing Agreements in the Tech Industry / A. Nkechi, G. Mbah // International Journal of Research Publication and Reviews. – 2024. – Vol. 5. – № 12. – P. 317-332.

295. Nzuva, S. Smart Contracts Implementation, Applications, Benefits, and Limitations [Электронный ресурс] / S. Nzuva // Journal of Information Engineering and Applications. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/336369143_Smart_Contracts_Implementation_Applications_Benefits_and_Limitations.

296. Papantoniou, A. Smart Contracts in the New Era of Contract Law [Электронный ресурс] / A. Papantoniou. – Режим доступа: <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2020-1-4-8-24>.

297. Peters, M. Negotiation and take it or leave it in common agency / M. Peters // Journal of Economic Theory. – 2003. – № 1. – P. 88-109.

298. Porras, E. R. Intellectual property and the blockchain sector, a world of potential economic growth and conflict / E. R. Porras // Intellectual Property – Global Perspective Advances and Challenges. – 2023. – P. 1 - 26.

299. Putnam, H. Functionalism: Cognitive Science or Science Fiction? / H. Putnam // The Future of the Cognitive Revolution. – Oxford: Oxford University Press. – 1997. – P. 32-44.

300. Raj, P. Leveraging Smart Contracts for Fair and Transparent Intellectual Property Transactions on Block Chain / P. Raj // Kashmir Journal of Legal Studies. – 2024. – № 1. – P. 257-270.

301. Raskin, M. The Law and Legality of Smart Contracts / M. Raskin // Georgetown Law Technology Review. – 2017. – Vol. 1:2. – P. 305-341.

302. Regner, F. NFTs in Practice – Non-Fungible Tokens as Core Component of a Blockchain-based Event Ticketing Application [Электронный ресурс] / F. Regner, A. Schweizer, N. Urbach – Режим доступа:

https://www.researchgate.net/publication/336057493_NFTs_in_Practice_-_Non-Fungible_Tokens_as_Core_Component_of_a_Blockchain_based_Event_Ticketing_Application.

303. Sadeghi, M. Application of Blockchain in Protecting Intellectual Property Rights and its Practical Dimensions / M. Sadeghi, S. Molapanah, M.Safari // Private Law. – 2023. – № 20 (1). – P. 31-44.

304. Sklaroff, J. Smart Contracts and the Cost of Inflexibility / J. Sklaroff // University of Pennsylvania Law Review. – 2017. – Vol. 166. – P. 263-303.

305. Stazi, A. Smart Contracts and Comparative Law: A Western Perspective / A. Stazi. – Switzerland : Springer Cham, 2021. – 147 p.

306. Surden, H. Computable Contracts / H. Surden // UC Davis Law Review. – 2012. – Vol. 46. – № 629. – P. 629-700.

307. Szabo, N. Formalizing and securing relationships on public networks [Электронный ресурс] / N. Szabo // First Monday. – 1997. – Vol. 2. – № 9. Режим доступа: <https://journals.uic.edu/ojs/index.php/fm/article/view/548/469>.

308. Szabo, N. Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets [Электронный ресурс] / N. Szabo. – Режим доступа: https://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart_contracts_2.html.

309. Szabo, N. Smart Contracts. Essays on Smart Contracts, Commercial Controls and Security [Электронный ресурс] / N. Szabo. – Режим доступа: <http://www.fon.hum.uva.nl>.

310. Szczerbowski J. Place of Smart Contracts in Civil Law. A Few Comments on Form and Interpretation / J. Szczerbowski // Proceedings of the 12th Annual International Conference «New Trends». – Znoimo : Private College of Economic Studies, 2017. P. 333–338.

311. Vatiero, M. Smart Contracts vs Incomplete Contracts: A Transaction Cost Economics Viewpoint / M. Vatiero // Computer Law & Security Review. – 2022. – Vol. 46. – P. 1-8.

312. Wang, J. Regulating Smart Contracts and Online Platforms A Chinese Perspective / J. Wang, L. Chen // The Cambridge Handbook of Smart Contracts, Blockchain Technology and Digital Platforms. – 2019. – P. 183-210.

313. Wells, W. C. Seventeenth-century tokens of Northamptonshire [Электронный ресурс] / W.C. Wells. – Режим доступа: https://www.britnumsoc.org/publications/Digital%20BNJ/pdfs/1909_BNJ_6_15.pdf.

314. Werbach, K. Contracts Ex Machina / K. Werbach, N. Cornell // Duke Law Journal. – 2017. – Vol. 67:313. – P. 313-382.

315. Wright, A. Decentralized Blockchain Technology and the Rise of Lex Cryptographia [Электронный ресурс] / A. Wright, P. De Filippi. – Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2580664.

316. Xu, J. Digital Image Copyright Protection and Management Approach—Based on Artificial Intelligence and Blockchain Technology / J. Xu, J. Zhang, J. Wang // Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research. – 2025, – Vol. 20 (2). – № 76. – P. 1-26.

317. Yeung, K. Regulation by Blockchain: The Emerging Battle for Supremacy Bet ween the Code of Law and Code as Law / K. Yeung // Modern Law Review. – 2019. – Vol. 82. – Iss. 2. – P. 207–239.

318. Yoga, I. Transformation of Intellectual Property Rights Protection in the Blockchain Era: Exploring the Potential of Revolution or Evolution in the Management of Innovation and Creativity / I. Yoga, C. Dewi // Pena Justisia: Media Komunikasi dan Kajian Hukum. – 2024. – Vol. 23. – № 3. – P. 1-9.

VIII. Иные источники

319. Аналитический доклад «Токенизация активов реального мира: экономическая природа и опыт регулирования» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/170116/analytical_report_22112024.pdf

320. В США сожгли картину Бэнкси и превратили ее в «виртуальный актив» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/04/03/2021/6040d9459a79472ec22a722e>.

321. Внесен проект, направленный на решение вопросов о порядке определения долей в исключительном праве и о распоряжении такими долями [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. – Режим доступа: <https://duma.gov.ru/news/58256>.

322. ВТБ представил применение смарт-контрактов с расчетами цифровыми рублями [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://1prime.ru/20240606/vtb-848922303.html?ysclid=m0p8pqf4oj764949682>.

323. Интеграция цифровых валют реально может заменить SWIFT [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. – Режим доступа: <https://cbr.ru/press/event/?id=16893>.

324. Интервью Председателя Верховного Суда РФ Игоря Краснова «Российской газете» и информационному агентству ТАСС [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/34833.

325. Концепция цифрового рубля [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. – Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf.

326. Криптограбление года: взлом кошелька Parity [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.if24.ru/kriptoograblenie-goda-parity/?ysclid=m0wfmtvef8402842736>

327. Масштаб сети [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://сеть.рцис.рф>.

328. Онлайн платформа для создания, продажи и покупки франшизы на базе блокчейн-технологий Scale IT [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://scaleit.ru>.

329. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024 и 2025 годов, одобренные Советом директоров

Банка России 01.11.2022 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. – Режим доступа: https://cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2023_2025.

330. ПМЭФ-2024: Президент о значимости интеллектуальной собственности для развития страны [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности. – Режим доступа: <https://rospatent.gov.ru/index.php/ru/news/pmehf--2024>.

331. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 29.02.2024 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: сайт. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471111.

332. Правительство России: Встреча Михаила Мишустина с руководителем Федеральной службы по интеллектуальной собственности Юрием Зубовым [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности. – Режим доступа: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/pravitelstvo-rossii-22082024>.

333. РЦИС и Роспатент зарегистрировали первую в России цифровую сделку с патентом [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности. – Режим доступа: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/30-09-2025-rcis-i-rospatent-zaregistrirovali-pervuyu-v-rossii-cifrovuyu-sdelku-s-patentom>.

334. Страховая компания АХА запустила сервис для страхования задержек авиарейсов, использующий смарт-контракты Ethereum [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://bitexpert.io/news/axa-zapustila-servis-straxovania-aviareisov>.

335. Суды подтвердили отсутствие у лейбла «Джем» прав на песни «Технологии» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://ria.ru/20250916/prava-2042203439.html>.

336. Утверждена Концепция токенизации активов реального сектора российской экономики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Минфина России. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=40191.

337. Цифровой коллаж продали за фантастическую сумму в 69,3 миллиона долларов [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.mk.ru/culture/2021/03/12/cifrovoy-kollazh-prodali-za-fantasticheskuyu-summu-v-693-millionov-dollarov.html>.

338. Цифровой рубль [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. – Режим доступа: <https://cbr.ru/fintech/dr>.

339. Цифровой рубль: текущий статус проекта [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. – Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/177415/digital_ruble_30062025.pdf.

340. Экспериментальные правовые режимы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/eksperimentalnye_pravovye_rezhimy/?ysclid=lm7mwhp6qm18970697.

341. Эрмитаж продал NFT-токены картин из своей коллекции на 32 млн. рублей [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.rbc.ru/crypto/news/61376bd99a7947185cd5d967?ysclid>.

342. S7 и Альфа-Банк впервые в РФ провели сделку с использованием blockchain [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/3895760>.

343. IPeX [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://ipex.ru>.

344. \$17 Million Realized in Sotheby's First NFT Sale with Digital Creator Pak [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.sothebys.com/en/articles/17-million-realized-in-sothebys-first-nft-sale-with-digital-creator-pak>.

345. Blockchain: legal and regulatory guidance report (third edition) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.lawsociety.org.uk/topics/research/blockchain-legal-and-regulatory-guidance-report>.

346. CodeLegit Conducts First Blockchain-based Smart Contract Arbitration Proceeding [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://datarella.com/codelegit-conducts-first-blockchain-based-smart-contract-arbitration-proceeding>.

347. Digital 2026 Global Overview Report [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://wearesocial.com/uk/blog/2025/10/digital-2026-global-overview-report>.

348. Smart Contracts Market Research Report Information – Market Forecast Till 2032 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.marketresearchfuture.com/reports/smart-contracts-market-4588>.